БИБЛИОТЕКА
ЮРИДИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
3776

# Къ вопросу о церковномъ имуществѣ и отношеніи государства къ церковнымъ недвижимымъ имѣніямъ въ Россіи.

(Докладъ Присяжнаго Повѣреннаго Н. Д. Кузнецова IV отдѣлу Предсоборнаго Присутствія).

## I.

Способъ разъясненія вопроса, вызываемый особенностями переживаемаго момента. Понятіе церковнаго имущества. Способы образованія его въ Византіи. Природа церковнаго имущества и вытекающія изъ нея его особенности по указанію древнихъ церковныхъ правилъ.

На насъ, призванныхъ къ подготовленію проекта церковныхъ преобразованій и разработкѣ матеріала для будущихъ законовъ, лежитъ нелегкая обязанность возможно лучше уяснить себѣ, а затѣмъ и передъ сознаніемъ общества, тотъ или иной вопросъ согласно требованіямъ науки въ его исторической перспективѣ и, не загромождая сознаніе одними готовыми формулами и выводами, понять отношеніе вопроса къ дѣйствительной жизни. Обязанность эта еще болѣе усиливается особенностями переживаемаго нами момента. Теперь, когда передъ сознаніемъ русскаго общества выступаютъ разные сложнѣйшіе вопросы государственныхъ и церковныхъ преобразованій, очень немало людей, прочитавъ о нихъ мелкія брошюрки, часто совершенно затемняющія истинное положеніе вопроса, считаютъ однако себя уже готовыми ихъ авторитетно обсуждать и даже писать законы съ той или иной помимо брошюръ невѣдомой имъ области. Кто обращалъ вниманіе на нашъ книжный рынокъ и на содержаніе большинства газетныхъ статей, тотъ безъ сомнѣнія, убѣдился, что за послѣднее время къ намъ хлынулъ изъ Европы цѣлый потокъ разныхъ идей, касающихся государства и свя-

занныхъ съ нимъ сложнѣйшихъ вопросовъ соціальной жизни и его отношеній къ церкви. По русской землѣ успѣли уже распространиться милліоны экземпляровъ всякаго рода дешевыхъ книгъ и копѣечныхъ брошюръ. Во многихъ изъ нихъ на какихъ-нибудь 20—30 страницахъ разбираются самые важные и запутанные вопросы или высказываются положенія, выхваченныя составителями, по ихъ усмотрѣнію, изъ цѣлыхъ системъ и обширныхъ сочиненій и внѣ связи съ ними способныя производить на неопытнаго читателя впечатлѣніе какихъ-то будто-бы общеизвѣстныхъ истинъ, но до сихъ поръ лишь скрываемыхъ отъ насъ цензурной оградой. Все это потокомъ врывается въ просыпающееся сознаніе русскаго народа и едва-ли не угрожаетъ заполнить его одностороннимъ матеріаломъ, сразу установить узкое и невѣрное пониманіе разныхъ сторонъ общественной жизни и много русскихъ людей превратить въ грамофоны для брошюръ. Человѣку мало развитому вообще, не привыкшему къ критическому мышленію и ранѣе не представлявшему себѣ даже возможности многихъ выдвинутыхъ передъ его сознаніемъ идей, конечно, трудно разобраться во всѣхъ этихъ новыхъ для него вопросахъ и предлагаемыхъ для нихъ рѣшеніяхъ. Простые умы легко могутъ быть сбиты съ толку. Будучи не въ силахъ поставить все вычитанное ими въ какую либо связь съ болѣе широкимъ кругомъ человѣческаго знанія и опыта, они дѣлаются склонны принимать его за непреложное слово истины и видѣть въ немъ образецъ для правильнаго разрѣшенія современныхъ вопросовъ. Присоединимъ къ этому склонность русской интеллигенціи, отмѣченную еще авторомъ „Капитала“ К. Марксомъ въ его письмахъ, всегда „гоняться за самымъ крайнимъ изъ того, что даетъ Западъ“, которую, кстати сказать, Марксъ цѣнилъ у тогдашнихъ ея представителей очень невысоко и усматривалъ въ ней, какъ онъ выражался, „чистую гастрономію“. Всѣмъ этимъ, вѣроятно, и нужно объяснять, что въ настоящее время при обсужденіи предполагаемыхъ реформъ очень нерѣдко обнаруживается какое-то тупое забвеніе особенностей самой Россіи, исторіи, характера и потребностей русскаго народа, которыя обособляютъ его въ отдѣльную націю и которыя никакъ не могутъ быть игнорируемы при организаціи государственнаго строя. Подобное направленіе мыслей

и дѣятельности можетъ оказаться наиболѣе вреднымъ по отношенію къ вопросамъ связаннымъ съ Православной Церковью въ Россіи. Въ той области, гдѣ церковь соприкасается съ государствомъ большинство современныхъ общественныхъ дѣятелей являются почти безпомощными, одни по религіозному индиферентизму, лишающему ихъ возможности понимать церковныя потребности, другіе по недостатку знаній религіозной стороны человѣческой жизни, препятствующему имъ разобраться въ вопросѣ какъ должно. У многихъ-ли, принимающихъ теперь на себя роль общественныхъ дѣятелей, существуютъ, наприм., какія-либо достаточныя жизненныя переживанія процесса участія въ церковной жизни, безъ которыхъ едва-ли возможно уловить ея потребности и положить ихъ въ основаніе своихъ соображеній и дѣятельности. Безъ живаго общенія съ Церковью особенно легко сдѣлаться рабомъ разныхъ ходячихъ выводовъ и утвержденій, обыкновенно враждебныхъ Церкви и въ изобиліи насыщающихъ собой общественное мнѣніе Европы. Между тѣмъ въ вопросахъ о Церкви уже всего менѣе можно руководствоваться идеями, выросшими на совершенно другой почвѣ и при иныхъ условіяхъ, и подражать въ этомъ Европѣ значило бы не считаться ни съ указаніями всей нашей исторіи, ни съ дѣйствительными потребностями русской жизни. Лучшимъ средствомъ противъ разсѣянія въ современномъ хаосѣ мыслей и схваченныхъ на лету положеній вопроса о церковномъ имуществѣ я и считаю исполненіе нами по возможности указанной выше обязанности стараться выяснить вопросъ въ его исторической перспективѣ и въ отношеніяхъ къ жизни, которыя во многомъ хорошо отражаются въ ходѣ законодательства. Подробное изученіе вопроса о церковномъ имуществѣ, какъ извѣстно, составляетъ часть науки церковнаго права. Освѣщаемый наукой вопросъ этотъ выступаетъ какъ довольно сложный. Онъ содержитъ въ себѣ обширную исторію образованія института церковнаго имущества, обнаруженій его въ жизни, отношеній къ нему со стороны государства, разборъ и построеніе разныхъ теорій о субъектѣ правъ въ церковномъ имуществѣ и т. д. Конечно, мы не можемъ разсмотрѣть этотъ вопросъ во всей его полнотѣ уже по одному тому, что предсоборному Присутствію заранѣе опредѣленъ небольшой срокъ окончанія занятій 15 Декабря сего

года, совершенно не соотвѣтствующій тому, что еще должно было бы сдѣлать Присутствіе. Поэтому я принужденъ коснуться вопроса о церковномъ имуществѣ только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, которыя теперь преимущественно нужно имѣть въ виду,—самаго понятія церковнаго имущества съ вытекающими отсюда его особенностями и отношеній со стороны государства къ церковнымъ недвижимымъ имѣніямъ въ Россіи.

Христіанская Церковь, какъ обнаруживаетъ она себя на землѣ, состоитъ изъ двухъ сторонъ, духовной и внѣшней съ относящимися къ ней учрежденіями и разнаго рода требуемыми ею матеріальными средствами. Подобно тому какъ человѣческій духъ для своего проявленія на землѣ нуждается въ тѣлѣ, такъ и хранящіяся въ Церкви сокровища духовной жизни для передачи міру требуютъ извѣстныхъ внѣшнихъ формъ и матеріальныхъ средствъ. Наприм., для возможно непрестаннаго свидѣтельства о Богѣ и проповѣди христіанства необходимы, какъ показываетъ вѣковой опытъ, особыя зданія—храмы. Устройства и поддержанія храмовъ и многихъ другихъ предметовъ требуетъ и самое богослуженіе съ его центромъ—Евхаристіей. А богослуженіе, совершеніе таинствъ и вообще необходимость іерархіи вызываетъ потребность въ средствахъ для содержанія духовенства. Въ интересахъ распространенія христіанства необходимо, не говоря уже о другихъ многочисленныхъ книгахъ, печатаніе самаго св. Писанія и т. п. Церковь уже въ силу одного того, что она предназначена къ дѣятельности и спасенію людей, состоящихъ изъ духа и плоти, не можетъ не пользоваться для осуществленія своихъ цѣлей и разнаго рода матеріальными средствами и предметами. Совокупность же матеріальныхъ средствъ и предметовъ, принадлежащихъ Церкви и служащихъ для достиженія ею своихъ задачъ въ мірѣ, и представляетъ то, что должно быть названо церковнымъ имуществомъ. Лишить или даже затруднить Церковь обладать нужнымъ ей имуществомъ, это значило бы отнять у ней возможность или по меньшей мѣрѣ препятствовать выполненію Церковью своей великой миссіи въ мірѣ. Не слѣдуетъ упускать также изъ виду, что чѣмъ болѣе культура проникаетъ въ народныя массы, увеличиваетъ ихъ потребности и вообще усложняетъ человѣческую жизнь, тѣмъ необходимѣе становится и для Церкви имѣть въ

своемъ распоряженіи болѣе разнообразныя матеріальныя средства.

Въ самое первое время христіанства вопросъ о матеріальныхъ средствахъ для его Церкви, конечно, не могъ замѣтно выдвинуться. Но ясные зачатки этой потребности многіе находятъ еще въ обстоятельствахъ жизни самого Спасителя и его учениковъ. Блаженный Августинъ, наприм., выводитъ начало церковнаго имущества изъ Іоанна IV, 8, XII, 6 и XIII, 29, гдѣ евангелистъ говоритъ о денежномъ ящикѣ, находившимся у Іуды и предназначенномъ на удовлетвореніе насущныхъ потребностей общества Христова и на подаянія нищимъ. Еще яснѣе необходимость въ такомъ имуществѣ выступила съ образованіемъ первой христіанской общины въ Іерусалимѣ. Живость религіознаго настроенія первыхъ христіанъ и сознаніе ими себя въ качествѣ членовъ единой Христовой Церкви сопровождалась у нихъ стремленіемъ все свое имущество передать въ распоряженіе Церкви и обратить его въ церковное. Но въ то отдаленное отъ насъ время Церковь по тогдашнимъ обстоятельствамъ не могла еще предназначать имущество для будущаго времени и въ Церкви еще не появлялось учрежденій разсчитанныхъ на оказаніе помощи послѣдующимъ поколѣніямъ. Всѣ церковныя средства обращались на служеніе наличнаго момента. Съ теченіемъ времени по мѣрѣ распространенія и усложненія церковной жизни и нахожденія въ Церкви людей съ различнымъ настроеніемъ христіане начали отдавать для церковныхъ цѣлей лишь большую или меньшую часть своего имущества, которое съ характеромъ церковнаго стало выступать уже среди обыкновеннаго имущества отдѣльныхъ членовъ церкви. Мало-по-малу Церковь получила возможность располагать уже имуществомъ, которое могло бы служить постояннымъ источникомъ тѣхъ или иныхъ матеріальныхъ средствъ необходимыхъ ей для достиженія своихъ непрерывныхъ цѣлей по отношенію къ цѣлому ряду смѣняющихся поколѣній людей. Въ числѣ имуществъ, которыми Церковь находила нужнымъ пользоваться еще и до признанія ея римскимъ государствомъ нужно поставить и недвижимыя [1]). Это вполнѣ ясно уже, напр., изъ Миланскаго эдикта Константина Вели-

1) Церковныя имущества до Юстиніана. Христіанское Чтеніе 1866 г. № 2.

каго 313 года, въ которомъ предписывается возвратить христіанамъ отнятыя у нихъ мѣста. Съ признаніемъ же христіанства римскимъ государствомъ вопросъ о церковномъ имуществѣ долженъ былъ получить новое направленіе. Государство, касающееся по преимуществу внѣшней стороны человѣческой жизни и свободно располагающее матеріальными благами, свое признаніе и уваженіе къ Церкви и ея задачамъ естественно стало обнаруживать въ надѣленіи Церкви всякаго рода юридическими правами и матеріальными средствами. Со времени Константина Великаго государство начало предоставлять Церкви очень широкія права по пріобрѣтенію имущества и притомъ самыми разнобразными способами. Въ 321 году Константинъ Великій издалъ законъ о разрѣшеніи каждому жертвовать въ пользу церкви то, что онъ желаетъ и въ какомъ угодно количествѣ [1]). Далѣе, законами византійскихъ императоровъ за Церковью были признаны права получать имущество по духовнымъ завѣщаніямъ, при чемъ нерѣдкіе въ то время отказы имущества святымъ, ангеламъ и т. п., по разъясненію императоровъ, должны были передаваться церквамъ ихъ имени. Затѣмъ Церковь могла пріобрѣтать имущество по разнаго рода сдѣлкамъ, наприм., покупкой. Немалое количество имущества должно было переходить къ Церкви и въ силу закона (ex lege), на основаніи котораго къ ней поступали вымороченныя имущества клириковъ, имущества лицъ умершихъ въ плѣну, $^1/_3$ часть имущества лицъ умершихъ безъ завѣщанія на поминъ души; часть имущества ктитора, не обезпечившаго устроенный имъ монастырь. Кромѣ того въ пользу Церкви предоставлялись имущества лицъ виновныхъ въ нарушеніи ея правъ или совершившихъ церковныя преступленія (jura ex delicto). По изданіи законовъ о закрытіи языческихъ храмовъ и о воспрещеніи языческаго богослуженія часть имуществъ этого рода была жалуема императорами епископіямъ на покрытіе расходовъ по совершенію христіанскаго богослуженія. Въ пользу Церкви отбирались храмы и монастыри, если ихъ собственники измѣняли ихъ священное назначеніе, наприм., обращали ихъ въ обыкновенныя жилища или передавали неправославнымъ. Лица, управлявшіе церков-

1) Codex Theodos. Lib. II; XVI, 2.

нымъ имуществомъ и своими неправильными дѣйствіями причинившіе ему ущербъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ лишались права посмертнаго распоряженія своимъ имуществомъ, и оно переходило къ мѣстной епископіи [1]). Имущество умершихъ клириковъ, у которыхъ дѣти и другіе кровные родственники оказывались неправославными, получала церковь того города, гдѣ они проживали [2]). Новеллы Юстиніана установляли, что недвижимое имущество, въ которомъ съ вѣдома его собственника происходило недозволенное законами богослуженіе, должно передаваться мѣстной епископской церкви. Если кто изъ еретиковъ осмѣлится устроить мѣсто для совершенія своихъ религіозныхъ обрядовъ или если іудеи выстроятъ новую синагогу, то все это законъ предоставлялъ виндицировать церкви. Если собственникъ имущества, въ которомъ окажется недозволенное богослуженіе, отдавалъ его въ наемъ или эмфитевзисъ (наслѣдственную аренду) или вообще въ управленіе еретику, зная, что онъ еретикъ, то всѣ доходы за время контракта передавались церкви того города, которому подвластно имѣніе“ [3]).

Наконецъ въ Византіи и помимо закона императоры, а затѣмъ и обыкновенные лица, часто жертвовали монастырямъ и церквамъ разнаго рода имущества. При такихъ условіяхъ съ теченіемъ времени въ обладаніи церкви, естественно, должны были скопиться большія имущества, которыя при случаѣ могли вызывать притязанія и со стороны самихъ императоровъ. Извѣстны, наприм., подобныя попытки императоровъ Никифора Фоки и Мануила Комнена, но они представляютъ лишь часто личныя дѣйствія, не обоснованныя на какихъ-либо законодательныхъ нормахъ и не вызвали какихъ-либо важныхъ измѣненій въ положеніи церковныхъ имуществъ. Въ общемъ же изученіе византійскаго законодательства заставляетъ признать, что государственные законы Византіи способствовали образованію церковныхъ имуществъ и ихъ охраненію, что особенно ясно выражено въ законахъ

---

1) Болѣе подробно обо всѣхъ этихъ законахъ можно читать у Пл. Соколова въ его сочиненіи: „Церковно-имущественное право въ греко-римской имперіи“. Глава III. Новгородъ 1896 года, въ которой авторъ приводитъ и самый текстъ законовъ.

2) Номоканонъ патріарха Фотія. Титулъ X, гл. 8.

3) Номоканонъ патріарха Фотія. Титулъ X, гл. 8.

Юстиніана. Въ нихъ церковное имущество называется безсмертнымъ (immortalis) и разсматривается какъ неприкосновенное въ соотвѣтствіе съ вѣчными, постоянными и неизмѣнными цѣлями Церкви. Посмотримъ теперь, какъ понимала свое имущество сама Церковь. Важное значеніе этого вопроса для Церкви вообще не могло не вызывать и составленія соотвѣтствующихъ церковныхъ правилъ, которыя должны были регулировать разныя стороны церковной жизни. Въ этихъ правилахъ хорошо обрисовывается природа церковнаго имущества по взгляду на него самой Церкви.

Еще 38 правило Апостоловъ говоритъ о церковномъ имуществѣ, какъ принадлежащимъ Богу. Конечно, въ этомъ нельзя видѣть указаніе на Бога, какъ на собственника имущества въ смыслѣ правовомъ, что однако склонны дѣлать нѣкоторые ревнители Церкви при разсмотрѣніи вопросовъ связанныхъ съ церковнымъ имуществомъ вѣроятно, подъ вліяніемъ обнаружившейся въ исторіи Церкви теоріи божественной собственности, которую нѣкоторые германскіе ученые прямо называютъ „наивнымъ богохульствомъ“. Наименованіе же церковнаго имущества принадлежащимъ Богу нужно понимать лишь въ смыслѣ назначенія его служить угоднымъ Богу цѣлямъ, задачамъ основанной въ мірѣ Христомъ Спасителемъ Церкви. Поэтому церковное имущество и можно разсматривать, какъ посвященное Богу. Съ этой же точки зрѣнія церковному законодательству естественно было установить, что церковное имущество не можетъ быть кѣмъ-либо присвоено, не исключая и епископа, или употребляемо на какія-либо постороннія для Церкви цѣли, наприм., даримо епископомъ своимъ родственникамъ. Древнія церковныя правила разъясняютъ, что личное имущество епископа не есть церковное и не должно быть съ нимъ смѣшиваемо. Эта мысль ясно проводится въ 40 Апостольскомъ правилѣ, которое предписываетъ епископамъ, обладающимъ собственнымъ имуществомъ, объявлять о немъ, чтобы на случай смерти епископъ могъ оставлять собственное имущество кому пожелаетъ и чтобы подъ видомъ церковнаго не оказалось имущество епископа, имѣющаго иногда жену и дѣтей или родственниковъ или рабовъ. Праведно передъ Богомъ, замѣчаетъ правило, чтобы и Церковь не потерпѣла ущерба по неизвѣстности имущества епископа и епископъ или его родственники не

подверглись необходимости лишиться имѣнія для Церкви. Толкователь этого правила Аристинъ поясняетъ, что епископъ при рукоположеніи на епископію долженъ составить опись, какъ собственному имуществу, такъ и имуществу церковному и объявить ихъ, чтобы онъ могъ располагать собственнымъ имуществомъ и при жизни и по смерти, какъ ему угодно, а Церковь сохранила свое [1]). Еще далѣе раскрывается природа церковнаго имущества изъ 41 правила Апостоловъ. По смыслу этого правила епископу, какъ служителю церкви предоставляется пользоваться церковнымъ имѣніемъ для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей и отнюдь не болѣе. Епископу дозволено заимствовать изъ церковнаго имущества, замѣчаетъ Зонара по поводу этого правила, „не на что-нибудь излишнее, не на предметы роскоши и изнѣженности, но только на то, чѣмъ поддерживается жизнь, каковы, по слову великаго Апостола, суть пища и одѣяніе и этимъ довольствоваться. (1 Тимоѳ. VI, 8) [2]).

Имущество, какъ бы говорятъ разсматриваемыя правила, принадлежитъ Церкви, а епископъ является въ ней только отдѣльнымъ лицомъ съ особымъ положеніемъ, и если онъ можетъ распоряжаться церковнымъ имуществомъ, то лишь въ строгомъ согласіи съ церковными цѣлями, при чемъ необходимое содержаніе его самого, входитъ въ цѣли, которымъ предназначено служить церковное имущество. Указывая также въ числѣ цѣлей, на которыя можно употреблять церковное имущество, помощь нуждающимся и странникамъ, 41 Апостольское правило предписываетъ епископу дѣлать это черезъ пресвитеровъ и діаконовъ. Этимъ правило стремится, очевидно, удалить возможные поводы къ подозрѣніямъ, которыя такъ свойственны людямъ по отношенію къ лицамъ самовольно и негласно распоряжающимся имуществомъ и которыя дѣлаются особенно вредными для отношеній долженствующихъ быть между епископомъ и паствой. Кромѣ того при этихъ условіяхъ и пользованіе церковнымъ имуществомъ согласно съ его назначеніемъ, естественно, можетъ быть болѣе гарантировано уже въ виду самой широты

---

[1]) Правила св. апостоловъ съ толкованіями. Выпускъ I. Москва 1901 г. стр. 78.

[2]) Тамъ же, стр. 80.

церковныхъ цѣлей и ихъ связи съ особенностями даннаго времени, когда оно будетъ происходить на виду у всѣхъ и при участіи многихъ лицъ. Антіохійскій соборъ, повторяя мысли 40 и 41 апостольскихъ правилъ, еще сильнѣе подчеркиваетъ необходимость извѣстной доли участія клира въ вопросахъ касающихся церковнаго имущества. „Да будетъ же явно, сказано въ 24 Антіохійскомъ правилѣ, принадлежащее Церкви и открыто окружающимъ его (епископа) пресвитерамъ и діаконамъ, такъ чтобы они знали и не оставались въ невѣдѣніи о томъ, что собственно принадлежитъ Церкви, и ничто отъ нихъ не было сокрыто". Изъ 25 же правила Антіохійскаго собора видно, что употребленіе епископомъ церковныхъ вещей, доходовъ и плодовъ съ принадлежащихъ церкви полей должно происходить съ согласія пресвитеровъ или діаконовъ. Если же епископъ не соблюдаетъ этого и не довольствуясь необходимымъ для жизни, обращаетъ церковное имущество на свои домашнія потребности или предоставляетъ распоряженіе имъ своимъ домашнимъ или родственникамъ вслѣдствіе чего „происходитъ замѣшательство" въ церковномъ счетоводствѣ, то епископъ обязанъ представить отчетъ областному собору. Если на епископа и на состоящихъ при немъ пресвитеровъ послѣдуетъ донось, что они обращаютъ какую-либо часть церковнаго имущества въ свою пользу съ притѣсненіемъ убогихъ съ причиненіемъ нареканія и безславія домостроительству церковному и правящимъ имъ, то всѣ они подлежатъ исправленію собора по его усмотрѣнію, который, по разъясненію Зонары, производитъ и нужную повѣрку счетоводства. Необходимость правильнаго распоряженія церковнымъ имуществомъ тѣсно связана съ самой его природой, въ которой существенный моментъ составляетъ церковная цѣль, подлежащая тщательному и открытому осуществленію. Подобныя соображенія, повидимому, и вызвали 26 правило Вселенскаго Халкидонскаго собора, установившее, что епископы для управленія церковнымъ имуществомъ должны имѣть изъ собственнаго клира эконома, чтобы, прибавляетъ правило, домостроительство церковное не безъ свидѣтелей было, чтобы отъ этого не расточалось церковное имущество и не падало нареканія на священство. А. VII Вселенскій соборъ въ 11 правилѣ уже прямо опредѣляетъ, что къ епископамъ, не имѣющихъ при себѣ экономовъ, таковыхъ наз-

начаютъ къ нимъ митрополиты, а къ митрополитамъ патріархъ. Изъ церковныхъ правилъ роль эконома недостаточно ясна. Хотя 26 Халкидонское правило и называетъ его, повидимому, только свидѣтелемъ управленія церковнымъ имуществомъ, но если сопоставить съ нимъ, наприм., 10 правило Феофила Александрійскаго, то роль эконома выступаетъ въ нѣсколько иномъ видѣ. Изъ правила 10 Феофила выходитъ, что экономъ долженъ быть опредѣляемъ по выбору всего священства при согласіи на это епископа. Самое же назначеніе эконома правило усматриваетъ въ томъ, чтобы „церковное достояніе употребляемо было на что должно“, т. е. признаетъ за нимъ болѣе активную роль. Что же касается дѣйствительнаго положенія эконома въ области управленія церковнымъ имуществомъ, то нужно присоединиться къ утвержденію проф. Соколова, что византійская практика и законодательство, безъ сомнѣнія, понимали подъ этимъ неопредѣленнымъ терминомъ именно замѣстителя, а не простаго свидѣтеля. Въ подтвержденіе своего замѣчанія проф. Соколовъ указываетъ на эконома Константинопольскаго патріарха Геннадія по имени Маркіана, который ввелъ серьезную реформу въ имущественномъ управленіи патріархіи предоставленіемъ въ пользу отдѣльныхъ церквей Константинополя приношенія поступавшія прежде въ общую кассу [1]). Къ такому же заключенію приводятъ и византійскіе законы. По закону Юстиніана экономы являются самостоятельными управленіями церковнаго имущества отвѣчающіе своимъ имуществомъ за безпорядки управленія и лишь обязанные отчетностью передъ епископами.

Такимъ образомъ по отношенію къ управленію церковнымъ имуществомъ древнія церковныя правила признали нужнымъ ограничить власть епископа, требуя въ той или другой степени участія въ этомъ клира а затѣмъ и учрежденія особой должности эконома, который могъ быть назначенъ высшей духовной властью даже вопреки воли епископа.

Далѣе церковныя правила, какъ наприм., 24 Халкидонское, повторяющее его 49 Трулльское, 73 Апостольское и 13 Седьмого Вселенскаго собора, указываютъ на несоотвѣтствіе съ

---

1) Церковно-имущественное право въ греко-римской имперіи. Глава V. Отд. 1.

природой церковнаго имущества употреблять его на какія-либо другія цѣли кромѣ церковныхъ, наприм. обращать церкви, епископіи и монастыри въ обыкновенныя жилища и т. п. Поступающихъ же подобнымъ образомъ и не желающихъ возстановить прежнее назначеніе церковнаго имущества правила опредѣляютъ подвергать отлученію.

Разсмотрѣнныя нами характерныя черты природы церковныхъ имуществъ—служеніе церковнымъ цѣлямъ, необходимость ихъ употребленія въ согласіи съ этими цѣлями и невозможность обращать на другое назначеніе, пролагаютъ путь и къ новой ихъ особенности, которую можно выразить словомъ—неотчуждаемость. Во 2 правилѣ св. Кирилла Александрійскаго прямо сказано, что церковныя „утвари, по разъясненію Вольсамона, т. е. священныя и прочія приношенія“, и недвижимыя имущества должны быть неотчуждаемы и сохраняемы церквами. Славянская кормчая по поводу этого правила утверждаетъ: „сокровища и стяжанія церковная не подвижна и не отъемлема и не продаема церкви подобаетъ хранити“ [1]). Это же свойство церковныхъ имуществъ, пригодныхъ для соотвѣтствующихъ цѣлей — оставаться неприкосновенною собственностью Церкви выводятъ и изъ 12 правила Седьмаго Вселенскаго собора. Согласно этому правилу продажа епископомъ или игуменомъ въ руки властей чего-либо изъ церковныхъ угодій или передача иному лицу должны быть признаны недѣйствительными. Если же земля оказывается убыточной и не способной приносить пользу церкви, то въ этомъ случаѣ правило всетаки воспрещаетъ отдавать поля мѣстнымъ начальникамъ, но лишь клирикамъ и землевладѣльцамъ, какъ людямъ, поясняетъ Зонара, воздѣлывающимъ поля и принадлежащимъ къ бѣдному и убогому состоянію. Если же при передачѣ полей „будетъ употребленъ лукавый оборотъ“, т. е. сначала земля поступитъ къ клирику или землевладѣльцу, а уже черезъ нихъ дойдетъ къ лицу начальственному, то всѣ передачи правило предписываетъ считать недѣйствительными, имущество должно быть возвращаемо епископіи или монастырю, а виновные въ этомъ епископъ или игуменъ изгоняются. На основаніи 12 правила VII Всел. собора Аристинъ утверждаетъ что „церковныя иму-

---

[1]) Правила св. отцовъ съ толкованіями. Москва 1884 г., стр. 569.

щества должны быть неотчуждаемы и въ особенности угодья". А безвыгодное изъ недвижимыхъ имуществъ и приносящее церкви ущербъ должно быть отдаваемо не мѣстнымъ начальникамъ, но клирикамъ или землевладѣльцамъ. Подобно этому понимаетъ смыслъ правила и Вольсамонъ, обращая кромѣ того вниманіе, что приносимое Богу еще и по предписанію Ветхозавѣтнаго закона должно оставаться не отчуждаемымъ.

Неотчуждаемость церковнаго имущества вообще вытекаетъ и изъ самыхъ задачъ Церкви. Церковь предназначена къ существованію и дѣятельности въ мірѣ на всѣ времена, цѣли ея непрерывны и постоянны, а потому и служащее имъ имущество должно всегда оставаться церковнымъ. Но Церковь существуетъ, конечно, не для того, чтобы пріобрѣтать имущества, но владѣетъ имуществомъ, чтобы достигать своихъ цѣлей. Поэтому естественно, что имущества убыточныя, т. е. не пригодныя для служенія цѣлямъ церковнымъ, дозволялось отчуждать, какъ видно, наприм., изъ 26 правила (по Книгѣ правилъ 35) Карѳагенскаго собора. Постановляя, чтобы никто не продавалъ церковной собственности, 26 Карѳагенское правило, однако опредѣляетъ, что, если собственность не приноситъ доходовъ, а между тѣмъ настоитъ великая нужда, то нужно представлять объ этомъ первенствующему епископу области и совѣтоваться съ извѣстнымъ числомъ епископовъ, какъ слѣдуетъ поступить. Понятно также, что по самымъ свойствамъ церковныхъ имуществъ вполнѣ правильно воспрещеніе пріобрѣтать въ качествѣ таковыхъ имущества убыточныя. Среди византійскихъ государственныхъ законовъ, касающихся церкви, можно найдти предписывающіе считать недѣйствительной сдѣлку, по которой церковь пріобрѣтала имущество убыточное. Прежній собственникъ обязывался во всякое время взять его обратно и возмѣстить церкви причиненные ей убытки. Мало этого, даже самая сдѣлка, совершенная органами церковнаго управленія, наприм., заемъ денегъ, только въ томъ случаѣ признавался исходящимъ отъ Церкви и для нея обязательнымъ, когда занятыя деньги были употреблены на церковныя нужды. Такимъ образомъ въ Византіи, какъ въ церковныхъ правилахъ, такъ и въ государственныхъ законахъ, уже достаточно ясно обрисовываются почти всѣ главныя черты природы церковныхъ имуществъ, которыя необходимо имѣть въ виду

при обсужденіи связанныхъ съ ними всякаго рода вопросовъ.

Самое существованіе института церковнаго имущества полезно и въ религіозно-нравственныхъ интересахъ народа. Имущества, обращаясь въ церковныя, получаютъ на себѣ какъ бы печать иного порядка жизни, чѣмъ обычный, и, заставляя столковаться съ собою людей внѣшнимъ образомъ, яснѣе подчеркиваютъ въ ихъ сознаніи необходимость считаться съ христіанскими идеями и задачами жизни. Не говоря уже о самой просвѣтительной, благотворительной и всякаго рода другой религіозно-нравственной дѣятельности Церкви въ мірѣ при помощи находящагося въ ея обладаніи имущества, каждый человѣкъ, желающій въ своей мѣрѣ способствовать задачамъ Церкви, получаетъ возможность принять извѣстное участіе въ осуществленіи ея великихъ цѣлей путемъ пожертвованія въ церковь той или другой части своего имущества. Подобныя приношенія, идущія отъ преданной Богу души и совершаемыя въ Его имя, пріучаютъ человѣка располагать принадлежащими ему матеріальными благами въ высшихъ интересахъ жизни и вообще могутъ имѣть важное значеніе для его религіозно-нравственнаго состоянія. Въ подтвержденіе этого достаточно вспомнить о бѣдной евангельской вдовѣ, которая положила въ кружку храма двѣ небольшія монеты отъ всего сердца и поступокъ которой былъ отмѣченъ самимъ Христомъ Спасителемъ. Не слѣдуетъ забывать также о женщинѣ, помазавшей ноги Спасителя мѵромъ и защищенной Имъ отъ упрека въ безполезной тратѣ дорогаго мѵра (Іоан. XII, 2—8) и упускать изъ виду, что даже одна чаша холодной воды, поданная во имя Христа, получаетъ извѣстное значеніе для человѣка Марк. IX, 41 и Мтѳ. X, 42). Пожертвованіе даже на внѣшнее украшеніе храма и улучшенія обстановки богослуженія, идущее отъ сердца, не можетъ быть отринуто и въ общемъ порядкѣ церковной жизни способно само по себѣ приносить пользу и другимъ, примѣръ чего представляютъ наши отдаленные предки, которые, по разсказу лѣтописца, именно подъ вліяніемъ красоты храма св. Софіи въ Константинополѣ и величія греческаго богослуженія рѣшили принять христіанство отъ Византіи.

## II.

Образованіе церковныхъ недвижимыхъ имуществъ въ Россіи. Ихъ положеніе и взглядъ на нихъ въ древней Руси. Ограничительныя мѣры къ ихъ увеличенію и отмѣнѣ ихъ привиллегій. Начало процесса секуляризаціи церковныхъ имѣній. Узаконенія Петра Великаго относительно церковныхъ имѣній. Узаконенія Екатерины I, Анны Іоанновны, Елизаветы Петровны. Ихъ направленіе и мотивы. Они представляютъ стадіи въ процессѣ секуляризаціи церковныхъ имѣній. Узаконенія Петра III. Узаконенія Екатерины II и ихъ отношеніе къ прежнимъ. Инструкція коммиссіи о духовныхъ имѣніяхъ. Выраженіе въ ней взгляда русскаго правительства на церковныя имѣнія. Общее отношеніе его къ этому вопросу и вліяніе на это отношеніе недостаточно широкаго взгляда на природу Церкви. Манифестъ 1764 года и послѣдующія связанныя съ нимъ узаконенія. Значеніе реформы Екатерины II съ точки зрѣнія интересовъ Церкви. Отношеніе къ ней высшихъ іерарховъ. Протестъ митрополита Арсенія Мацѣевича. Возраженія его на реформу въ его доношеніи св. Синоду и ихъ значеніе. Секуляризація церковныхъ имѣній какъ одно изъ послѣдствій подавленія соборнаго начала въ управленіи Русской Церковью.

Уяснивъ себѣ природу церковнаго имущества, перейдемъ теперь къ образованію и положенію недвижимыхъ церковныхъ имѣній въ Россіи.

Въ прежнія времена Россія, какъ я уже имѣлъ случай обратить вниманіе предсоборнаго Присутствія [1]), представлялась обширнымъ христіанскимъ общежитіемъ, въ которомъ церковные порядки жизни были преобладающими. На эти порядки и вообще на взгляды въ Россіи по отношенію къ Церкви, Византія должна была оказывать сильное вліяніе. Къ правиламъ, способнымъ регулировать русскую церковную жизнь отнесены были даже узаконенія византійскихъ императоровъ по дѣламъ церковнымъ, о чемъ духовныя власти въ Россіи прямо и заявляли и особенно, когда поднимались вопросы о церковныхъ имуществахъ, какъ это сдѣлано, наприм., во время собора 1500 года въ посланіи митрополита Симона и всего собора духовенства къ Іоанну III, а впослѣдствіи самимъ св. Синодомъ, наприм., въ его отношеніи къ Сенату 27 марта 1732 года по дѣлу о спорахъ Псковскаго архіерея съ псковичами о распоряженіи церковными вотчинами [2]). Въ Россіи по мѣстнымъ условіямъ и особенностямъ, конечно, не могли получить примѣненія всѣ способы пріоб-

[1]) См. мой докладъ I отдѣлу Присутствія 31 мая 1906 г. по вопросу объ отношеніи Церкви и государства въ Россіи.

[2]) 1-е полное собраніе законовъ, т. IX, № 6303.

рѣтенія церковныхъ имуществъ, какіе установились въ Византіи. Уже въ силу меньшей сложности на Руси самой жизни и другаго положенія въ ней земельной собственности способы эти должны были быть менѣе разнообразны. Главными изъ нихъ нужно признать пожалованіе отъ князей и царей, дареніе частными лицами и наслѣдованіе по духовнымъ завѣщаніямъ, а сравнительно менѣе важными—наслѣдованіе по закону, куплю, мѣну, пріобрѣтенія по закладнымъ и по давности.

Особенно много недвижимыхъ имуществъ въ древней Руси переходило къ Церкви путемъ пожалованія и даренія въ виду большаго количества земель и слабаго развитія частной собственности, между тѣмъ какъ въ Византіи при меньшемъ количествѣ земель и болѣе развитой частной собственности пожалованіе не могло получить такого значенія, и на первый планъ выступали разные способы пріобрѣтенія имуществъ, установленные законами. Въ древней Руси понимали христіанство преимущественно съ его внѣшней, обрядовой стороны, чему очень могъ соотвѣтствовать сложившійся съ теченіемъ времени въ Византіи взглядъ на Церковь, какъ учрежденіе, которому можно служить разнымъ внѣшнимъ образомъ, а черезъ это пользоваться и духовными благами, даруемыми христіанствомъ. На этомъ, повидимому, преимущественно и основывалось столь распространенное на Руси стремленіе со стороны князей, царей и частныхъ лицъ къ щедрымъ пожертвованьямъ на Церковь. Въ передачи имуществъ Церкви тогда прямо усматривали удобный способъ достиженія высшихъ благъ, спасенія души и блаженства въ будущей жизни, а также здоровья и благосостоянія на землѣ. Пожертвованіемъ имуществъ Церкви русскіе люди надѣялись, какъ выражалось иногда, „устроить свою душу“. Въ грамотахъ, составлявшихся по этому поводу, прямо говорится, что имущество дано „въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ“, „для поминовенія души“, „въ вѣчный поминокъ души“ и т. п. [1]). Много разнаго рода имуществъ переходило въ собственность Церкви и путемъ духовныхъ завѣщаній. Этому могло способствовать и тогдашнее отношеніе къ составленію духовнаго завѣщанія, какъ къ акту религіознаго характера, слѣды чего,

[1]) Акты Историческіе, т. I № 84; т. II № 74; т. III № 140 и друг.

повидимому, и теперь сохраняются въ обычаѣ начинать завѣщаніе словами: „Во имя Отца, Сына и св. Духа“. Самое утвержденіе завѣщаній находилось въ то время въ вѣдѣніи духовныхъ властей. Кромѣ того при мысли о смерти, естественно могла являться особенная щедрость въ отношеніи къ Церкви. Вѣдь имущества своего все равно не унесешь съ собой по смерти, а отъ назначенія его на поминовеніе души ожидалась помощь молитвъ Церкви въ загробномъ мірѣ. Поэтому рѣдкое завѣщаніе не содержало въ себѣ отказовъ въ пользу Церкви. Если же умершій не оставлялъ завѣщанія, то въ этомъ подобно какъ и въ Византіи усматривали его небрежность и отсутствіе назначенія чего-либо на поминовеніе души объясняли тѣмъ, что онъ просто не успѣлъ сдѣлать этого. На помощь умершему въ такихъ случаяхъ приходилъ обычай и законъ, который, по мнѣнію нашихъ предковъ, могъ поправить легкомысленное отношеніе покойнаго къ самому себѣ. Съ самыхъ первыхъ временъ, какъ это можно видѣть, наприм., изъ Русской Правды, въ Россіи существовало убѣжденіе, что родственники лица умершаго безъ завѣщанія, а при ихъ отсутствіи сама казна должны позаботиться устроить его душу. Въ Судебникѣ Іоанна IV прямо высказано, что при переходѣ по отсутствію завѣщанія и родственниковъ умершаго вотчины его на государя послѣдній устроитъ душу умершаго изъ своей казны [1]). Этотъ законъ вошелъ и въ Уложеніе 1649 года въ видѣ 45 статьи главы XVII, которая предписываетъ „при отсутствіи прямыхъ и боковыхъ родственниковъ вотчины (умершихъ) брать на государя въ помѣстныя земли, а деньги за нихъ давати изъ государевы казны по ихъ душамъ въ монастыри смотря по строенію“. Когда церковныя земли нужно было занять для казенныхъ надобностей, то происходило не простое отбираніе ихъ въ казну, а мѣна имуществъ. Вмѣсто взятыхъ земель отводились другія въ соотвѣтствующемъ количествѣ.

Всѣми указанными способами у Церкви мало-по-малу оказалось большое количество земель, которое по словамъ нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей достигло чутьли не до 1/3 части территоріи государства, но русскіе изслѣдователи этого вопроса, наприм., Милютинъ считаютъ

[1]) Акты Историческіе, т. I.

это соображеніе невѣроятнымъ и крайне преувеличеннымъ [1]). Но какъ бы тамъ ни было, а церковныя владѣнія, по разъясненію того же Милютина, были очень разнообразны. Къ числу ихъ относились: дома, дворы и подворья; хозяйственныя заведенія и строенія, амбары, житницы, гостинные дворы, лавки, харчевни, соляныя варницы и даже бани. Духовенству предоставлялось тогда вести торговлю и промыслы, которые давали ему богатые доходы. Кромѣ того Церкви въ лицѣ ея разныхъ учрежденій принадлежали: земли ненаселенныя, лѣса, сѣнокосы, воды и т. д. и земли населенныя, не только деревни и села, но и цѣлыя слободы, посады и города. Церковнымъ имѣніямъ и проживающему въ нихъ населенію были предоставлены большія привиллегіи и льготы, которыя однако не носили общаго характера, но устанавливались для каждаго собственника особыми грамотами отдѣльно и притомъ въ различномъ объемѣ. Извѣстны, наприм., грамоты жалованныя, тархонныя и несудимыя. Въ нихъ устанавливалось освобожденіе духовенства и его крестьянъ отъ податей и повинностей, предоставленіе духовнымъ владѣльцамъ права призывать на свои земли людей, права взимать вмѣсто правительства нѣкоторыя подати съ извѣстныхъ лицъ. Грамоты запрещали княжескимъ чиновникамъ въѣзжать въ церковныя села и брать кормы, подводы, проводниковъ, освобождали владѣльцевъ имѣній и ихъ прикащиковъ отъ подсудности мѣстнымъ властямъ свѣтскимъ и духовнымъ и предоставляли имъ имѣть особаго пристава по суднымъ дѣламъ. Владѣльцамъ духовнаго званія было предоставлено даже право суда надъ людьми проживавшими на церковныхъ земляхъ. Въ Россіи мало-по-малу, по справедливому замѣчанію проф. М. И. Горчакова, установились судебно - гражданскія права церковныхъ учрежденій и сложился особый гражданскій юридическій бытъ въ церковныхъ владѣніяхъ, отличный отъ быта въ другихъ владѣніяхъ и земляхъ, принадлежавшихъ инымъ собственникамъ [2]).

---

1) О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи. Изслѣдованіе В. Милютина. Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1860 г. книга III. стр. 121.

2) Монастырскій Приказъ. Спб. 1868 г. Введеніе. стр. 21.

Возможность пользоваться привиллегіями и льготами на земляхъ церковныхъ естественно стала привлекать на нихъ людей. Крестьяне оставляли земли обыкновенныхъ собственниковъ и шли на монастырскія. Владѣніе церковными имуществами получило въ Россіи особый своеобразный характеръ. Оно перешло предѣлы обыкновеннаго гражданскаго владѣнія и вело къ образованію того, что можно назвать status in statu (государство въ государствѣ).

Стремленіе нашихъ предковъ надѣлять Церковь имуществами и предоставлять имъ особыя привиллегіи отнюдь нельзя объяснять одними чисто личными цѣлями—желаніями получше устроить свою душу. Изученіе разныхъ документовъ древней Руси показываетъ, что къ этому ихъ не менѣе побуждали любовь къ Церкви, стремленіе видѣть ее въ полномъ благоустройствѣ и располагающей всякими матеріальными средствами для достиженія ея разнообразныхъ цѣлей, сознаніе необходимости возможно лучшаго обезпеченія содержанія, а слѣдовательно и самого существованія духовенства, желаніе предоставить во имя Бога часть имущества на бѣдныхъ, помощь которымъ входила тогда въ церковную дѣятельность при чемъ и самое „церковное богатство“ разсматривалось какъ „нищихъ богатство“ [1]).

Въ нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ мысль эта развивается указаніемъ, что церковное богатство „старости и немощи и въ недугъ впадшихъ прекормленіе, страннымъ прилежаніе сирымъ и убогимъ промышленіе, вдовамъ пособіе и дѣвицамъ потребы, обидимыхъ заступленіе, въ напастѣхъ поможеніе—въ пожарѣ и потопѣ, и полоненнымъ искупленіе, въ гладѣ прекормленіе, въ худобѣ умирающимъ покровы и гробы и погребанія, церквамъ пустымъ и монастыремъ подъятіе, живымъ прибѣжище и утѣшеніе, а мертвымъ память. Того ради на потребу церковную имѣнія свои люди давали“ [2]). Такимъ образомъ, передавая имѣнія Церкви, русскіе люди имѣли въ виду и благотворительныя цѣли большого общественнаго значенія.

По вопросу о церковныхъ имуществахъ въ Россіи нельзя

[1]) Никоновская Лѣтопись.

[2]) Наприм., Правило о церковныхъ людѣхъ и о десятинахъ, и о судѣхъ епископскихъ и о мѣрилѣхъ градскихъ. См. въ сочиненіи Калачева: О значеніи Кормчей, стр. 122.

также не отмѣтить, что князья и частные лица дѣлали свои пожертвованія, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные документы, подъ условіемъ неприкосновенности имуществъ обращаемыхъ ими въ церковныя. Въ своихъ грамотахъ, завѣщаніяхъ и записяхъ жертвователи особенно настаиваютъ именно на этомъ и обыкновенно оканчиваютъ грамоты проклятіями тѣхъ, кто рѣшился бы посягнуть на церковное достояніе. Замѣчательно, что это стремленіе русскихъ людей, вызванное религіозными соображеніями, было достаточно понято и получило признаніе даже у татарскихъ хановъ, господствовавшихъ тогда надъ Россіей. Это вполнѣ ясно изъ ханскихъ ярлыковъ, въ которыхъ, наприм., строго воспрещалось всѣмъ лицамъ, подчиненныхъ ханамъ Золотой Орды, нарушать права Церкви, а татарскимъ чиновникамъ подъ страхомъ смерти насильно отнимать у Церкви ея достояніе или вмѣшиваться въ его управленіе, потому что, поясняли ханы, мы Божіе бережемъ и даннаго Богу не взимаемъ, а кто взимаетъ Божіе и тотъ будетъ Богу повиненъ, а гнѣвъ Божій на него же будетъ, а отъ насъ будетъ казненъ смертною казнью, да то видя и иныя въ боязни будутъ“ [1])

Представители высшей церковной власти въ древней Руси при всѣхъ возможныхъ случаяхъ всегда напоминали о неприкосновенности церковныхъ имуществъ. Въ этомъ смыслѣ обращался къ великому князю Василію Дмитріевичу Кіевскій митрополитъ Фотій [2]), а въ 1467 году митрополитъ Филиппъ категорически объявлялъ жителямъ Новгорода, что святые вселенскіе соборы узаконили, а православные цари подтвердили, и всѣ держащіеся благочестія приснопамятные великіе князья „еже непременна быти никакоже препорученна святѣй Божіи церкви, да даема въ поминовеніе душъ православныхъ ни отъ кого же ни обидима, ни нарушена будутъ во вѣки неподвижна“ [3]). Во время собора 1503 года митрополитъ Симонъ со всѣмъ соборомъ доказывалъ Іоанну III на основаніи св. Писанія Ветхаго Завѣта, распоряженій Константина Великаго, церковныхъ правилъ, узаконеній визан-

---

[1]) Ярлыкъ хана Узбека. Приведенъ у Милютина въ 370 примѣчаніи.

[2]) Русская Историческая Библіотека т. VI поученія Фотія князю.

[3]) Тамъ же. т. VI стр. 713.

тійскихъ императоровъ, примѣровъ святыхъ и постановленій прежнихъ русскихъ князей невозможность отнимать церковныя имущества. Въ заключеніе соборъ замѣчаетъ: „по божественныхъ велѣніихъ уставленная святыми отцы и равноапостольными христолюбивыми цари и всѣми святыми священными соборы въ греческихъ, такожъ и въ нашихъ русскихъ странахъ даже и донынѣ, святители и монастыри земли держали и держатъ, а отдовати ихъ не смѣютъ и не благоволятъ, понеже вся таковая стяжанія церковная—Божія суть стяжанія, возложенна и нареченна и данна Богу и не продаема, ни отдаема, ни емлема никѣмъ никогдаже въ вѣки вѣка и нерушима быти соблюдатися яко освященна Господеви и благопріятна и похвальна. И мы смиренные сія ублажаемъ и похваляемъ и содержимъ“ [1]).

При такихъ условіяхъ дальнѣйшій ростъ церковныхъ имуществъ въ Россіи начиналъ сталкиваться съ интересами государственными. Онъ вызывалъ раздѣленіе въ государственномъ организмѣ, увеличивая территорію церковныхъ владѣній съ особыми правами и льготами въ ущербъ остальному населенію и общимъ интересамъ государства особенно финансовымъ. На такое привиллегированное положеніе церковныхъ имуществъ, естественно, стали раздаваться кромѣ того многочисленныя жалобы и государству съ теченіемъ времени волей неволей пришлось столкнуться съ вопросомъ о церковныхъ имуществахъ, который долженъ былъ привлечь къ себѣ особое вниманіе правительства при князьяхъ и царяхъ стремившихся къ объединенію Россіи и созданіи изъ нея крѣпкаго государства съ одними общими законами и подъ властью единаго Московскаго царя. Такъ, Іоаннъ III послѣ покоренія Новгорода съ его областями отобралъ много церковныхъ земель и угодій и роздалъ ихъ дѣтямъ боярскимъ въ помѣстья и ограничилъ права духовенства и монастырей въ пріобрѣтеніи новыхъ земель. Въ 1503 же году на созванномъ Іоанномъ III въ Москвѣ соборѣ вопросъ о церковныхъ имуществахъ получилъ уже болѣе общую постановку, при чемъ великій князь, по разъясненію проф.

---

1) Отвѣтъ собора 1503 года Іоанну III напечатанъ у Павлова. Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи ч. I. глава II Записки Новороссійскаго университета т. VII, стр. 42—47.

А. С. Павлова, предлагалъ собору какую-то добровольную сдѣлку относительно церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ [1]). Но соборъ, какъ сказано уже выше, представилъ Іоанну III мотивированный отвѣтъ и отвергъ возможность отчужденія церковныхъ земель. Іоаннъ III уступилъ. На соборѣ 1503 года и произошелъ извѣстный споръ между св. Ниломъ Сорскимъ и Іосифомъ Волоцкимъ съ ихъ сторонниками по вопросу о владѣніи монастырей вотчинами. Но споръ этотъ касался лишь частнаго вопроса—имуществъ монастырей и почти не затрогивалъ вопроса съ общецерковной точки зрѣнія, а потому мы и не будемъ на немъ останавливаться.

Въ теченіе царствованія Іоанна IV вопросъ о церковныхъ имуществахъ, по ходу вещей требовавшій того или другаго рѣшенія, вступилъ въ новую стадію развитія. Уже въ малолѣтство государя были сдѣланы нѣкоторыя распоряженія къ ограниченію перехода обыкновенныхъ имуществъ въ церковныя. Заслуживающимъ вниманія документомъ въ этомъ отношеніи является грамота 1535 года „Вологодскому Глушицкому монастырю. Въ нашемъ государствѣ, сказано въ грамотѣ, покупаютъ къ монастырямъ у дѣтей боярскихъ вотчины многіе, села и деревни, да и въ закладъ и въ закупъ монастыри вотчины емлютъ; а покупаютъ деи вотчины дорого, а вотчинники деи которые тѣмъ землямъ вотчичи съ опришными людьми перекупаются и мимо монастырей вотчинъ никому ни у кого купити не мочно. А иные дѣти боярскіе вотчины свои въ монастыри подавали по душѣ для того, чтобы ихъ вотчины ближнему ихъ роду не достались“. Игумену Ѳеодосію съ братіей грамота предписывала доставить дьяку Ѳеодору Мишурину свѣдѣнія, сколько, отъ кого, въ какомъ размѣрѣ и т. п. перешло такимъ образомъ вотчинъ къ монастырю за послѣдніе 1—2 года. „А впредь бы есте, прибавляла грамота, безъ нашего вѣдома однолично вотчинъ не купили и въ закладъ и въ закупъ и по душѣ не имали ни у кого. А учнете безъ нашего вѣдома вотчины купити, или въ закладъ или въ закупъ или по душѣ имати, и мнѣ у васъ тѣ вотчины велѣти отписывати на себя“ [2]). Такимъ

---

[1]) Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи. Глава II, стр. 48.

[2]) Исторія Россійской Іерархіи. Ч. III, стр. 712.

образомъ, по свидѣтельству грамоты 1535 года, дѣло дошло до того, что помимо монастырей стало невозможнымъ купить вотчину, а многіе отдавали свои вотчины въ монастыри, чтобы они не достались ихъ ближайшимъ родственникамъ. На Стоглавомъ соборѣ 1551 года предписанія грамоты Глушицкому монастырю получили дальнѣйшее развитіе и болѣе общій характеръ. Соборъ постановилъ, что архіепископы, епископы и монастыри не должны покупать вотчинъ безъ доклада и вѣдома государя. При нарушеніи этого покупщикъ не могъ требовать уплаченныхъ имъ денегъ, а продавецъ лишался проданной вотчины, которая бралась на государя. Кромѣ того соборъ воспретилъ принимать по духовнымъ завѣщаніямъ, на поминъ души, чьи бы то ни было вотчины безъ разрѣшенія государя. „А кто безъ вѣдома государя, предупреждалъ соборъ, отдастъ въ какой-либо монастырь свою вотчину по душѣ, та вотчина безденежно будетъ взята на государя“ [1]). Но вмѣстѣ съ этимъ Соборъ 1551 года высказалъ, что вотчинъ и селъ, данныхъ Богу въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ, равно и другихъ монастырскихъ земель впредь не отдавать, не продавать. Въ 1573 году Іоаннъ IV вмѣстѣ съ соборомъ духовенства и бояръ опредѣлилъ, впредь въ богатые землями монастыри не отказывать вотчинъ, въ противномъ случаѣ „въ Помѣстной Избѣ не записывать за монастыремъ, а отдавать роду и племени—служилымъ людямъ, чтобъ въ службѣ убытка не было, и земля бы изъ службы не выходила“. Бѣднымъ же монастырямъ дозволялось пріобрѣтать вотчины по завѣщаніямъ на поминъ души, но не иначе какъ по боярскому приговору и съ доклада государю [2]). Еще большее значеніе имѣетъ соборъ 1580 года, постановленіе котораго отъ 15 января 1580 г. проф. А. С. Павловъ считаетъ послѣднимъ законодательнымъ словомъ древней допетровской Руси по вопросу о церковныхъ и монастырскихъ вотчинахъ [3]). Соборъ призналъ неприкосновенными находившіяся во владѣніи Церкви имущества, въ томъ числѣ и поступившія до дня изданія этого постановленія по завѣщаніямъ на поминъ души, но запретилъ архіереямъ

[1]) Акты Археог. Экспедиціи, т. I, № 227.

[2]) Акты Историческіе, т. I, № 154; XIX.

[3]) Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи. Глава IV, стр. 142.

и монастырямъ покупать, брать въ закладъ или получать по душамъ вотчины служилыхъ людей и вообще увеличивать свои владѣнія. Въ случаѣ отказа имъ недвижимаго имѣнія, оно должно было переходить къ родственникамъ умершаго, а стоимость его выплачивалась монастырю. При отсутствіи родственниковъ имѣніе бралось на государя, а цѣна его выдавалась монастырю. Однако бѣднымъ монастырямъ было предоставлено просить государя о надѣленіи ихъ землей. Вмѣстѣ съ этимъ соборъ опредѣлилъ отобрать на государя всѣ вотчины купленныя или взятыя въ залогъ архіереями и монастырями у служилыхъ людей съ предоставленіемъ на усмотрѣніе государя разрѣшить вопросъ о выдачѣ за нихъ вознагражденія. Дѣлая эти постановленія, соборъ самъ разъяснилъ и ихъ основанія. Большое скопленіе земель въ церкви оказывалось вреднымъ для государства особенно въ то тяжелое время, когда продолжительныя войны потребовали громадныхъ издержекъ и раззорительно дѣйствовали на служилыя сословія. У государства не хватало средствъ на содержаніе войска и служилыхъ людей. Владѣніе обширной земельной собственностью съ большими доходами дурно вліяло на само духовенство и монастыри и церковные доходы стали „изнурятся въ пустошь, ради пьянственнаго, непотребнаго и слабаго житія“ [1]). На соборѣ 1584 года всѣ эти постановленія получили подтвержденіе и кромѣ того имъ были отмѣнены тархонныя грамоты, устанавливающія разныя привиллегіи для церковныхъ земель. По вопросу о податяхъ духовныя вотчины были сравнены съ вотчинами людей служилыхъ и т. д. Все это было сдѣлано, какъ высказано самимъ соборомъ, чтобы воинство, въ оскудѣніи не было, а государственной казнѣ убытка. Уложеніе 1649 года отнеслось къ вопросу о церковныхъ имѣніяхъ въ томъ же направленіи. Патріарху, епископамъ и монастырямъ оно воспретило пріобрѣтать отъ частныхъ лицъ вотчины, покупать, держать ихъ въ закладѣ и принимать по душамъ на вѣчный поминокъ. Въ противномъ случаѣ она отбиралась безденежно на государя для передачи просителямъ имѣющимъ на нее право или тому, кто о вотчинѣ начнетъ бить государю челомъ. При отказѣ по завѣщанію

---

[1]) Акты Археограф. Экспедиціи, т. I, № 308.

вотчины монастырю онъ могъ получать лишь ея цѣну. Кромѣ того Уложеніе признало неправильными владѣніе духовными властями цѣлыми слободами и городскими посадами и опредѣлило всѣ ихъ со всѣми людьми кромѣ кабальныхъ взять на государя въ тягло и въ службы безлѣтно и безповоротно [1]). Нельзя не отмѣтить также учрежденіе по Уложенію 1649 года Монастырскаго Приказа, которымъ вводились разныя измѣненія кромѣ гражданской подсудности духовенства и въ положеніи вопроса о владѣльческихъ правахъ духовенства въ отношеніи къ вотчинамъ и землямъ.

При обзорѣ правительственныхъ узаконеній въ древней Руси по вопросу о церковныхъ имѣніяхъ въ связи съ тогдашними обстоятельствами приходится признать, что мѣры принимавшіяся правительствомъ въ этомъ отношеніи вызывались и неправильнымъ положеніемъ и пользованіемъ церковными имѣніями. Многія распоряженія основывались, какъ это особенно видно наприм., изъ исторіи Стоглаваго Собора, на установленіи факта неправильнаго распоряженія и пользованія церковными имѣніями со стороны самого духовенства. Сложность управленія ими, конечно, привлекало вниманіе духовенства къ интересамъ самымъ житейскимъ и отвлекало ихъ отъ болѣе важныхъ обязанностей и задачъ жизни, доставляемые ими доходы и разныя матеріальныя выгоды вызывали стремленіе къ внѣшнимъ удобствамъ и роскоши, что особенно замѣтно стало обнаруживаться въ монастыряхъ. Самое употребленіе церковнаго имущества совершалось преимущественно въ разныхъ выгодахъ и притомъ чисто внѣшнихъ одного духовенства въ ущербъ другимъ потребностямъ Церкви и релогіозно-общественному назначенію церковнаго имущества. Вообще при изученіи положенія вопроса о церковныхъ имуществахъ въ древней Руси нельзя не придти къ заключенію, что имущества эти нерѣдко можно считать церковными лишь формально, а въ дѣйствительности они извращали свою природу подавленіемъ въ ней существеннаго момента служенія чисто церковнымъ цѣлямъ, которыя по отношенію къ духовенству, какъ это выяснено выше на основаніи 41 правила апостоловъ, должны ограничиваться употребленіемъ имущества лишь на самое необходимое его

---

1) Уложеніе 1649 года. гл. XVII и XIX.

содержаніе. Когда же правительственная власть и общество начинаютъ убѣждаться, что немало церковныхъ имуществъ при управленіи духовенствомъ стали измѣнять своему назначенію и способствовать матеріальнымъ удобствамъ чисто сословнымъ и даже отдѣльныхъ духовныхъ лицъ и учрежденій съ ущербомъ для интересовъ государственныхъ и частныхъ, то для возбужденія вопроса о церковныхъ имуществахъ и стремленіи принять соотвѣтствующія мѣры вовсе не требуется потерять прежде вѣру или перестать относиться сочувственно къ церкви и ея задачамъ, но все это можно дѣлать нисколько не выступая противъ интересовъ Церкви, какъ это и происходило въ древней Руси, отличавшейся благочестіемъ и приверженностью къ Церкви. Даже сами московскіе цари, признававшіе необходимымъ установить тѣ или другія ограниченія въ пріобрѣтеніи церковныхъ недвижимыхъ имѣній, на практикѣ нарушали эти постановленія подъ вліяніемъ господствовавшихъ обычаевъ и взглядовъ. Вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ привлекалъ къ себѣ вниманіе въ древней Руси далеко не по желанію „обидѣть церковь“ или посягнуть на церковное достояніе, а самымъ ходомъ вещей, который и впослѣдствіи продолжалъ вліять на отношенія къ нему со стороны государственной власти.

Съ наступленіемъ эпохи преобразованій, когда зоркій глазъ Петра I всюду искалъ возможность извлекать выгоду для государства, вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ не могъ быть оставленъ имъ безъ вниманія и получилъ дальнѣйшее движеніе, въ томъ направленіи, которое начало обнаруживаться еще и въ прежнее время. Вмѣсто предоставленія церковныхъ имѣній для выгодъ духовенства, далеко не всегда совпадавшихъ съ общецерковными интересами, Петръ, естественно началъ стремиться обратить ихъ на служеніе государству. Къ преобразованіямъ относительно церковныхъ имѣній должно было побуждать Петра и вообще его желаніе „исправить чинъ церковный“, а также и явная вражда духовенства даже къ его чисто гражданскимъ реформамъ, которое въ полномъ обладаніи имѣніями находило для себя большое подспорье и пріобрѣтало бóльшее значеніе.

Въ теченіе 1701 года послѣдовалъ рядъ указовъ устанавливающихъ отношенія государства къ вопросу о церковныхъ имѣніяхъ. 24 января Петръ учредилъ Монастырскій Приказъ

во главѣ съ бояриномъ И. А. Мусинымъ-Пушкинымъ и въ вѣдѣніе его поступили „Домъ святѣйшаго патріарха и домы архіерейскіе и монастырскія дѣла“ [1]). 31 января въ дополненіе къ этому было указано всѣмъ вотчинамъ патріарха и домовымъ монастырямъ, архіепископскимъ домамъ и вотчинамъ ихъ и всѣмъ монастырямъ „судомъ и расправою и всякими сборами вѣдать и переписать въ Монастырскомъ Приказѣ, а для переписки послать изъ царедворцевъ людей добрыхъ“ [2]). Распоряжаясь такъ монастырскими вотчинами, Петръ Великій однако не хотѣлъ этимъ лишить монаховъ необходимаго содержанія и старался такъ или иначе его обезпечить. Указомъ 30 декабря 1701 года онъ предписалъ: въ монастыряхъ монахамъ и монахинямъ давать опредѣленное число денегъ и хлѣба въ общежительство ихъ, а вотчинами ихъ и никакими угодьями не владѣть, не ради разоренія монастырей, но лучшаго ради исполненія монашескаго обѣщанія, понеже древніе монахи, поясняется въ указѣ, повидимому, подъ вліяніемъ разныхъ соображеній высказанныхъ въ прежнее время сторонниками св. Нила Сорскаго, сами себѣ трудолюбивыми своими руками пищу промышляли и общежительство живяше и многихъ нищихъ отъ своихъ рукъ питали“. Обративъ вниманіе на вредъ отъ владѣнія вотчинами, о чемъ также немало говорили еще въ древней Руси, Петръ устанавливалъ равное содержаніе какъ для лицъ монастырскаго начальства, такъ и обыкновенныхъ по 10 рублей и 10 четвертей хлѣба и необходимое количество дровъ. На это Монастырскій Приказъ долженъ былъ собирать доходы съ имѣній, а при излишкѣ ихъ передавать лишнее количество въ богадѣльни на пропитаніе нищихъ и въ бѣдные не имѣющіе вотчинъ монастыри. Если же окажутся монастыри, которые по незначительности ихъ вотчинъ не могутъ быть содержимы на ихъ доходы и которые и прежде получали отъ государя жалованье, хлѣбъ и деньги, то этимъ монастырямъ предписывалось и впредь давать „хлѣбное и денежное жалованье“, безъ чего, прибавлялъ указъ, по са-

---

1) Именной указъ объявленный Разряду. 1-е полное собраніе законовъ, т. IV, № 1829. Именной объявленный Мусинъ-Пушкинымъ Монастырскому Приказу.

2) Тамъ же. т. IV. № 1834.

мой нуждѣ быть не возможно“ [1]). Управленіе монастырскими и архіерейскими вотчинами на мѣстахъ было передано свѣтскимъ лицамъ и перешло, какъ это показываетъ указъ 24 іюня 1702 года, къ стольникамъ [2]). Изъ опредѣленій Монастырскаго Приказа по 1711 годъ видно, что вотчины подверглись извѣстному обложенію, къ которому былъ причисленъ доходъ въ епархіяхъ съ храмозданныхъ грамотъ и пошлины съ вѣнечныхъ памятей. На содержаніе же архіерейскихъ домовъ и монастырей выдавались деньги и хлѣбъ. Расходованіе остальнаго имущества безъ указа воспрещалось [3]). Съ учрежденіемъ св. Синода онъ просилъ Петра, чтобы патріаршія, архіерейскія и монастырскія вотчины, которыя сборами и правленіемъ вѣдомы были въ Монастырскомъ Приказѣ, предоставить въ вѣдѣніе одной Духовной Коллегіи. Вотчины эти, по разъясненію Синода, отъ гражданскихъ правителей пришли въ скудость и пустоту, а „Духовная Коллегія обязалась присягою какъ въ вѣрности такъ и во исканіи интереса Царскаго Величества противъ прочихъ Коллегій не меньше“... Петръ согласился съ желаніемъ Синода [4]) и передалъ церковныя имѣнія въ его вѣдѣніе [5]). Но такой порядокъ, по свидѣтельству Императрицы Екатерины II не удовлетворилъ Петра въ виду неуспѣха по дѣламъ благотворительности [6]). Въ январѣ 1724 года Петръ повелѣлъ привести въ извѣстность количество остающагося хлѣба и денегъ въ монастыряхъ для опредѣленія, въ какой мѣрѣ каждый изъ нихъ можетъ участвовать въ расходахъ на содержаніе нищихъ, сиротъ, монаховъ и училищъ, а при св. Синодѣ учредить Коллегію подобно Камеръ-Коллегіи для завѣдыванія всѣми сборами черезъ казначея и далмейстеровъ съ присоединеніемъ оберъ-провіантмейстера для раздачи провіанта, которые по установленной табели должны были

---

1) 1-е пол. Собраніе Законовъ, т. IV, № 1886.

2) т. IV, № 1914.

3) т. XVI, № 11844.

4) Высочайшія резолюціи на докладѣ св. Синода 14 февраля 1726 г., п. 5. Полное Собраніе Пост. и Распор. по Вѣд. Прав. Испов. т. I, № 3 и 1-е пол. Собр. Зак. т. VI, № 3734.

5) Полное Собр. Расп. и Пост. по Вѣд. Прав. Исп. т. I, № 19, 45, 116, 196 и д.

6) Инструкція Коллегіи Экономіи духовныхъ имѣній. 1-е пол. Собр. Зак. т. XVI, № 11844.

выдавать на госпиталь, Синоду и архіереямъ, а потомъ монахамъ снизу до архимандрита [1]). Вмѣсто Монастырскаго Приказа теперь появилась Синодальнаго Правительства Камеръ-Контора, президентомъ которой былъ назначенъ судья Монастырскаго Приказа Чичеринъ съ обязанностью управлять дѣлами по Высочайшимъ указамъ и по примѣру инструкціи камеръ-коллежской [2]). По удостовѣренію Императрицы Екатерины I Петръ Великій имѣлъ въ виду поручить учрежденной имъ Духовной Коллегіи управленіе духовными дѣлами Всероссійской Церкви, а возникшія въ ней дѣла по управленію вотчинами, сборы съ нихъ доходовъ, всякія расправы Петръ Великій не относилъ къ категоріи дѣлъ духовныхъ. Поэтому „дабы церковное правленіе и ученіе во славу имени Божія наилучше происходило“, Петръ I намѣревался оставить Духовную Коллегію лишь при одномъ управленіи духовными дѣлами, но вслѣдствіе кончины ему не удалось привести это намѣреніе въ исполненіе. Правительство Екатерины I рѣшило послѣдовать мысли преобразователя Россіи и раздѣлило „синодальное правленіе на два Апартамента“. Первый въ составѣ 6 архіереевъ долженъ былъ вѣдать дѣла духовныя, а въ другомъ повелѣвалось „быть суду и расправѣ, смотрѣнію сборовъ и экономіи и прочее тому подобное по примѣру прежде бывшаго Патріаршаго Разряда и другихъ приказовъ. Для управленія вторымъ апартаментомъ были назначены лица свѣтскія, при чемъ о дѣлахъ подлежащихъ духовному разсужденію онъ долженъ былъ доносить въ Синодъ, а о свѣтскихъ дѣлахъ Высокому Сенату [3]). 26 сентября 1726 года Второй Апартаментъ Синода получилъ наименованіе Коллегіи Экономіи Синодальнаго Правленія [4]).

Всѣ эти узаконенія устанавливающія порядокъ управленія церковными имѣніями показываютъ, что русское правительство все болѣе и болѣе теряло различіе между имѣніями церковными и казенными и дѣлалось склонно сливать ихъ въ одно понятіе. Предоставленіе завѣдыванія ими св. Синоду

---

[1]) 1-е полн. Собр. Расп. и Пост. т. IV, № 1187 и 1-е пол. Собр. Зак. т. VII, № 4426.

[2]) Полное Собраніе Постановленій и Распоряж. по Вѣдомству Православнаго Исповѣданія, т. IV, № 1438 и № 1379.

[3]) Полное Собраніе Раслор. и Постан. по Вѣд. Прав. Исп. т. V, № 1819.

[4]) Тамъ же, т. V, № 1843 и 1-е Полное Собраніе Законовъ, т. VII, № 4959.

не препятствовало этому процессу. По заявленію самого св. Синода въ его докладныхъ пунктахъ Петру I, съ передачей Синоду имѣній они переходили въ учрежденіе государственное, не менѣе другихъ коллегій считавшее себя обязаннымъ заботиться объ интересахъ Царскаго Величества. Въ царствованіе Анны Іоанновны въ одномъ изъ указовъ 1738 года указанный взглядъ русскаго правительства на церковныя имѣнія обнаруживается уже вполнѣ ясно. Коллегіи Экономіи Синодальнаго Правленія указъ этотъ опредѣлилъ „быть подъ владѣніемъ Сената, а Синоду Коллегіи той не вѣдать, понеже въ оной Коллегіи состоятъ сборы и другія экономическія дѣла, которыя правительство объявляло подлежащими вѣдѣнію Сената, а духовныхъ дѣлъ, какія могли бы касаться до Синода, не бываетъ". Если Синоду даже потребуется что-либо отъ Коллегіи Экономіи, то теперь онъ долженъ былъ сноситься объ этомъ съ Сенатомъ [1]). По наступленіи новаго царствованія верховная власть, уступая просьбамъ св. Синода, въ 1744 году согласилась на уничтоженіе Коллегіи Экономіи и передачу доходовъ съ вотчинъ въ вѣдѣніе св. Синода для употребленія ихъ по указаніямъ Петра Великаго. Но въ теченіе цѣлыхъ 13 лѣтъ такой порядокъ распоряженія доходами не оправдалъ ожиданій императрицы Елизаветы Петровны [2]) и 6 октября 1757 года, какъ это видно изъ ея указа Сенату, она вернулась къ тому направленію, которое вело къ слитію церковныхъ вотчинъ съ имѣніями казенными. Императрица, по объясненію сдѣланному впослѣдствіи Петромъ III въ его указѣ 21 марта 1762 года, заботилась, чтобы духовный чинъ не былъ отягощенъ мірскими попеченіями, но чтобы всегда имѣлъ свободныя мысли прилежать своему званію, при вступленіи въ которое онъ отвергается временныхъ интересовъ для лучшихъ заботъ о своей духовной жизни и ввѣренныхъ его паствѣ людяхъ. Присутствуя лично 30 сентября 1757 года въ состоящей при Ея Дворѣ Конференціи, государыня обратила вниманіе, что монастырямъ предоставлено пользоваться своими доходами лишь въ размѣрѣ положенныхъ штатовъ, что они должны стараться о

---

[1]) Именной указъ Сенату 15 апрѣля 1738 г. 1-е пол. Собр. Законовъ т. X, № 7558.

[2]) Тамъ же, т. XVI, № 11844 и 12060.

собираніи доходовъ и о храненіи полученныхъ въ излишекъ, что съ этой цѣлью имъ часто приходится посылать монашествующихъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ по отсутствію церквей не бываетъ и службы Божіей. Считая такое положеніе дѣлъ напраснымъ отягощеніемъ для монастырей и вреднымъ для монашествующихъ, какъ привлекающее ихъ къ мірскимъ попеченіямъ, императрица „по собственному своему монаршему благоизобрѣтенію и просвѣщенной прозорливости повелѣть соизволила“ установить относительно доходовъ съ монастырскихъ и архіерейскихъ деревень слѣдующее узаконеніе: Деревни эти должны быть управляемы не монастырскими служками, но изъ отставныхъ штабъ и оберъ-офицерами, и переложены въ помѣщичьи оклады. Получаемый отъ нихъ доходъ долженъ былъ весь идти на монастыри съ тѣмъ однако, чтобы расходъ на нихъ не превышалъ положеннаго по штатамъ. Остатки же предписывалось сохранять и не употреблять безъ Высочайшаго указа, такъ чтобы государыня, зная о ихъ количествѣ, могла раздавать изъ этого на строеніе монастырей. Принимая же во вниманіе постановленіе о содержаніи при монастыряхъ отставныхъ, которое не исполнялось уже нѣсколько лѣтъ, указъ требовалъ взысканія ихъ за всѣ прежніе годы и подтверждалъ его на будущее время. На собранныя такимъ образомъ за прежнее время деньги слѣдовало учреждать инвалидные дома, а другія вносить въ банкъ, „чтобы процентами и ежегодными съ монастырей порціями будущихъ въ нихъ отставныхъ содержать“ [1]).

Конечно, подобный порядокъ управленія церковными вотчинами и употребленія собираемыхъ съ нихъ доходовъ очень мало соотвѣтствовалъ понятію церковнаго имущества, и вотчины, называемыя еще церковными, въ дѣйствительности теряли характеръ такого имущества. Обыкновенно моментъ отобранія церковныхъ недвижимыхъ имѣній въ Россіи относятъ ко времени Екатерины II, когда будто бы и произошла ихъ секуляризація, и лица недовольныя этимъ вмѣняютъ ее въ вину Екатерины II. Но изученіе этого вопроса по историческимъ даннымъ показываетъ, что распоряженія Екате-

---

1) Именной указъ объявленный Сенату изъ состоящей при Дворѣ Ея Им. Вел. Конгрегаціи. 1-е пол. Собр. Зак. т. XIV, № 10765.

рины II нужно разсматривать какъ завершеніе цѣлаго процесса, который съ большими или меньшими уклоненіями продолжался и при прежнихъ императорахъ, а подготовлялся еще и въ древней Руси. Задача всякаго управленія, не исключая и церковнаго, состоитъ въ умѣньѣ во время замѣтить подобный процессъ и, если онъ будетъ признанъ вреднымъ, то своевременно принять необходимыя мѣры для его задержанія или сообщенія ему другаго направленія. Иначе наступаетъ моментъ, когда такой процессъ приводитъ къ извѣстнымъ послѣдствіямъ почти съ неодолимой силой. Въ этомъ отношеніи по вопросу о церковныхъ вотчинахъ св. Синодъ оказался не на высотѣ своего положенія. Онъ не только не пытался остановить во время процессъ секуляризаціи этихъ вотчинъ, но какъ будто даже и не замѣчалъ его, нерѣдко почти содѣйствуя ему и самъ. Объясненіе этого нужно искать, повидимому, въ томъ, что Синодъ, предназначенный къ высшему управленію церковными дѣлами, былъ однако включенъ въ число другихъ государственныхъ учрежденій и между прочимъ принялъ на себя обязанность заботиться объ интересахъ государства и притомъ съ обыкновенной ихъ стороны подобно другимъ высшимъ учрежденіямъ. Въ текстѣ самой присяги для членовъ духовной Коллегіи прямо сказано было, что они обязаны „стараться споспѣшествовать всему, что къ Его Царскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ во всякихъ случаяхъ касаться можетъ“ [1]). Въ Докладныхъ же Пунктахъ представленныхъ Петру I въ февралѣ 1721 года св. Синодъ именно по вопросу о церковныхъ вотчинахъ обращалъ вниманіе государя, что „Духовная Коллегія присягою обязалась, какъ въ вѣрности, такъ и во исканіи интереса Царскаго Величества противъ прочихъ коллегій не меньше“ [2]). При такихъ условіяхъ трудно было разсчитывать, чтобы Синодъ въ столь сложныхъ и важныхъ для государства вопросахъ, какъ о недвижимыхъ церковныхъ имѣніяхъ, могъ должнымъ образомъ раздѣлить интересъ церковный и государственный и при смѣшеніи ихъ отстоять первый вопреки намѣреніямъ и стремленіямъ власти государственной. Подобное положеніе дѣлъ всегда будетъ по-

---

1) Полное Собр. Расп. и Пост. по Вѣд. Прав. Испов. т. I, № 1.

2) Высочайшія резолюціи на докладѣ св. Синода, тамъ же т. I. № 3. п. 5.

слѣдствіемъ устройства церковнаго управленія, которое организовано при недостаточномъ различіи природы общеній церковнаго и государственнаго.

Вступившій въ 1761 году на престолъ Императоръ Петръ III оказался человѣкомъ нерасположеннымъ къ Православной Церкви. Въ его царствованіе, по замѣчанію Екатерины II въ ея манифестѣ 28 іюня 1762 года всѣмъ вѣрнымъ сынамъ отечества—было ясно, какая опасность стала угрожать государству, и прежде всего тѣмъ, что „законъ православный греческій, поясняла императрица, возчувствовалъ свое потрясеніе и истребленіе своихъ преданій церковныхъ, такъ что Церковь наша Греческая крайне уже подвержена оставалась послѣдней своей опасности перемѣною древняго въ Россіи православія и принятіемъ иновѣрнаго закона“ [1]). Естественно, что при такомъ государѣ вопросъ о церковныхъ вотчинахъ могъ направляться къ разрѣшенію безъ достаточнаго охраненія интересовъ Церкви. Основываясь на узаконеніи Императрицы Елизаветы 30 сентября 1757 года, Петръ III въ началѣ 1762 года съ своей стороны пошелъ гораздо дальше. Для управленія всѣхъ синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ, соборныхъ, а также приписанныхъ къ церквамъ и пустынямъ вотчинъ, говорилъ императоръ въ своемъ указѣ, учреждена по вѣдомству Нашего Сената въ Москвѣ Коллегія Экономіи, а въ Петербургѣ ея контора, съ надлежащимъ отъ Сената наставленіемъ. Завѣдываніе же вотчинами передано штабъ и оберъ-офицерамъ, а прежнимъ управителямъ не только изъ монаховъ и прочихъ духовныхъ лицъ, но и изъ монастырскихъ служекъ повелѣно болѣе не быть, а тѣхъ, кои есть, всѣхъ отрѣшить. Со всѣхъ крестьянъ, приписанныхъ къ этимъ вотчинамъ, Императоръ повелѣвалъ вмѣсто поступавшихъ съ нихъ доходовъ взимать единственный сборъ по даннымъ послѣдней ревизіи съ каждой мужскаго пола души по 1 рублю. Земля же, которую крестьяне обработывали для владѣльцевъ церковныхъ вотчинъ, поступала крестьянамъ, а та, которая отдавалась въ оброкъ, и теперь должна была сдаваться назначенными для ихъ управленія офицерами. Всѣ рублевыя и оброчныя деньги должны были

---

1) Манифестъ о вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II. 1-е Пол. Собр. Законовъ. т. XVI. № 11582.

находиться въ полномъ завѣдываніи Коллегіи Экономіи, которая и обязана была выдавать суммы на всѣ монастыри и на содержаніе всѣхъ монашескихъ и церковныхъ властей и прочихъ служителей согласно установленному Петромъ I штату. Изъ общей суммы доходовъ съ церковныхъ вотчинъ на содержаніе духовныхъ властей, архіерейскихъ домовъ и семинаріи, по знатности мѣста, назначались опредѣленныя суммы. Несмотря на то, что по опытамъ прежнихъ лѣтъ за недостаткомъ доходовъ съ вотчинъ нельзя было учредить инвалидные дома, какъ намѣревалось правительство, Петръ III всетаки указалъ содержать при монастыряхъ отставныхъ и инвалидовъ на остатки отъ ихъ доходовъ [1]).

Распоряженія Петра, которыя вмѣсто правильной постановки управленія церковными имѣніями и пользованія ихъ доходами совсѣмъ лишали Церковь ея имѣній и были вызваны преимущественно личными взглядами Императора, конечно, возбудили большое недовольство въ духовенствѣ. Но высшіе іерархи, по замѣчанію одного историка, воздыхая согласились съ распоряженіями Императора [2]). Открытый протестъ началъ раздаваться лишь со стороны Ростовскаго митрополита Арсенія Мацѣевича. Синодъ же, какъ учрежденіе, обязавшееся заботиться также и о соблюденіи интересовъ Его Величества, конечно, едва ли могъ понимать ихъ иначе, чѣмъ самъ государь, сосредоточивавшій въ себѣ верховную власть, и по примѣру прежнихъ лѣтъ не выражалъ своего протеста, хотя отдѣльные члены Синода и считали дѣйствія Императора вредными для Церкви.

Вскорѣ сама верховная власть въ лицѣ ея новаго носителя Императрицы Екатерины II свидѣтельствовала, что разсматриваемое узаконеніе Петра III не можетъ заслуживать подтвержденія со стороны государыни. Отнятіе изъ вѣдомства духовнаго чина деревень и прочихъ имѣній, было признано въ указѣ 12 августа 1762 года, учиненнымъ безъ всякаго предыдущаго порядка и разсмотрѣнія. „Кажется надобность состояла только въ томъ, говорила Императрица, чтобы ото-

---

[1]) Именной указъ 21 марта 1762 г. объявленный во всенародное извѣстіе вслѣдствіе именнаго же указа Сенату 16 февраля 1762 года, тамъ же т. XV. № 11481.

[2]) Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій. Священника М. С. Попова. Спб. 1905 г. глава XI. стр. 87.

брать у духовныхъ имѣнія, а чтобъ осмотрительныя взять мѣры о порядочномъ, и какъ для Церкви и духовнаго чина безобидномъ, такъ и для отечества полезномъ управленіи, о томъ и не думано“ [1]).

Но какъ бы тамъ ни было, а законъ Петра III, который уже успѣли начать проводить и въ жизнь, значительно подвинулъ вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ. Послѣ этого закона уже нельзя было оставить вопросъ въ прежнемъ положеніи или довольствоваться какими-либо маловажными распоряженіями. Вскорѣ же по вступленіи на престолъ Екатерина II, отмѣняя узаконеніе Петра, сама должна была заняться этимъ вопросомъ. Объявляя объ учрежденіи своимъ собственнымъ вѣдѣніемъ особой коммиссіи изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, государыня разъясняла, что она „подъ покровительствомъ Божіимъ намѣрена въ совершенство привести учрежденіе всего духовнаго штата сходственно съ узаконеніями церковными „которымъ слѣдовалъ и Петръ Великій. Это поясненіе Императрицы можетъ служить подтвержденіемъ сдѣланнаго выше замѣчанія, что процессъ секуляризаціи церковныхъ имѣній начался ранѣе ея. Высказанное же теперь верховной властью желаніе положить въ основаніе разрѣшенія вопроса предположенія Петра I уже во многомъ должно было предрѣшать исходъ реформы.

До открытія дѣйствій коммиссіи Императрица повелѣла Синоду и Сенату для потребнаго духовенству содержанія „всѣ синодальныя, архіерейскихъ домовъ, монастырей и бѣлаго священства движимыя и недвижимыя имѣнія отдать имъ въ управленіе и для того запечатанныя деньги, хлѣбъ и прочее распечатать. Коллегію же Экономіи отставить и посланнымъ для управленія церковныхъ вотчинъ офицерамъ не быть“. Установленный Петромъ III сборъ съ крестьянъ въ размѣрѣ 1 рубля до времени оставлялся въ силѣ, но передавался „на благо изобрѣтеніе духовныхъ властей, чтобы они собирали или по 1 руб. съ души или по пристойности мѣстъ и надобностей употребляли ихъ къ нужнымъ работамъ безъ отягощенія. Всѣ денежные и хлѣбные доходы архіереи и монастыри обязывались употреблять на самые нужные расходы по Духовному Регламенту безъ излишества, а также и на

[1]) 1-е Пол. Собр. Законовъ. т. XVI. № 11643.

содержаніе находящихся при монастыряхъ и впредь присылаемыхъ инвалидовъ. Остатки должны были сохраняться и всѣ суммы записываться въ приходо-расходныя шнуровыя книги выдаваемыя отъ подлежащихъ властей, изъ которыхъ государыня могла бы усматривать „прямыхъ старателей о пользѣ Церкви и отечества и пренебрегающихъ оную". Въ этомъ же порядкѣ предоставлялось пользоваться своими вотчинами и бѣлому духовенству до дальнѣйшаго о нихъ учрежденія, однако же безъ отягощенія крестьянъ [1]). 29 ноября 1762 года послѣдовало назначеніе состава коммиссіи о духовныхъ имѣніяхъ митрополита Новгородскаго Дмитрія (Сѣченова), архіепископа Петербургскаго Гавріила и епископа Переяславскаго Сильверста и 5 свѣтскихъ лицъ. Для руководства коммиссіи была дана инструкція, въ которой Императрица прежде всего разъясняетъ должныя по ея мнѣнію, отношенія государственной власти къ дѣламъ церковнымъ. Данная ей отъ Бога самодержавная власть побуждаетъ ее заботиться не только о дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ, но и Его Божественное писаніе заповѣдуетъ ей „яко блюстительницѣ Церкви святой учреждать всѣ порядки и законы, подкрѣпляющіе православіе, такъ чтобы всѣ дѣла ею въ духовномъ чину уставленныя соотвѣтствовали дѣлу Божію и чтобы совѣсть ея не была отягощена сокрушеніемъ", если при видѣ нестроенія она оставила бы его безъ исправленія. Напомнивъ, что познаніе Слова Божія есть первое основаніе народнаго благополучія и источникъ всей народной добродѣтели, государыня обращаетъ вниманіе Синода на необходимость приложить всѣ усилія къ просвѣщенію народа и къ лучшему подготовленію пастырей, обѣщая съ своей стороны устраивать порядки споспѣшествующіе этой благой цѣли и между прочимъ обезпечить „доброе употребленіе недвижимыхъ имѣній", принадлежащихъ Церкви. „Имѣніе церковное, духовными управляемое, есть, по разъясненію инструкціи, и благолѣпію церковному украшеніе и санъ духовный благопристойно питающее, а при томъ оно удовлетворяетъ и тѣмъ богоусерднымъ подателямъ, которые Церкви Божіи награждали столь щедрыми подаяніями, когда получаемые изъ него доходы по намѣренію ихъ въ прославленіе

[1]) Именной указъ 12 августа 1762 г. Тамъ же т. XVI. № 11643.

имени Божія добрымъ управленіемъ, а вящше того богоугоднымъ употребленіемъ издерживаются, т. е. на благолѣпіе храмовъ, на умѣренное и беззазорное властямъ духовнымъ содержаніе, на насажденіе и произращеніе плодовъ духовныхъ полезными въ епархіяхъ училищами и на пропитанія отъ избытка бѣдныхъ". Неправильное же употребленіе церковнаго имущества, когда оно расходуется на временныя житейская попеченія, а не на вѣчныя и богоугодныя дѣла, возбуждаетъ по свидѣтельству Императрицы великій соблазнъ, что долженъ знать и самъ св. Синодъ, пастырскую власть на себѣ носящій. Объясняя распоряженія Петра Великаго стремленіемъ его къ лучшему сбереженію и употребленію церковныхъ доходовъ Императрица снова прямо заявляла, что и она основывается въ этомъ отношеніи на Духовномъ Регламентѣ и другихъ дополняющихъ ею указахъ Петра I и ничего лучшаго опредѣлить не находитъ возможнымъ. Соотвѣтственно этому инструкція указывала на необходимость подробнаго описанія церковныхъ имѣній и опредѣленія ихъ доходовъ, а затѣмъ сочиненія штатовъ для каждой епархіи, т. е. по архіерейскому дому, монастырямъ и собору, смотря по достоинству ихъ сановъ и количеству имѣній, чтобы они могли получать „благопристойное но беззазорное и несоблазненное содержаніе". Церковныя имѣнія Екатерина II считала пожертвованными Церкви не только для пропитанія духовенства, потому что во многихъ епархіяхъ и обителяхъ число крестьянъ и угодій было очень излишне сравнительно съ числомъ духовенства и „съ доброю экономіею корысть немалую приносить могло", но на счетъ этихъ имѣній должно быть возложено и содержаніе сооруженныхъ уже Церквей, которыя требуютъ иногда и поновленія. О порядкѣ производства этихъ расходовъ образуемой коммиссіи поручалось выработать извѣстныя правила. Кромѣ того въ обязанность Коммиссіи, инструкція ставила разсмотрѣніе вопроса о духовно-учебныхъ школахъ и средствахъ на ихъ содержаніе. Обращая вниманіе на отсутствіе хорошихъ школъ для подготовленія пастырей и учителей народа и вообще плохое состояніе всего духовно-учебнаго дѣла, вредно отражающагося на духовныхъ интересахъ народа, государыня повелѣвала коммиссіи „всеприлежнѣйше подумать", какимъ бы образомъ завести въ каждой епархіи при архіерейскомъ домѣ училища

согласно указанію Духовнаго Регламента для обученія высшимъ наукамъ, а также богословія по преданіямъ древняго восточнаго православія. На содержаніе этихъ училищъ могли быть опредѣляемы не только архіерейскіе доходы, но и добавочная отъ монастырей ежегодно ассигнуемая сумма. Вмѣстѣ съ этимъ въ 2 или 3 монастыряхъ каждой епархіи слѣдовало учредить нисшія школы, малыя гимназіи. Лучшіе ученики, обнаружившіе способность къ продолженію занятій науками, и должны были переводиться въ училища при архіерейскихъ домахъ. Наконецъ Императрица, озабочиваясь призрѣніемъ инвалидовъ и, поставляя своимъ долгомъ пропитаніе ихъ до конца жизни въ покоѣ и молитвѣ къ Богу, по примѣру Петра Великаго считала нужнымъ употреблять и на это часть церковныхъ доходовъ. Коммиссіи поручалось разработать проектъ учрежденія при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ особыхъ домовъ для спокойнаго проживанія инвалидовъ безъ отягченія ихъ какимъ-либо трудомъ и работой. „Мы уповаемъ, замѣчено въ инструкціи, что таковое богоугодное намѣреніе есть прямо Церкви Божіей и ея попеченію принадлежащее, чего ради и ожидаемъ отъ коммиссіи лучшихъ еще къ тому изъясненій“. Завѣдываніе церковными сборами и расходами Императрица находила лучшимъ сосредоточить въ одномъ центральномъ учрежденіи и образовать для этого Главную Духовную Экономическую Коллегію. Она выражала надежду, что при правильномъ управленіи церковными имѣніями и рачительной экономіи въ расходахъ должны оказаться еще не малые денежные остатки, которые Коммиссіи предоставлялось по удовлетворенію указанныхъ выше нуждъ распредѣлить на нѣкоторыя пенсіи, присоединенныя къ установленію какого-либо ордена, жалуемаго за вѣру и любовь къ отечеству и за отличныя и знатныя въ немъ услуги, чтобы тѣмъ прибавить поощренія къ заслуженію таковыхъ орденовъ и возбуждать каждаго къ вящшей добродѣтели. Изложенная въ инструкціи программа императрицы составлена ею подъ вліяніемъ желанія, чтобы „церковное имѣніе лучше употреблялось на дѣло Божіе, т. е. къ утвержденію благочестія и въ пользу народную“. Пока она не объявляла эту программу закономъ, а предоставляла самой Коммиссіи или послѣдовать ея мнѣнію или придумать что-либо лучшее и представить ей, только учрежденъ бы

былъ порядокъ въ употребленіи церковныхъ доходовъ, при чемъ для нуждъ бѣдныхъ церквей и монастырей разрѣшалось заимствовать отъ излишества другихъ [1]).

Остановиться болѣе подробно на инструкціи для Коммиссіи о духовныхъ имѣніяхъ и узаконеніяхъ объ этомъ Екатерины II я нахожу небезполезнымъ въ виду того, что въ нихъ особенно характерно выразилось отношеніе русскаго правительства къ вопросу о церковныхъ имѣніяхъ, слагавшееся въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ и подъ вліяніемъ обстоятельствъ дѣйствительнаго положенія и управленія этихъ имѣній. Правительство, какъ видимъ, старалось поддерживать широкій взглядъ на назначеніе церковныхъ имѣній, оно не соглашалось, чтобы задача ихъ исчерпывалась служить одному содержанію духовенства, но считало, что въ нее не менѣе должны входить христіанское просвѣщеніе народа, подготовленіе образованныхъ пастырей и цѣли благотворительныя. Подобное направленіе мыслей, какъ отмѣчено мной въ моемъ докладѣ IV отдѣлу присутствія по вопросу о приходѣ, [2]) нисколько не противорѣчитъ природѣ церковнаго имущества и въ этомъ нужно признать его справедливость.

Если бы церковныя власти на практикѣ осуществляли этотъ взглядъ во всей его широтѣ, то вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ въ Россіи, можетъ быть оказался бы въ иномъ положеніи. Но то, что происходило въ дѣйствительности съ управленіемъ церковными имѣніями, по условіямъ русской жизни отличающейся недостаточнымъ разграниченіемъ сферъ церковнаго и государственнаго, естественно повело къ превращенію церковныхъ имѣній въ государственныя. Когда церковное управленіе имѣніями не достигало всѣхъ цѣлей, не удовлетворяло потребностямъ христіанскаго просвѣщенія и благотворительности, то правительство согласно установившимся взглядамъ, по которымъ и самое церковное управленіе разсматривалось какъ часть государственнаго, нашло возможнымъ въ интересахъ болѣе правильнаго управленія церковными имѣніями принять его на себя. Послѣ этого уже не трудно было возложить на церковныя средства выполне-

---

[1]) Инструкція данная Коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ 29 Ноября 1762 года т. XVI №11716.

[2]) Церковныя Вѣдомости 1907 г. № 15.

ніе и такихъ цѣлей, которыя должны были составлять скорѣе обязанность самого государства, а не Церкви, какъ преслѣдующей свои религіозно-нравственныя задачи. Особенно ясно сказалось это въ отношеніи благотворительности. Въ числѣ ея русское правительство особенно выдвигало вопросъ о призрѣніи инвалидовъ, какъ лицъ послужившихъ государству и потому имѣющихъ право на особенныя заботы съ его стороны. Задачу эту оно старалось выполнять на церковные доходы и даже черезъ монастыри. Въ инструкціи же Екатерины II русское правительство согласно съ своими прежними распоряженіями, признанными и Св. Синодомъ, дошло уже до отнесенія на церковныя средства выдачу и нѣкоторыхъ пенсій лицамъ, которые съ полученіемъ за услугу государству извѣстнаго ордена пріобрѣтали на нее право, при чемъ назначеніе такихъ пенсій обосновывалось желаніемъ поощрять къ заслуженію орденовъ и возбуждать каждаго къ вящшей добродѣтели.

Возможность замѣнить церковное управленіе принадлежащими Церкви имѣніями государственнымъ и самому государству черезъ употребленіе церковнаго имущества достигать нѣкоторыхъ церковныхъ цѣлей—вотъ двѣ главныя мысли, которыя двигали и направляли процессъ секуляризаціи. Начало ему въ открытомъ видѣ было положено съ организаціей церковнаго управленія какъ части государственнаго съ явнымъ смѣшеніемъ областей того и другаго. Секуляризація церковныхъ имѣній въ Россіи должна быть разсматриваема, какъ естественное послѣдствіе секуляризаціи въ извѣстномъ смыслѣ и самаго церковнаго управленія, поводы къ которой подготовлялись еще въ древней Руси въ періодъ патріаршій [1]). Изученіе процесса секуляризаціи церковныхъ имѣній въ связи съ двигавшими его идеями и существовавшими порядками церковнаго управленія кромѣ того показываетъ, что во всемъ этомъ сказывалось вліяніе и того нѣсколько односторонняго взгляда на Церковь, который сложился еще въ Византіи, а затѣмъ установился и у насъ, и о которомъ я говорилъ въ своемъ докладѣ IV отдѣлу

---

[1]) Н. Д. Кузнецовъ: Церковь, Духовенство и Общество. Москва 1905 г. гл. II и Докладъ I отдѣлу Присутствія по вопросу объ отношеніяхъ Церкви и государства въ Россіи.

по вопросу о приходѣ. Церковь въ отношеніи къ организаціи ея управленія и устройства внѣшней жизни стала представляться какъ учрежденіе съ оттѣсненіемъ на задній планъ начала церковно-общественнаго. Духовенство считало въ порядкѣ вещей непосредственно возиться съ сложнымъ завѣдываніемъ церковными имѣніями, а активное участіе въ этомъ мірянъ готово было объявлять посягательствомъ на церковное достояніе. Церковные доходы оно находило возможнымъ употреблять преимущественно на себя и притомъ нерѣдко въ количествѣ далеко превышающимъ необходимыя нужды. Составляя живой и важный элементъ въ учредительномъ началѣ Церкви, духовенство обнаружило склонность къ ограниченію задачъ Церкви по отношенію къ ея имуществу, а иногда и прямому отожествленію ихъ съ своими интересами. Русское правительство, замѣчая вредъ для духовенства отъ владѣнія вотчинами и не соотвѣтствующее ихъ полному назначенію распоряженіе доходами, пришло къ выводу, что церковныя имѣнія должны быть управляемы, а затѣмъ и взяты государствомъ, и что церковныя цѣли по отношенію къ нимъ могутъ быть достигаемы самимъ государствомъ. Если бы правительство вспомнило, а церковныя власти указали бы ему, что въ Церкви кромѣ духовенства есть и міряне, представляющіе въ ней живое общественное начало и обязанные служить Церкви въ свою мѣру, то обстоятельства побуждавшія правительство къ распоряженію церковными имѣніями и отобранію ихъ въ казну могли бы быть устранены привлеченіемъ къ завѣдыванію вотчинами и употребленію ихъ доходовъ другихъ членовъ Церкви мірянъ. Въ качествѣ не чиновниковъ, а именно живыхъ членовъ Церкви, міряне не встрѣтили бы для этого препятствія въ своемъ призваніи, а и по своему положенію скорѣе годились бы для такой цѣли. Между тѣмъ для указанія правительству на мірянъ духовная власть могла бы воспользоваться примѣромъ изъ древней Руси митрополита Кипріана. Преподобный Аѳанасій первый настоятель Высоцкаго монастыря близъ г. Серпухова, спрашивалъ Кипріана, что дѣлать съ селомъ, которое князь далъ въ его монастырь. Въ своемъ отвѣтѣ митрополитъ Кипріанъ хорошо разъясняетъ несоотвѣтствіе между условіями монашеской жизни и владѣніи имѣніями и совѣтуетъ устроить такъ, чтобы село было

за монастыремъ, но чернецу никогда въ немъ не бывать, и для этого отдать село въ завѣдываніе какого-либо богобоязненнаго мірянина, который и будетъ заботиться о всѣхъ дѣлахъ и привозить въ монастырь все готовое житомъ и другими вещами“ [1]).

Синоду, повидимому, уже давно слѣдовало бы прямо заявить государственной власти, что дѣйствительно завѣдываніе церковными имѣніями можетъ отвлекать духовенство отъ его пастырскихъ обязанностей, что распоряженіе имъ доходами бывало неправильно въ ущербъ удовлетворенія многихъ общецерковныхъ потребностей, но что обстоятельства эти вполнѣ устранимы и еще не даютъ основанія къ распоряженію ихъ доходами посредствомъ чиновниковъ и отобранію въ казну самыхъ имѣній, такъ какъ управленіе имѣніями можетъ быть поручено другимъ членамъ Церкви мірянамъ. Призванные къ этому въ качествѣ представителей церковнаго общества, обязанные отчетомъ и передъ нимъ, міряне подъ наблюденіемъ церковной власти могли бы повести управленіе имѣніями съ большимъ удобствомъ и успѣхомъ. Но подобнаго вопроса даже и не поднималось ни правительствомъ, ни Синодомъ. Возникновенію его, повидимому, препятствовалъ именно укоренившійся у насъ взглядъ на Церковь какъ учрежденіе съ забвеніемъ объ ея церковно-общественной природѣ, а при такихъ условіяхъ самымъ ходомъ вещей дѣло клонилось къ секуляризаціи церковныхъ имѣній.

Намѣченная въ Инструкціи Коллегія Экономіи вскорѣ была образована въ дѣйствительности въ составѣ изъ однихъ свѣтскихъ лицъ для управленія тѣми церковными доходами, которые сверхъ расходовъ, опредѣленныхъ „на содержаніе духовнаго чина по благопристойности“ могли бы идти на другія богоугодныя дѣла [2]). Въ Инструкціи данной новому учрежденію Коллегія Экономіи духовныхъ имѣній была введена въ число другихъ государственныхъ коллегій. Она должна была получать указъ отъ Ея Им. Вел. и Сената, а въ случаяхъ касающихся духовныхъ дѣлъ и указы Синода.

---

[1]) Исторія Русской Церкви Митрополита Макарія т. V стр. 75 и Акты Историческіе т. I № 253.

[2]) Именной указъ 12 мая 1763 года. 1-е Полн. Собр. Зак. т. XVI, № 11814.

Коллегіи было ввѣрено управленіе всѣми духовными имѣніями за исключеніемъ предназначенныхъ на содержаніе архіерейскихъ домовъ и монастырей. Относительно поступающихъ въ Коллегію денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ съ имѣній она обязывалась представлять ежегодно генеральную вѣдомость самой государынѣ, присылать объ этомъ рапорты въ Сенатъ и доставлять въ Синодъ свѣдѣнія, на какой предметъ и сколько она издержала на удовлетвореніе церковныхъ потребностей возложенное на попеченіе духовныхъ властей [1]).

Въ 1763 году Коммиссія о церковныхъ имѣніяхъ поднесла государынѣ докладъ, въ которомъ она высказала свои предположенія по вопросу объ этихъ имѣніяхъ согласно указаніямъ данной Коммиссіи Инструкціи. Предположенія Коммиссіи получили Высочайшее одобреніе. По вопросу этого— Императрица въ указѣ Сенату 26 февраля 1764 года повелѣла ему опубликовать во всеобщее свѣдѣніе особый манифестъ. Изложенный въ немъ законъ и составляетъ заключительный моментъ процесса секуляризаціи церковныхъ имѣній въ Россіи. Въ своемъ манифестѣ Императрица сама ставитъ этотъ законъ въ непосредственную связь съ распоряженіями прежнихъ государей, начиная съ Алексѣя Михайловича, а особенно съ узаконеніями Петра Великаго, и заявляетъ, что она приводитъ труды ея предковъ къ концу. Въ манифестѣ обращалось затѣмъ вниманіе, что управленіе церковными вотчинами, въ которыхъ по послѣдней ревизіи оказалось 910866 душъ крестьянъ, духовными властями было тягостнымъ для самихъ архіерейскихъ домовъ и монастырей, а иногда вслѣдствіе расхищенія служками или незнанія деревенскаго хозяйства разорительнымъ и для крестьянъ. Кромѣ того доходы епархій, монастырей, соборовъ и бѣлаго духовенства были очень неодинаковы, у многихъ они были очень малы, а иные не имѣли и никакихъ. Поэтому Коллегіи Экономіи предписывалось „принять всѣ эти вотчины со всѣми казенными въ нихъ наличностями подъ свое вѣдѣніе и управленіе. Съ крестьянъ же этихъ вотчинъ вмѣсто всѣхъ архіерейскихъ и монастырскихъ пашенныхъ и сѣнокосныхъ работъ и всякаго рода хлѣбныхъ и другихъ окладовъ назна-

[1]) Инструкція Высочайше утвержденной Коллегіи Экономіи духовныхъ имѣній 6 іюня 1763 года т. XVI. 11844.

чался одинъ сборъ по 1 р. 50 к. съ души съ 1 января 1764 года. Всѣ архіерейскіе дома и монастыри были раздѣлены на 3 класса. На содержаніе ихъ, какъ и соборовъ и церквей, Коллегія Экономіи по установленнымъ штатамъ должна была отпускать извѣстныя суммы „безъ всякихъ бывшихъ до сего времени хлопотъ и трудностей, налагающихъ имъ бремя управленіемъ деревень". Для нуждъ архіерейскихъ домовъ и монастырей имъ назначалось извѣстное количество рыбныхъ ловлей и земли для покосовъ и пастьбы скота. Отмѣчая неустройство въ положеніи бѣлаго духовенства, государыня объявляла, что ея главное попеченіе составляетъ завести во всѣхъ епархіяхъ училища, въ которыхъ подготовлялись бы будущіе священники способные не только просвѣщать народъ своими поученіями, но и подавать ему примѣръ „въ вѣрѣ спасительной, отъ которой истекаетъ все благонравіе и доброе сограждaнство". Манифестъ не разрѣшалъ окончательно важный вопросъ о духовно-учебныхъ школахъ, но пока отмѣнялъ собиравшіяся на семинаріи $^1/_{30}$ часть хлѣба съ церквей и $^1/_{20}$ съ монастырей „къ немалому оскудѣнію священства до сего бывшія", а вмѣсто этого Коллегіи Экономіи предписывалось отпускать на училища ежегодно достаточную сумму, которая должна была опредѣлить съ обнародованіемъ учрежденія о семинаріяхъ. Вмѣстѣ съ этимъ Манифестъ отмѣнялъ и установленный патріархами сборъ съ церквей, такъ называемыхъ, данныхъ денегъ, который былъ найденъ для церквей разорительнымъ и священству отяготительнымъ. На содержаніе церквей, ихъ благолѣпіе и на довольствіе служащихъ Алтарю назначалась по штатамъ извѣстная сумма. Императрица обѣщала впослѣдствіи еще болѣе позаботиться о благосостояніи бѣлаго духовенства. Изъ доходовъ Коллегіи Экономіи былъ составленъ штатъ для св. Синода и его Московской Конторы. Наконецъ, считая по примѣру своихъ предковъ необходимымъ употреблять часть доходовъ отъ церковныхъ имѣній на больныхъ, престарѣлыхъ, дряхлыхъ и раненыхъ, Императрица опредѣляла отъ Коллегіи Экономіи „знатную годовую сумму на пенсіи вѣрно и долговременно служившимъ и безъ пропитанія оставшимся офицерамъ, на инвалидовъ, на госпитали, богадѣльни и на многія по смерть временныя дачи, также вдовамъ и сиротамъ". Кромѣ суммы исчисленной Ком-

миссіей о духовныхъ имѣніяхъ Императрица по собственному желанію прибавила еще 40000 руб. въ видѣ ежегоднаго пособія епархіямъ, монастырямъ, соборамъ, церквамъ ружнымъ и инвалидамъ. Въ заключеніе Манифеста Екатерина II снова повторяла, что она совершила то, надъ чемъ предки ея долгое время трудились [1]).

Послѣ столь кореннаго измѣненія въ положеніи церковныхъ имѣній существованіе Коллегіи Экономіи, какъ особаго учрежденія для завѣдыванія бывшими церковными вотчинами, съ теченіемъ времени стало излишнимъ въ виду существованія другихъ учрежденій, которыя могли вѣдать казенными имѣніями. И дѣйствительно, 2 іюня 1786 года Коллегія Экономіи была упразднена [2]). Управленіе же находившимися въ ея вѣдѣніи имѣніями перешло по губерніямъ къ Казеннымъ Палатамъ и Директорамъ Домоводства [3]). Указами Сенату и Синоду 10 апрѣля 1786 года реформа 1764 года была распространена и на Малороссію. Церковныя имѣнія въ намѣстничествахъ Кіевскомъ, Черниговскомъ и Новгородъ-Сѣверскомъ было предписано передать въ управленіе Директоровъ Домоводства на общихъ основаніяхъ. На содержаніе же архіереевъ съ ихъ домами, училищъ, соборовъ и монастырей должны были идти изъ Казенныхъ Палатъ извѣстныя суммы [4]). 25 апрѣля 1788 года реформа о церковныхъ имѣніяхъ была распространена на губерніи Харьковковскую, Екатеринославскую, Курскую и Воронежскую [5]).

Теперь церковныя имѣнія, какъ видимъ уже окончательно слились со всей массой имѣній казенныхъ. Такъ закончился длинный процессъ секуляризаціи церковныхъ имѣній въ Россіи. Онъ продолжалъ направлять русское законодательство еще и во времена Николая I, который въ 1841 году, руководствуясь соображеніями и примѣромъ Екатерины II, при введеніи общихъ во всей имперіи законовъ передалъ

---

[1]) Именной указъ Сенату 26 февраля 1764 г. съ приложеніемъ Манифеста и Доклада отъ учрежденной о церковныхъ имѣніяхъ Коммиссіи. т. XVI, № 12060.

[2]) Указъ Сенату, т. XXII, № 16399.

[3]) Указъ 19 марта 1786 г. данный Смоленскому и Псковскому генералъ-губернатору. № 16358.

[4]) т. XXII, № 16374 и 16375.

[5]) Указы Синоду и Сенату 25 декабря 1788 г. т. XXII. №№ 16649 и 16650.

церковныя недвижимыя населенныя имѣнія въ западныхъ губерніяхъ въ вѣдѣніе и управленіе Министерства Государственныхъ Имуществъ, а для содержанія епархій, каѳедральныхъ соборовъ и монастырей повелѣлъ составить штаты [1]). Въ 1843 году реформа эта была распространена и на недвижимыя населенныя имѣнія приходскихъ церквей западнаго края [2]).

Какъ смотрѣть на происшедшую въ Россіи секуляризацію церковныхъ имѣній? Недвижимыя имѣнія, принадлежащія Церкви, при правильномъ пользованіи и управленіи, конечно, представляли лучшее обезпеченіе для Церкви въ средствахъ необходимыхъ для достиженія ею своихъ разнообразныхъ религіозно-нравственныхъ цѣлей. Недвижимая собственность по существу есть болѣе прочная и менѣе зависящая отъ многочисленныхъ внѣшнихъ условій жизни. Она является хорошимъ источникомъ полученія разныхъ матеріальныхъ средствъ на будущее время, на служеніе послѣдующимъ поколѣніямъ. Обладаніе ею дѣлаетъ Церковь независимой въ ея матеріальныхъ средствахъ отъ настроенія людей и правительства даннаго времени. Замѣна этого назначеніемъ суммъ изъ государственной казны обращаетъ матеріальное положеніе Церкви въ менѣе устойчивое и закрѣпляетъ отношеніе къ ней какъ вѣдомству среди другихъ государственныхъ учрежденій. Поэтому какими бы причинами ни объяснялась происшедшая секуляризація церковныхъ имѣній, она должна быть признана невыгодной для матеріальнаго положенія Церкви вообще. Нѣкоторые изслѣдователи церковно имущественной реформы Екатерины II, какъ, наприм., въ послѣднее время А. А. Завьяловъ, склонны признать, что реформа эта согласна съ интересами Церкви. По утвержденію г. Завьялова, отобраніе церковныхъ имѣній въ казну сняло съ ихъ вотчинниковъ обременительныя обязанности, освободило ихъ отъ непроизводительныхъ трудовъ, обращая ихъ къ прямому назначенію, и сопровождалось принятіемъ на попеченіе государства тѣхъ церковныхъ учрежденій, какія вотчинами не владѣли. Кромѣ того г. Завьяловъ считаетъ

---

[1]) Именные указы Синоду и Сенату 25 Декабря 1741 г. 2-ое Пол. Сбор. Законовъ, т. XVI, №№ 15152 и 15153.

[2]) Именной указъ Синоду 10 мая 1843 г. т. XVIII, № 16828.

полезнымъ, что церковныя учрежденія были поставлены рядомъ со всѣми остальными учрежденіями въ государствѣ, и находитъ, что реформа Екатерины II „въ значительной мѣрѣ способствовала уясненію нормальныхъ отношеній между государствомъ и церковью [1]). Но подобные выводы едва-ли справедливы. Вѣдь Церковь есть нѣчто коллективное и общественное. Она отнюдь не распадается на рядъ существующихъ въ ней учрежденій съ своими собственными интересами, независимыми отъ общецерковныхъ, и не можетъ быть понимаема съ точки зрѣнія интересовъ одного духовенства и церковныхъ властей. По вопросамъ касающимся Церкви нужно обращать вниманіе на природу ея во всей широтѣ и на положеніе ея не въ одинъ данный моментъ. Безъ сомнѣнія, неправильное отношеніе къ церковнымъ имѣніямъ со стороны ихъ распорядителей было и владѣніе ими могло вредно отражаться на духовенствѣ. Но вѣдь отсюда еще вовсе не слѣдовало, чтобы его нельзя было исправить съ сохраненіемъ имѣній за Церковью. Для этого стоило только шире посмотрѣть на дѣло, вспомнить о церковно-общественномъ началѣ лежащемъ въ природѣ Церкви и построить управленіе имѣніями не на клерикальныхъ, а общецерковныхъ основаніяхъ. Если это не осуществилось въ то время, то могло совершиться впослѣдствіи, о возможности чего также нужно было подумать. По отношенію къ имуществамъ, предназначеннымъ служить такому коллективному цѣлому съ непрерывными и постоянными цѣлями, какъ Церковь, слѣдовало стать на точку зрѣнія болѣе широкую и болѣе соотвѣтствующую природѣ Церкви, выдѣляющей ее изъ другихъ человѣческихъ учрежденій и обществъ. Даже и въ обыденной жизни справедливо-ли было бы по отношенію къ назначенію имущества отобрать, напр., родовое или маіоратное имѣніе у владѣльца и черезъ это лишить имущества всѣхъ послѣдующихъ владѣльцевъ, потому что теперешній владѣлецъ пользуется имъ неправильно. Желаніе лучшаго употребленія церковнаго имущества не могло оправдывать самый фактъ ихъ секуляризаціи отнимавшій у Церкви болѣе твердое и независимое обезпеченіе. Сопровождавшая же

---

[1]) Вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ при императрицѣ Екатеринѣ II. Изслѣдованіе Алексѣя Завьялова. Заключеніе. Стр. 341—344. Спб. 1900 г.

секуляризацію передача содержанія церковныхъ учрежденій и духовенства на счетъ государства какъ разъ и говоритъ противъ реформы съ церковной точки зрѣнія. Черезъ это церковныя учрежденія еще болѣе смѣшивались съ государственными учрежденіями вообще, а духовенство съ чиновниками. Реформа Екатерины II увеличила матеріальную зависимость Церкви отъ государства и въ значительной степени способствовала именно закрѣпленію ненормальныхъ отношеній между государствомъ и церковью, которыя, какъ мы видимъ теперь, принесли плохіе плоды. Поэтому вполнѣ естественно, что реформа Екатерины II у многихъ преданныхъ Церкви людей и пастырей вызываетъ крайнее сожалѣніе особенно когда Церковь оказывается не имѣющей достаточно средствъ для удовлетворенія той или иной потребности и каждую копѣйку приходится ожидать или выпрашивать отъ государства. Послѣдствія этой реформы сдѣлаются еще чувствительнѣе, когда государство, какъ это обѣщаютъ намъ теперь устроить будто-бы по требованію цивилизаціи, станетъ совершенно равнодушнымъ, а можетъ быть и враждебнымъ, къ интересамъ Православной Церкви въ Россіи.

Но во всякомъ случаѣ изученіе процесса секуляризаціи церковныхъ имѣній по возможности на протяженіи всей его исторіи приводитъ къ заключенію, что русское правительство дѣйствовало здѣсь вовсе не по желанію лишить Церковь ея собственности, а преимущественно въ интересахъ лучшаго и болѣе широкаго пользованія ея имѣніями на цѣли богоугодныя, устраненія неправильнаго употребленія ихъ доходовъ и освобожденіе духовенства отъ несвойственныхъ ему мірскихъ заботъ связанныхъ съ владѣніемъ имѣніями. Достигнуть всего этого правительство разсчитывало принятіемъ имѣній сначала въ казенное управленіе съ доставленіемъ изъ ихъ доходовъ средствъ на церковныя нужды, а затѣмъ и въ собственность государства съ отнесеніемъ нужныхъ для Церкви средствъ на счетъ государственной казны. Нѣкоторыя церковныя цѣли, какъ наприм., просвѣщеніе народа, подготовку пастырей, заботы о призрѣніи бѣдныхъ, русское правительство считало возможнымъ выполнять и своими распоряженіями. Во всемъ этомъ, какъ я уже указывалъ, такъ и чувствуется вліяніе недостаточно широкаго взгляда на природу Церкви.

Въ Церкви, понимаемой правительствомъ преимущественно какъ учрежденіе съ малымъ вниманіемъ къ началу общественному, духовенство, естественно, выступало почти какъ единственный ея активный элементъ. Интересы духовенства въ глазахъ правительства во многомъ сливались съ интересами Церкви вообще. Если для духовенства владѣніе церковными имѣніями оказывалось вреднымъ, то правительство вмѣсто упорядоченія этого внутри самой Церкви признало нужнымъ вовсе устранить Церковь отъ такого владѣнія, даже и не задаваясь вопросомъ о возможности участія въ этомъ другихъ членовъ Церкви. Кромѣ того считая себя, приставленнымъ къ Церкви, какъ учрежденію, русское правительство нашло возможнымъ замѣнить собой дѣятельность Церкви въ достиженіи нѣкоторыхъ церковныхъ цѣлей. Основанныя на этой почвѣ соображенія или скорѣе недоразумѣнія, во время не разъясненныя и не разсѣянныя, повидимому и порѣшили вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ въ томъ видѣ, какъ это произошло.

Со стороны же Св. Синода, какъ я уже говорилъ выше, противодѣйствій ожидать было нельзя. Вообще высшіе іерархи, хотя и призванные быть первыми блюстителями интересовъ Церкви, все время держались самой пассивной роли и не рѣшались обнаруживать вполнѣ открыто свое недовольство. Исключеніе составлялъ одинъ митрополитъ Ростовскій и Ярославскій Арсеній Моцѣевичъ, въ лицѣ котораго, повидимому, и сосредоточилось все то, что могло сдѣлать и сказать русское духовенство того времени противъ реформы Екатерины II. Конечно, самый фактъ настойчиваго протеста со стороны Арсенія Моцѣевича, когда другіе іерархи, будучи недовольны распоряженіями правительства и считая ихъ неправильными, молчали, свидѣтельствуетъ о силѣ духа и твердости характера Ростовскаго митрополита. Но самыя возраженія Арсенія Моцѣевича едва-ли можно признать удачными. Они совершенно игнорировали ясные для большинства недостатки въ существовавшемъ положеніи церковныхъ имѣній, опирались на формальныя основанія, свидѣтельствовали о недовольствѣ архіерея правительствомъ и вообще не были достаточно цѣлесообразны.

Въ своемъ первомъ доношеніи Св. Синоду по поводу ре-

формы церковныхъ имѣній [1]) Арсеній Моцѣевичъ прежде всего возставалъ противъ введенія по указу 1762 года приходо-расходныхъ шнуровыхъ книгъ, присланныхъ ему изъ Св. Синода. Въ этомъ онъ усматривалъ уничиженіе архіерейскому сану и недовѣріе къ епископамъ въ ихъ стараніяхъ о пользѣ Церкви. Для архіереевъ довольно и своихъ домашнихъ книгъ. Присланныя же отъ Синода книги къ архіереямъ и монастырскимъ настоятелямъ, аки бы къ прикащикамъ по разъясненію митрополита Арсенія „тяжесть не токмо архіереямъ, начальнымъ пастырямъ, но и всему духовному чину несносная, и никогда не слыханная, еще же и со словомъ Божіимъ и закономъ не очень сходная". Далѣе преосвященный Арсеній старается доказать, что церковныя имѣнія, какъ данныя Богу и освященныя, на единую волю и разсмотрѣніе архіереевъ оставлены. Ссылаясь на разныя мѣста Св. Писанія и церковныя правила, онъ не допускаетъ возможности недовѣрія къ архіереямъ и требованія отъ нихъ отчета въ употребленіи доходовъ съ имѣній. Въ Россіи, замѣчаетъ онъ, со времени св. князя Владиміра и даже въ эпоху татарскаго господства имѣнія церковныя были свободно во власти архіерейской. Только съ передачей этихъ имѣній въ 1701 году монастырскому приказу съ Мусинъ-Пушкинымъ во главѣ Арсеній Моцѣевичъ усматривалъ неправильное измѣненіе прежняго положенія церковныхъ вотчинъ.

Нѣкоторыя распоряженія Мусинъ Пушкина онъ называетъ превосходящими даже поганскій обычай. Установленный порядокъ доставленія архіереями отчета въ употребленіи церковнаго имущества даже и въ томъ небольшомъ количествѣ, которымъ они располагаютъ, заставляетъ его сравнивать бѣдныхъ архіереевъ съ узниками и призрѣваемыми въ богадѣльняхъ и положеніе послѣднихъ признать лучшимъ, потому что они не обязаны никому отчетностью въ томъ, что имъ дано. „Горе убо намъ бѣднымъ архіереямъ, восклицаетъ авторъ доношенія Св. Синоду, яко не отъ поганъ, но отъ своихъ мнящихся быти овецъ правовѣрныхъ, толикое мучи-

---

[1]) Доношеніе это напечатано въ Приложеніи I къ книгѣ священника М. С. Попова: „Арсеній Моцѣевичъ, Митрополитъ Ростовскій и Ярославскій". Спб. 1905 г.

тельство претерпѣваемъ, отъ тѣхъ, которымъ надлежитъ вѣровати, яко мы аще и недостойные, аще и узники“ однако къ намъ относятся слова Христовы: что вы свяжете на земли, то будетъ связано и на небѣ и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ. (Мтѳ. XVIII, 18)... Слушающій васъ Меня слушаетъ и отвергающійся васъ Меня отвергается (Лук. X, 16)... а также и слова Апостола: Повинуйтесь наставникамъ вашимъ и будьте покорны ибо они неусыпно пекутся о душахъ вашихъ (Евр. XIII, 17)... По поводу же обязанія архіереевъ заводить высшія школы митрополитъ Арсеній высказывалъ слѣдующія соображенія: По какой причинѣ возлагать на архіереевъ, чтобы они „всякія науки содержали и снабдѣвали, сирѣчь, философскія, богословскія, математическія и астрономическія“? Вѣдь имъ, какъ преемникамъ апостоловъ сказано только: Идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, Сына и Св. Духа, уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ. (Мтѳ. XXVIII, 19—20). О необходимости же заводить академіи нѣтъ указаній, да на это нѣтъ и средствъ, когда отъ архіереевъ и монастырей отнимаютъ послѣднее пропитаніе и содержаніе. Приходскіе священники по большей части все равно живутъ въ крайней бѣдности, несутъ подати не меньше мужиковъ и обрабатываютъ землю для своего пропитанія, и, если онъ будетъ богословъ или астрономъ, то болѣе ничего не получитъ. Школы и академіи нужны, но надлежащимъ порядкомъ, какъ издревле бывало въ Греціи, а теперь на Западѣ, по мѣстамъ знатнымъ въ царствующихъ городахъ, на содержаніи государственномъ, въ каковыхъ академіяхъ учились и св. Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ: Всѣ мы знаемъ, что ученіе свѣтъ, а неученіе тьма. Однако и свѣтъ, „отъ начало созданія сѣмо и овамо шатающійся“ Богъ восхотѣлъ безъ такого шатанія сосредоточить въ солнцѣ единомъ, а не во многихъ. Подобно этому и академіямъ богословскимъ и философскимъ и прочихъ наукъ не надлежитъ быть по грязямъ и болотамъ, но по знатнымъ городамъ царствующимъ. Да и Духовный Регламентъ, „ежели его внятно, въ тонкости прочесть, повелѣваетъ академіи и семинаріи быть при Синодѣ на государственномъ коштѣ“ (содержаніи) и учившихся въ нихъ присылать къ архіереямъ для посвященія въ ту степень, къ какой будутъ способны.

При архіереяхъ нужны школы для дѣтей духовенства къ произведенію въ священство, чтобы могли исправно читать и разумѣть, что читаютъ, и притомъ школы только русскія, потому что у насъ въ церквахъ служба совершается не полатыни или на другихъ какихъ языкахъ, а только по-русски. Но подобныя школы, аще и съ крайнею скудостью, у насъ не оставляются и приходящіе во священство довольно обучаются. По вопросу же объ умноженіи проповѣдниковъ слова Божія слѣдуетъ положить въ основаніе слова Христовы: Жатвы много, а дѣлателей—мало, итакъ молите Господина жатвы, чтобы выслалъ дѣлателей на жатву Свою (Мтѳ. IX, 37—38). Арсеній Моцѣевичъ находитъ возможнымъ приводить здѣсь даже слова св. ап. Іакова: не многіе дѣлайтесь учителями зная, что мы подвержемся большему осужденію. Отъ самыхъ древнихъ временъ, поясняетъ Арсеній Моцѣевичъ, видно, что учить и проповѣдывать слово Божіе составляетъ особый даръ. Послѣ апостоловъ много было архіереевъ, однако Златоустовъ мало. Далѣе Ростовскій митрополитъ отрицаетъ возможность отнимать отъ Церкви то, что другіе дали по вѣрѣ и доброхотству своему ко Христу. Совершать же это подъ предлогомъ установленія штатовъ и отсѣченія излишествъ—это значило, по его мнѣнію, не болѣе не менѣе какъ дѣйствовать по образцу Іуды, который упрекнулъ жену помазавшую ноги Спасителя драгоцѣннымъ мvромъ и напомнилъ о нищихъ. Къ Іудѣ преосвященный прямо прилагаетъ названіе штатника, а какова похвала сему штатнику, замѣчаетъ онъ, всякій можетъ знать и читать въ Евангеліи. Какъ можно штатъ дѣлать, пишетъ пр. Арсеній, и излишество каково усматривать въ томъ пунктѣ прошенія молитвы Господней: Да святится имя Твое! Какъ жена помазала Христа мvромъ, доброхотствуя ко Христу, дабы имя Его святилось, такъ церкви Божіи, монастыри и архіерейскіе дома не съ инымъ намѣреніемъ отъ боголюбцовъ и благочестивыхъ монарховъ устроены, чтобы въ нихъ было всегдашнее словословіе Божіе... Дѣлать штатъ и усматривать излишество въ этомъ отношеніи, а излишество въ свою пользу употреблять, авторъ доношенія Св. Синоду, называетъ бѣсовской прелестью. Онъ недоумѣваетъ, какъ мы будемъ произносить предъ Богомъ прошеніе молитвы Господней и „каковы мы будемъ жители, дабы имя Божіе свяги-

лось въ насъ и въ государствѣ нашемъ, когда не отъ насъ но отъ другихъ данное на посвященіе и прославленіе имени Божія будемъ штатовать яко излишнее. Обращаясь къ вопросу о благотворительности возлагаемой на церковныя средства, Арсеній Моцѣевичъ замѣчаетъ, что призрѣніе инвалидовъ, кажется, по самой истинѣ и правосудію слѣдовало бы возложить не только на насъ духовныхъ, но и на свѣтскихъ. Инвалиды служили за общество, а не за одни монастыри. А то инвалидовъ столь много уже поприсылали въ монастыри, а еще на монашескія порціи, что монахамъ и монастырямъ уже нечѣмъ содержаться.

Въ заключеніе своего доношенія пр. Арсеній высказываетъ любопытный взглядъ на неравенство монастырей и образа жизни монаховъ, считая все это въ порядкѣ вещей и даже соотвѣтствующимъ небесному устройству. Монашество, поясняетъ онъ, „есть добровольное, а непринужденія: иной по своей волѣ избираетъ себѣ монашество, жесточайшаго ради житія въ пустынныхъ монастыряхъ, отъ міра совсѣмъ удаленныхъ и скудныхъ, а иной избираетъ жить въ монастыряхъ знатнѣйшихъ и удовольнѣйшихъ и по силѣ своей какъ можетъ, такъ подвизается и Богу работаетъ. Къ сему же, яко же церковь торжествующая на небеси, имѣетъ свои чиноположенія, наприм., ангеловъ, архангеловъ, и обители святыхъ мнози, различествующе во славѣ небесной: „звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ“, такъ и Церковь воюющая на земли, а наипаче монастыри иные быть имѣютъ архимандріи, иные игуменства, а иные строительства; что если все верстать подъ видомъ, дабы было къ лучшему, то будетъ къ лучшему и крайнему разоренію, какъ бы верстать и переводить всѣ города и села на равныя мѣста или такожъ и чины гражданскіе, воеводства губерніи и прочее“.

Вотъ какія соображенія выставила тогдашняя іерархія по поводу реформы церковныхъ недвижимыхъ имѣній. Уже по самому ихъ содержанію они не могли разсчитывать на успѣхъ. Могло-ли, наприм., оказать ожидаемое дѣйствіе стремленіе доказать необходимость безконтрольнаго распоряженія церковнымъ имуществомъ со стороны епископовъ, когда факты свидѣтельствовали о возможности неправильнаго его употребленія и когда стоило вспомнить наприм., сообщеніе еще св. Кипріана Карфагенскаго, что церковное достояніе слу-

жило нѣкоторымъ епископамъ къ удовлетворенію ихъ роскоши [1]). Требованіе безусловнаго довѣрія въ этомъ отношеніи къ епископамъ и примѣненіе къ вопросу объ управленіи церковнымъ имуществомъ словъ Спасителя: слушающій васъ Меня слушаетъ... или что свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ... едва-ли не вызывало у многихъ русскихъ людей прямо недоумѣніе и сопоставленіе такого стремленія съ ясными соображеніями и примѣромъ св. ап. Павла. (2 Коринф. VIII, 17—21). При обиліи приношеній, ввѣряемыхъ его служенію, апостолъ не только не пренебрегалъ заботой оградить себя и своихъ сотрудниковъ отъ возможныхъ нареканій въ дѣлѣ потребленія этихъ приношеній, но и считалъ это прямо нужнымъ, потому что „мы стараемся, говорилъ онъ, о добромъ не только передъ Богомъ, но и передъ людьми“. При распредѣленіи поступавшихъ приношеній св. апостолъ устраивалъ такъ, чтобы дѣйствія его и его сотрудниковъ всегда были на виду. Пожертвованія, напримѣръ, онъ отправлялъ черезъ другихъ лицъ, посылалъ ихъ по двое или по трое и т. п. По поводу 2 Корин. VIII, 20 — 21. св. Іоаннъ Златоустъ хорошо замѣчаетъ: „кто можетъ сравниться въ мудрости съ Павломъ? Апостолъ не сказалъ, да будетъ несчастенъ и да погибнетъ тотъ, кто станетъ подозрѣвать его въ чемъ-либо подобномъ; пока не обличаетъ меня совѣсть—мнѣ нѣтъ дѣла до подозрѣвающихъ. Напротивъ чѣмъ они были слабѣе, тѣмъ болѣе онъ снисходилъ къ нимъ. Не негодовать на больного, но помогать ему должно. Между тѣмъ отъ какого грѣха мы далеки столько, сколько апостолъ далекъ отъ таковыхъ подозрѣній? Еслибы кто былъ подобенъ даже и демону, то и тотъ не могъ-бы подозрѣвать блаженнаго апостола въ его служеніи. Но сколько ни далекъ онъ былъ отъ того, чтобы могли думать о немъ худо, однако же онъ все дѣлаетъ и устраяетъ такъ, чтобы не оставить даже и малѣйшей тѣни для желающихъ хотя сколько-нибудь подозрѣвать его въ худомъ. Апостолъ избѣгаетъ не только обвиненія, но и худого мнѣнія, малѣйшей укоризны и пустаго подозрѣнія“ [2]).

Не болѣе впечатлѣнія могли произвести возраженія про-

---

[1]) Творенія св. Кипріана Карѳагенскаго. Письма Epistola VIII.

[2]) Бесѣды св. Іоанна Златоуста на 2 посланіе къ Коринѳянамъ.

тивъ заведенія высшихъ богословскихъ училищъ по епархіямъ на церковныя средства, выставленіе отсутствія указаній на такія школы въ св. Писаніи и доказываніе необходимости учреждать ихъ только въ столицахъ и притомъ на казенныя деньги. Подготовленіе не только пастырей, но и людей богословски образованныхъ, конечно, составляетъ одну изъ задачъ Церкви и переносить это на средства государства значило дѣйствовать именно въ направленіи реформы о церковныхъ имѣніяхъ и давать государству основаніе къ его желанію самому заниматься выполненіемъ нѣкоторыхъ церковныхъ цѣлей. Могло-ли затѣмъ оказать вліяніе на сторонниковъ земельной реформы сравниваніе ихъ стремленій установить штаты и не допускать возможности пользоваться излишкомъ доходовъ съ настроеніемъ Іуды или нарушеніемъ прошенія молитвы Господней: „Да святится имя Твое!“ Наконецъ справедливое указаніе, что общественное призрѣніе такихъ лицъ, какъ инвалиды должно лежать на государствѣ, а не на монастыряхъ, которые, конечно, не могутъ быть разсматриваемы какъ обыкновенныя учрежденія для призрѣнія нуждающихся внѣшней помощи, однако значительно ослабляется послѣдующимъ требованіемъ раздѣленія монастырей на категоріи по разнымъ внѣшнимъ преимуществамъ и между прочимъ на богатые и бѣдные. Установленіе подобнаго раздѣленія едва-ли соотвѣтствовало вполнѣ духу древняго восточнаго монашества, съ которымъ русскіе люди не желали разрыва по крайней мѣрѣ въ идеалѣ и который едва-ли не благопріятствовалъ желаніямъ правительства по возможности уравнивать матеріальное положеніе монастырей.

Такимъ образомъ стремленія духовенства возражать противъ реформы не попадали въ цѣль и не вызывали выработки какихъ-либо подходящихъ проектовъ, которые, оставляя имѣнія въ области Церкви, предлагали бы новое устройство ихъ управленія, способное устранить явные для всѣхъ недостатки. Этимъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ во многомъ объяснять проведеніе реформы со стороны правительства въ томъ видѣ, какъ она была осуществлена.

Разсмотрѣнная нами исторія отобранія церковныхъ имѣній можетъ служить хорошей иллюстраціей къ тому, какъ вредно для интересовъ Церкви можетъ быть отсутствіе въ организаціи ея устройства и управленія начала соборности, т. е.

предоставленія возможности всѣмъ членамъ Церкви по мѣрѣ каждаго изъ нихъ принимать живое участіе въ дѣлахъ церковныхъ.

Въ составъ коммиссіи о духовныхъ имѣніяхъ, какъ мы видѣли, входили и высшіе іерархи. Въ инструкціи этой коммиссіи Императрица высказала лишь свои предварительныя соображенія по вопросу о церковныхъ имѣніяхъ и открыто объявила о правѣ членовъ коммиссіи измѣнять ея предположенія и выработать лучшія. Но участіе въ коммиссіи высшихъ іерарховъ не обезпечило интересовъ Церкви и скорѣе дало правительству лишнее основаніе къ проведенію реформы. Очевидно, въ дѣлахъ Церкви болѣе, чѣмъ гдѣ либо, нужно предоставлять дѣйствовать коллективному уму. Каждый отдѣльный человѣкъ, не исключая и епископовъ, все же смотритъ на вещи подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія. Изъ возраженія противъ реформы наприм. со стороны Ростовскаго митрополита Арсенія Моцѣевича мы замѣчаемъ, что высшіе іерархи склонны были разсматривать реформу особенно по отношенію къ власти и положенію епископовъ. Люди рѣзко различаются своими способностями и настроеніемъ духа. Одни, наприм. обладаютъ творческой мыслью, способной схватывать едва замѣтную для остальныхъ связь между явленіями и выражать ее въ новыхъ положеніяхъ и законахъ. Другіе со слабой творческой мыслью бываютъ вооружены большими знаніями и могутъ помогать развитію и обоснованію результатовъ мышленія первыхъ. Третьи благодаря близкому участію въ процессѣ церковной жизни лучше многихъ могутъ понимать церковныя потребности. Четвертые способны смотрѣть на вопросы болѣе объективно, тогда какъ иные почти не могутъ отрѣшаться отъ своихъ личныхъ впечатлѣній и чувствъ всегда болѣе или менѣе односторонніхъ. Наконецъ не мало есть людей, изъ которыхъ одни склонны въ излишней мѣрѣ поддаваться господствующимъ вѣяніямъ и не въ состояніи когда нужно противодѣйствовать натиску момента, между тѣмъ какъ другіе болѣе тверды духомъ и умѣютъ— разбираться и дѣйствовать въ высшихъ цѣляхъ среди всякихъ обстоятельствъ. Очевидно, что только при объединеніи всѣхъ такихъ лицъ въ общей работѣ и заботахъ о благѣ Церкви, какъ это и требуется соборнымъ началомъ, возможно всего лучше обсуждать и разрѣшать дѣла церковныя. Насколько

трудно, да и неполезно въ интересахъ Церкви, было бы, наприм., однимъ епископамъ разрабатывать и разрѣшать на ожидаемомъ соборѣ вопросы церковныхъ преобразованій, хорошо показываетъ внимательное изученіе отзывовъ епархіальныхъ преосвященныхъ по вопросамъ церковной реформы въ связи съ журналами и протоколами Предсоборнаго Присутствія, въ которомъ дѣятельное участіе принимали міряне и бѣлое духовенство. Еслибы вопросъ о церковно имущественной реформѣ при Екатеринѣ II разсматривался не бюрократическимъ путемъ и не въ одной коммиссіи о духовныхъ имѣніяхъ, хотя и съ высшими іерархами, а на соборѣ въ его полномъ составѣ изъ епископовъ, клира и мірянъ, то онъ навѣрное получилъ бы болѣе широкое освѣщеніе, а Православная Церковь въ Россіи можетъ быть до сихъ поръ владѣла бы отобранными имѣніями, получая въ нихъ хорошее вспомогательное средство для столь нужной теперь христіанской общественной дѣятельности.

## III.

Реформа Екатерины II не касалась вопроса о правѣ Церкви вообще владѣть въ Россіи недвижимою собственностью. Надѣленіе церквей землями со стороны государства. Законы о генеральномъ межеваніи земель въ отношеніи къ Церкви. Узаконенія о надѣленіи церковныхъ учрежденій недвижимой собственностью временъ Павла I, Александра I, Николая I и Александра II. Предоставленіе церковнымъ учрежденіямъ пріобрѣтать недвижимость другими способами. Отношеніе къ церковной недвижимости законовъ по дѣйствующему своду. Взглядъ государственной власти на церковную собственность. Вопросъ о распространеніи дѣйствія на нее земской давности. Два противоположныя рѣшенія Прав. Сената. Необходимость разъясненія этого вопроса въ законодательномъ порядкѣ. Значеніе „Высочайшаго соизволенія“ въ дѣлѣ пріобрѣтенія церковными учрежденіями недвижимой собственности.

Но какъ бы тамъ ни было, а государственная власть въ Россіи даже и временъ Екатерины II вовсе не стремилась отнять у Церкви право на владѣніе недвижимою собственностью вообще. Это вполнѣ ясно изъ нѣкоторыхъ узаконеній, какъ царствованія Екатерины II такъ и другихъ. Въ дополненіе къ сказанному выше о церковныхъ земельныхъ владѣніяхъ нужно отмѣтить, что они сосредоточивались преимущественно у монастырей и у высшей іерархіи. Вѣроятно, подъ вліяніемъ тогдашняго религіознаго и общественнаго значенія монастырей, изъ-за стѣнъ которыхъ для русскаго

человѣка свѣтился и высшій идеалъ жизни, правительство и частные лица обыкновенно назначали свои богатыя пожертвованія въ монастыри. Къ церквамъ же они не обнаруживали подобной щедрости. Приходскія церкви въ Россіи не были такъ обезпечены имуществомъ и скорѣе были даже бѣдны. Поэтому государственная власть въ своихъ узаконеніяхъ старалась обезпечить церквамъ земельныя владѣнія. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе распоряженіе 25 Августа 1680 года. Оно устанавливало отчасти примѣнявшееся и ранѣе обязательное надѣленіе церквей землями изъ владѣльческихъ дачъ. Къ построеннымъ въ селахъ послѣ писцовыхъ книгъ церквамъ, которымъ земель не дано, предписано изъ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ земель или противъ прежнихъ писцовыхъ изъ порожнихъ земель, которыя земли къ тѣмъ церквамъ близко подошли, писать и мѣрить и межевать по дачамъ тѣхъ селъ и деревень, къ которымъ построена церковь, „съ 600 четвертей и выше по 20 четвертей, съ 500 и ниже до 100 по 15 четвертей, а со 100 и ниже, по 10 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, а сѣнныхъ покосовъ на 10 четвертей—по копнѣ“ [1]). Въ Наказѣ же о межеваніи помѣстныхъ и вотчинныхъ земель 26 Августа 1681 года правительство еще яснѣе обнаружило твердость своего стремленія обезпечить церкви землями. Согласно п. 3. Наказа церковныя земли, написанныя имянно въ писцовыхъ книгахъ и отданныя помѣщикамъ и вотчинникамъ, слѣдовало у нихъ „отымать и писать въ церковныя земли по прежнему“ [2]). Правда, судя напр., по Духовному Регламенту 25 Января 1721 года [3]), и особенно по Прибавленію къ нему 1722 года [4]), предполагалось установить такой порядокъ, чтобы каждый прихожанинъ приносилъ ежегодно на содержаніе причта. Но затѣмъ русское правительство по прежнему признавало необходимость надѣленія приходскихъ церквей землями. Самая реформа Екатерины II не рѣшала этого вопроса, а предпринятое въ ея царствованіе генеральное межеваніе сопровождалось цѣлымъ рядомъ распоряженій, направлен-

[1]) 1-е Пол. Собр. Законовъ, т. II № 832 Статьи о межеваніи земель въ Московскомъ уѣздѣ.

[2]) Тамъ же; т. II № 890.

[3]) Часть III, п. 13. Пол. Соб. Пост. и Распор. по Вѣд. Прав. Ист. т. I № 1.

[4]) П. 22. Тамъ же, т. II № 596.

ныхъ къ укрѣпленію и приведенію въ лучшее положеніе надѣленія церквей землями. Въ Инструкціи Межевымъ Губернскимъ канцеляріямъ и провинціальнымъ конторамъ 1766 года вопросу о церковныхъ земляхъ посвящена цѣлая X глава. Ко всѣмъ церквамъ, которыя состоятъ въ дѣйствительномъ служеніи, Инструкція предписывала утверждать земли по писцовымъ книгамъ и по дачамъ (п. 1). Для церквей, которыя построены во владѣльческихъ селеніяхъ послѣ писцовыхъ книгъ, не имѣютъ земель, а причтъ ихъ не удовольствованъ ругою и состоитъ на пашнѣ, въ случаѣ просьбы, слѣдовало отводить со всего числа четвертей, какое окажется по межеванію при селеніяхъ, деревняхъ и пустошахъ одного прихода, въ такомъ количествѣ, чтобы съ 500 четвертей и болѣе было по 20, съ 499 и до 100 четвертей по 15 четвертей, со 100 и до 50 по 10 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому же, сѣнныхъ покосовъ на четверть по копнѣ, считая по 10 копенъ въ десятинѣ и сверхъ того по числу данныхъ, четвертей подъ дворы и огуменники, полагая на 100 четвертей по 15 десятинъ (п. 3). Къ ружнымъ же церквамъ, причтъ которыхъ состоялъ не на пашнѣ, а получалъ извѣстное содержаніе ругой, нужно было опредѣлять указанное въ п. 3 количество земли особо, хотя бы прихожане и причтъ согласны были держаться прежняго порядка. Отведенная такимъ церквамъ земля могла оставаться у владѣльцевъ, лишь пока существовало согласіе на ружное содержаніе. Въ противномъ случаѣ земля передавалась церкви, а ружное содержаніе уничтожалось. (п. 4). Въ основаніи X главы Инструкціи ясно лежало желаніе государственной власти обезпечить церкви землей. Въ п. 5 она обязывала отводить при межеваніи для церквей установленное количество земли, хотя бы владѣльцы стремились дать меньше и причтъ согласился бы на это. Записанныя ранѣе за духовенствомъ по писцовымъ книгамъ и по другимъ дачамъ усадебныя и выгонныя земли слѣдовало межевать всѣ, хотя бы ихъ оказалось болѣе установленнаго, а въ разбираніи со смежными владѣльцами поступать по генеральному положенію.

Если бы за церквами по писцовымъ книгамъ значилось пашенныхъ, усадебныхъ и покосныхъ земель менѣе установленнаго количества, тогда предписывалось пополнять ихъ

изъ дачъ владѣльческихъ. Кромѣ отвода земли Инструкція не запрещала причтамъ въѣздъ въ лѣса селеній и деревень прихода, въ которыхъ помѣщики производили рубку, и предоставляла пользоваться лѣсомъ на свои нужды, но не для продажи [1]).

Инструкція же землемѣрамъ къ генеральному всей имперіи земель размежеванію въ § 69 указывала для церквей, которымъ ранѣе земли не было дано, при желаніи владѣльцевъ дать таковую, отмежевывать по ихъ отводу къ одному мѣсту и по близости церквей не болѣе 33 десятинъ, изъ нихъ на пашню во всѣхъ трехъ поляхъ 30 десятинъ и на сѣнные покосы 3 десятины [2]). Если же гдѣ прежде были дачи, но земли окажется менѣе 33 десятинъ, а владѣльцы не пожелаютъ ее пополнить и причтъ согласится съ этимъ, то землемѣры обязывались съ подробнымъ разъясненіемъ всѣхъ обстоятельствъ представлять дѣло въ Межевую Канцелярію или Контору [3]).

Всѣ эти правила объ отводѣ земли церквамъ касались, какъ это видно изъ „Наставленія Правительствующаго Сената, по Межевой экспедиціи“, церквей сельскихъ.

Относительно же церквей, построенныхъ при городахъ и на выгонныхъ посадскихъ и всякихъ другихъ городскихъ земляхъ, по Наставленію Сената, слѣдовало подъ кладбища и подъ дворы этихъ церквей отмежевывать духовенству безденежно то, что ими было занято до 1765 года, на пашню же и выгоны ничего не отводить, потому что, пояснялъ Сенатъ, церкви эти „не яко уѣздныя, а градскія и церковнослужители должны довольствоваться отъ приходовъ“ [4]). Въ мѣстностяхъ, назначенныхъ для поселенія иностранцевъ, какъ это и естественно, въ интересахъ лучшаго обезпеченія причтовъ, было указано отводить для церквей по 60 десятинъ [5]). Устанавливая правила объ отмежеваніи земель къ церквамъ, правительство разсчитывало, что каждый владѣлецъ добровольно предоставитъ изъ своей дачи нужное ко-

---

1) 1-е Пол. Собр. Законовъ, т. XVII № 12659.
2) Тамъ же, т. XVII № 12570.
3) Т. XVII № 12711.
4) Іюль 1766 г. т. XVII № 12711.
5) Тамъ же, т. XVII № 12711.

личество земли. Однако это не вездѣ оправдывалось. Подъ предлогомъ неясности п. 3 Инструкціи Межевымъ Губернскимъ Канцеляріямъ, отъ всѣхъ-ли владѣльцевъ давать земли или отъ одного, нѣкоторые отказывались отъ добровольнаго отвода и тѣмъ препятствовали государственному межеванію. Поэтому въ дополненіе къ инструкціямъ Сенатъ указалъ, что для церквей слѣдовало брать земли отъ всѣхъ владѣльцевъ прихода, не исключая и земель казеннаго вѣдомства. Церковныя земли должны были отдѣляться отъ владѣльческихъ дачъ особыми межами. При нежеланіи владѣльцевъ уступить часть земли землемѣры обязаны были склонять ихъ къ этому, а при неудачѣ взять отъ нихъ подписку въ нежеланіи и представлять рапортъ въ межевую канцелярію или контору. При опредѣленіяхъ земель къ церквамъ учрежденія эти должны были согласовывать интересы владѣльцевъ и церквей. Отводъ опредѣленнаго количества земли для церквей, конечно, возможенъ былъ лишь тамъ гдѣ селенія и деревни прихода сами имѣли ихъ не менѣе извѣстнаго количества. Поэтому, если у нихъ самихъ оказывалось менѣе 50 четвертей, то въ такихъ мѣстахъ предписывалось не отводить земли согласно п. 3 главы X Инструкціи Межевымъ Канцеляріямъ, а оставлять ихъ на томъ содержаніи, на которомъ были до сихъ поръ [1]). Въ Инструкціи же землемѣрамъ по размежеванію Могилевской и Полоцкой губерній было предписано относительно монастырей, кляшторовъ и церквей, не имѣющихъ во владѣніи селъ, деревень, земель, сѣнныхъ покосовъ и лѣсныхъ угодій или имѣющихъ для церковно-служителей всей земли менѣе 36 десятинъ, къ монастырямъ и кляшторамъ не отмежевывать болѣе того, что за ними окажется, а для приходскихъ уѣздныхъ церквей на содержаніе причтовъ отводить на каждую по 33 десятины на пашню и 3 на сѣнные покосы изъ владѣльческихъ дачъ, состоящихъ на территоріи прихода и не болѣе какъ въ 3 мѣстахъ прежде всего по добровольнымъ отъ собственниковъ отводамъ, при отсутствіи же добровольнаго согласія по расчисленію, сколько отъ каждаго владѣнія причтется, и, если придется брать отъ мно-

---

1) Указъ сенатскій 2 іюля 1767 г. Правила объ отмежеваніи земель къ церквамъ. Тамъ же, т. XVIII № 12925.

гихъ разныхъ владѣній, то производить соотвѣтственныя перемежеванія [1]).

Кромѣ надѣленія землями церквей въ законѣ о генеральномъ межеваніи было повелѣно для каждаго архіерейскаго дома и монастыря оставить привольныя мѣста для огородовъ и садовъ, озера для рыбной ловли, земли для выгоновъ скота и загородные дворы. Ихъ слѣдовало отмежевывать, сколько и гдѣ оставлено коллегіею въ порядкѣ установленномъ для владѣльческихъ дачъ [2]).

Оканчивая рѣчь объ отношеніи государства при Екатеринѣ II къ недвижимой церковной собственности, нужно отмѣтить, что при надѣленіи ею Церкви для служенія церковнымъ цѣлямъ, къ числу которыхъ, конечно, принадлежитъ и необходимое содержаніе духовенства, русское правительство какъ-будто сознавало, что собственникомъ здѣсь является не обыкновенное лицо или даже казна, а владѣлецъ особаго рода, требующій неприкосновенной собственности, нужной ему для своихъ неизмѣнныхъ цѣлей. По крайней мѣрѣ въ одномъ изъ указовъ 1779 года мы встрѣчаемъ слѣдующее узаконеніе: ближайшихъ къ состоящимъ здѣсь церквамъ дворовыя мѣста приводить въ такое положеніе, чтобы оныя навсегда однимъ священно и церковно-служителямъ принадлежали *неподвижно*; равномѣрно, гдѣ есть при церквахъ удобныя подъ дворы мѣста, тѣ отводить священно и церковно-служителямъ съ тѣмъ однако, дабы оныя *никому другаго званія во владѣніе переходить не могли* [3]). Изъ этого закона нельзя не видѣть, что указанныя въ немъ церковныя имущества ограждались отъ возможности пріобрѣтенія ихъ посторонними лицами путемъ давностнаго владѣнія на правѣ собственности болѣе 10 лѣтъ. Утвержденіе же нѣкоторыхъ, что вопросъ о пріобрѣтеніи по давности церковныхъ имуществъ, какъ и принадлежащихъ остальнымъ собственникамъ, разрѣшается извѣстнымъ манифестомъ 28 Іюня

---

[1]) Высочайше утвержденная инструкція межевой конторѣ, учрежденной для размежеванія Могилевской и Полоцкой губ. 30 января 1783 года. т. XXI, № 15654.

[2]) Инструкція землемѣрамъ къ генеральному всей имперіи земель размежеванію п. 66. 13 февраля 1766 г. т. XVII № 12570.

[3]) Именной указъ объявленный Сенату сенаторомъ Волковымъ. 8 мая 1779 г. 1-е Пол. Собр. Законовъ, т. XX № 14873.

1787 года о распространеніи 10 лѣтней давности на всѣ дѣла гражданскія, едва-ли справедливо. Въ манифестѣ п. 4 [1]) прямо поясняется что давность распространяется „на всѣ дѣла гражданскія какъ между частными людьми такъ и между ними и казною“ но ничего не сказано о дѣлахъ съ церковью, которая, конечно, не совпадаетъ съ понятіемъ людей частныхъ или казны.

Прошло немного болѣе 30 лѣтъ со времени реформы 1764 года, которая обезпеченіе разныхъ церковныхъ учрежденій недвижимыми имѣніями замѣнила выдачей опредѣленнаго жалованья изъ казны, и невыгодность для церкви новаго порядка успѣла уже вполнѣ обнаружится. За этотъ небольшой періодъ времени цѣны на всѣ предметы поднялись, и положенные по штатамъ оклады оказались недостаточными. Поэтому Павелъ I, заявляя, что „попеченіе о благоустройствѣ Церкви и призрѣніе служащихъ ей“ составляетъ „одну изъ главнѣйшихъ обязанностей царствованія“, повелѣлъ для архіерейскихъ домовъ, соборовъ и служащихъ при нихъ, на монастыри и вообще на всѣхъ чиновъ и служителей, которымъ съ возвышеніемъ цѣнъ на вещи установленныхъ окладовъ мало, назначить прибавку въ жалованьѣ и въ деньгахъ на содержаніе консисторіи, на ризницы, починки строеній и проч. Для доставленія же архіерейскимъ домамъ и монастырямъ какъ положеннымъ по штатамъ, такъ и на своемъ содержаніи оставленнымъ, лучшія по возможности выгоды Императоръ распорядился отвести земли съ угодьями, чтобы при каждомъ архіерейскомъ домѣ было по 60 десятинъ, а при монастыряхъ по 30, включая и то, что они имѣютъ, и присоединяя находящіяся по близости въ числѣ казенныхъ оброчныхъ статей мельницы по одной, и кромѣ того надѣлить тѣ домы и монастыри рыбными ловлями, хотя бы они были и на разстояніи далѣе 15 верстъ. Заботясь также и о бѣломъ духовенствѣ, чтобы оно „имѣло образъ и состояніе соотвѣтствующее важности его сана“, государь возвысилъ и для него оклады 1764 года. Относительно же приходовъ, гдѣ причтъ состоялъ не на окладахъ, а получалъ содержаніе отъ опредѣленной къ Церкви земли, государь призналъ за приличное, чтобы таковая земля въ извѣстномъ по пропорціи

[1]) Тамъ же. т. № 16551.

количествѣ была точно отдѣлена къ церкви и обработываема общими трудами прихожанъ, при чемъ подробныя распоряженія объ этомъ было предоставлено сдѣлать Синоду совмѣсто съ I Департаментомъ Сената и немедленно поднести ихъ на Высочайшее усмотрѣніе [1]). Синодъ и Сенатъ вскорѣ представили государю общій докладъ, въ которомъ обращали вниманіе на разныя неудобства соединенныя съ обработкой земли прихожанами, и съ своей стороны полагали отмежованную къ церквамъ землю въ количествѣ 33 десятины, *считая ее навсегда церковнымъ удѣломъ*, отдать въ пользованіе прихожанъ, а причту получать отъ нихъ на содержаніе натурою такое количество разнаго хлѣба и корма для скота, какое можно собрать по среднему урожаю съ 30 десятинъ пашни и 3 десятинъ покоса. При обоюдномъ согласіи содержаніе натурою предоставлялось замѣнять установленной суммой денегъ. Если бы по писцовымъ книгамъ за церковью значилась бы земля сверхъ 33 десятинъ, то ее слѣдовало оставлять за церквами. Излишнія земли причтамъ предоставлялось отдавать внаймы съ воспрещеніемъ обработки ихъ самими по несоотвѣтствію этого дѣла съ духовнымъ саномъ. Усадьбы и огороды при церквахъ также оставались на прежнемъ основаніи съ предоставленіемъ пользоваться и выгонами обще съ прихожанами. Кромѣ того на содержаніе духовенства прихожане обязывались давать ему установленныя суммы за совершеніе требъ. Эти правила о надѣленіи церквей землями и содержаніе причтовъ должны были соблюдаться, когда поселяне или помѣщики станутъ просить и о построеніи новыхъ церквей. Докладъ св. Синода и Сената былъ утвержденъ государемъ 11 января 1798 года [2]). Такимъ образомъ признаніе отведенной для церквей земли въ количествѣ 33 десятинъ церковнымъ удѣламъ *навсегда* получило силу закона и должно было ограждать имъ недвижимую церковную собственность и между прочимъ отъ присвоенія ея по давности лицами посторонними. Что законъ имѣлъ въ виду возможность и такихъ случаевъ, ясно изъ самаго его содержанія. Передача земли прихожанамъ въ безсрочное пользованіе при извѣстныхъ условіяхъ легко могла повести и къ пріобрѣтенію ея кѣмъ-либо по давности.

[1]) Указъ Синоду 18 Декабря 1797 г. 1-е Пол. Собр. Закон. т. XXIV № 18273.
[2]) 1-е Пол. Собр. Законовъ, т. XXV № 18316.

Поэтому въ законѣ и слѣдовало отмѣтить, что не смотря на это земля всетаки навсегда остается церковною и не мѣняетъ собственника.

Въ томъ же году Сенатъ по поводу ходатайства нѣкоторыхъ Казенныхъ Палатъ о разъясненіи разныхъ случаевъ, возникшихъ при исполненіи указа 18 Декабря 1797 года по надѣленію архіерейскихъ домовъ и монастырей землями, мельницами и рыбными ловлями, указалъ, что при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ должно быть оставлено *неотъемлемо* все то, что они нынѣ имѣютъ. При отводѣ же земли и другихъ угодій тѣмъ, у кого ихъ нѣтъ или недостаточно, Сенатъ предписывалъ поступать по закону 11 Января 1798 года [1]). Такимъ образомъ въ законахъ Павла I еще яснѣе и въ болѣе общемъ видѣ обращено вниманіе на неприкосновенность недвижимаго церковнаго имущества.

Какъ и слѣдовало ожидать, порядокъ содержанія духовенства, установленный по докладу Синода и Сената 11 Января 1798 года, оказался неудобнымъ. Въ теченіе какихъ-нибудь трехъ лѣтъ Синодъ самъ увидѣлъ, что онъ ставилъ причтъ въ постоянную зависимость отъ прихожанъ въ насущномъ хлѣбѣ, а на прихожанъ налагалъ новую и необычайную повинность, и все, это, какъ замѣчено въ указѣ Сенату 3 Апрѣля 1801 г., разрывало между ними „тотъ союзъ мира, любви и добраго разумѣнія, каковой между всѣми сынами Церкви, а паче между пастырями церковными и стадомъ ихъ словеснымъ, вѣра полагаетъ“ [2]). Обязательная обработка земли для духовенства или уплата ему за пользованіе землей хлѣба натурой или денегъ, конечно, должны были вносить во взаимныя отношенія духовенства и мірянъ что-то чуждое задачамъ пастырской дѣятельности, и странно, что правительство и самъ св. Синодъ находилъ такой способъ обезпеченія духовенства болѣе соотвѣтствующимъ его сану, чѣмъ, наприм., занятіе разнаго рода земледѣліемъ со стороны самого причта. Повидимому, въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, св. Синодъ и государственная власть держались клерикальной точки зрѣнія. Заботясь объ интересахъ духовенства, они упускали изъ виду столь же важные

---

[1]) Указъ Сената 19 Іюля 1798 года т. XXV № 18590.

[2]) 1-е Пол. Собр. Законовъ, т. XXVI № 19816.

духовные интересы прихожанъ. Между тѣмъ по условіямъ русской жизни для духовенства особенно пригодно въ качествѣ источника содержанія именно извлеченіе его изъ земли. Извѣстно, что въ Россіи распространенъ высокій взглядъ на занятіе земледѣліемъ выраженный еще многими св. отцами, какъ наприм., св. Іоанномъ Златоустомъ, св. Исидоромъ Пелусіотомъ и друг. Изъ Пролога русскій народъ цѣлые вѣка поучался, что „земной дѣлатель равенъ есть иноковъ постному житію и труду (говоритъ св. Василій), понеже отрясши сонъ, и на дѣло земное грядетъ, и паче дому пустыню любитъ“ [1]). Поэтому въ сознаніи русскаго народа земледѣльческій трудъ духовенства вовсе не могъ подрывать его пастырское назначеніе. Для духовенства же оно устанавливало бытовое сближеніе съ народомъ, которое можетъ способствовать и лучшему исполненію пастырскихъ обязанностей. Дѣлая духовенство менѣе зависимымъ отъ трудолюбія и случайныхъ отношеній прихожанъ, пользованіе землей предоставляетъ ему больше возможности слѣдовать примѣру св. апостола Павла, который во избѣжаніе обремененія кого либо и въ назиданіе паствы находилъ удобнѣе самому заниматься трудомъ и работой (2. Фесал. III, 8—9). На все это теперь Синодъ, повидимому, обратилъ вниманіе и побудилъ къ тому же и верховную власть. Въ указѣ Сенату 3 Апрѣля 1801 года новый государь Александръ I прямо заявилъ, что духовенство, предуставленное самимъ Богомъ къ назиданію нравовъ народа, обязано примѣромъ своимъ привлекать и ободрять его къ трудолюбію и ко всѣмъ хозяйственнымъ упражненіямъ, между которыми земледѣліе „есть благороднѣйшее, полезнѣйшее и въ связи съ государственными нуждами необходимѣйшее“. Поэтому не только никому не постыдно заниматься земледѣліемъ, но „все, что относится къ нему, въ очахъ истинной мудрости почтенно и всякаго одобренія достойно“.

На основаніи этого указомъ 3 Апрѣля 1801 года согласно представленію св. Синода отмѣнялись распоряженія 11 Января 1798 года о пользованіи церковными землями въ надеждѣ, что бѣлое духовенство „почитая въ основателяхъ вѣры и древнихъ патріархахъ первобытной Церкви первыхъ

---

1) Прологъ 31 Іюля.

земледѣльцевъ и, ревнуя святому ихъ примѣру, неуклонно пребудетъ въ сей апостольской простотѣ нравовъ и упражненій, толико санъ его украшающей и сближающей его съ состояніемъ людей наиболѣе требующихъ духовной помощи и утѣшенія". Но вмѣстѣ съ этимъ по причинѣ общаго возвышенія цѣнъ государь, согласно мнѣнію Синода, дозволилъ увеличить вдвое установленное въ 1765 году вознагражденіе за совершеніе требъ [1]). При такой точкѣ зрѣнія правительство Александра I, конечно, должно было дѣйствовать въ направленіи надѣленія церквей землями. Оно подтверждало, какъ свидѣтельствуетъ, наприм., указъ Сената въ Февралѣ 1804 года, о непремѣнномъ назначеніи къ церквамъ установленнаго количества земли [2]). Синодъ съ своей стороны на основаніи донесеній нѣкоторыхъ епархіальныхъ архіереевъ о недостаткѣ или неимѣніи земель у тѣхъ или иныхъ сельскихъ церквей и о невниманіи къ этому прихожанъ и гражданскихъ властей, просилъ Сенатъ сдѣлать кому нужно соотвѣтствующія распоряженія и въ своемъ отношеніи къ Сенату опирался на указъ 3 Апрѣля 1801 года, поощрявшій занятіе духовенства земледѣліемъ [3]). Землями надѣлялись также, какъ это видно, наприм., изъ Высочайше утвержденнаго 4 Іюня 1824 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, монастыри и архіерейскіе дома [4]).

Съ самаго начала царствованія Николая I государь этотъ обнаружилъ заботу о надѣленіи церквей землями и устройства быта духовенства. Въ 1828 году онъ поручилъ св. Синоду представить ему свои соображенія о способахъ къ обезпеченію приходскаго духовенства въ содержаніи [5]). Оказалось, что вопросъ о надѣленіи церквей землями все еще не былъ разрѣшенъ. Многимъ изъ нихъ еще не были переданы земли въ установленномъ закономъ количествѣ, а инымъ отведены были земли, находившіяся въ спорѣ. Св. Синодомъ обо

---

[1]) 1-е Пол. Собр. Законовъ, т. XXVI № 19816. Именной указъ данный Сенату.

[2]) Тамъ же, № 21149.

[3]) 1-е Пол. Соб. Законовъ, Синодскій указъ 4 марта 1804 г. т. XXVIII, № 21195.

[4]) Тамъ же, т. XXXIX № 29942.

[5]) Именной указъ Синоду 11 января 1828 г. 2 ое Пол. Собр. Законовъ т. III № 1697.

всемъ этомъ былъ составленъ докладъ, который былъ подвергнутъ затѣмъ и обсужденію Государственнаго Совѣта. Послѣ этого, разсмотрѣвъ докладъ св. Синода и согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, императоръ Николай I указомъ на имя Сената 6 Декабря 1829 года повелѣлъ, чтобы законы о надѣленіи церквей землями и о постепенномъ устроеніи для духовенства домовъ отъ усердія прихожанъ были точно соблюдаемы.

Въ приложенномъ же къ указу „Положеніи о способахъ къ улучшенію состоянія духовенства“ въ Отдѣлѣ II § 10 вмѣнялось гражданскому начальству въ обязанность отмежевывать церквамъ недостающее количество земли и немедленно разрѣшать спорныя дѣла о церковныхъ земляхъ. Вмѣстѣ съ этимъ въ § 10 Положенія категорически сказано, чтобы церковныя земли и другія угодія *оставались навсегда неприкосновенною собственностью церковною и ограждаемы были отъ всякихъ постороннихъ притязаній.* Соотвѣтственно этому въ § 11 Положенія указано „ввести въ полное дѣйствіе законъ 26 Іюня 1808 года, по которому земля и другія угодья упраздненной или приписываемой церкви не должны быть возвращены прихожанамъ, а принадлежатъ той церкви, къ которой она приписывается съ прихожанами. На улучшеніе же содержанія духовенства въ имѣніяхъ казенныхъ, гдѣ есть излишнія земли, было повелѣно отводить на содержаніе одного причта при церквахъ тройное, двойное или полторное количество земли, т. е. 99, 66 и 49½ десятинъ, смотря по количеству находящейся у крестьянъ земли [1]). Такого направленія по вопросу о недвижимыхъ церковныхъ имѣніяхъ правительство Николая I держалось и въ послѣдующихъ узаконеніяхъ. Въ этомъ отношеніи можно привести, наприм., Высочайше утвержденное 20 Іюля 1842 года Положеніе объ обезпеченіи православнаго сельскаго духовенства землями, домами и единовременными пособіями въ губерніяхъ Витебской, Могилевской, Минской, Виленской, Гродненской, въ Ковельскомъ и Овручскомъ уѣздахъ Волынской и Бѣлостокской области. По ст. 1 главы I этого Положенія, при каждой сельской церкви, а равно и городской, имѣющей прихожанами сельскихъ жителей, должно быть законное ко-

---

1) 2-ое Пол. Собр. Законовъ, т. IV № 3323.

личество земли. Земля эта должна отводиться единожды на всегда изъ дачъ прихожанъ къ тѣмъ церквамъ, у которыхъ ея нѣтъ или не хватаетъ. При недостаткѣ же земли у прихожанъ, когда ея менѣе 4 десятинъ на ревизскую душу, прихожане обязывались доставлять причту соразмѣрное вознагражденіе деньгами или продуктами. Если у церквей оказывались отведенныя или пожертвованныя земли въ превышающемъ установленное количествѣ, то они и впредь оставлялись за этими же церквами. Въ 7 ст. Положенія принадлежащія церквамъ земли объявлялись неприкосновенною церковною собственностью, которою духовное начальство завѣдуетъ, а причтъ пользуется на основаніи опредѣленныхъ правилъ. Причту, конечно, воспрещалось отчуждать эту церковную собственность.

Подобнаго же направленія въ вопросѣ о надѣленіи церковныхъ учрежденій недвижимыми имѣніями держалось и государственная власть времени Александра II. Въ 1872 году 11 Апрѣля были Высочайше утверждены правила для обезпеченія земельнымъ надѣломъ и помѣщеніями причтовъ православныхъ сельскихъ приходовъ въ девяти западныхъ губерніяхъ. Согласно 2 ст. Правилъ новый земельный надѣлъ церквамъ, и притомъ въ не достающемъ количествѣ, долженъ былъ производиться только въ случаѣ, если общее количество земли въ приходѣ менѣе 33 десятинъ на каждый наличный причтъ. Для причтовъ, согласно Положенію 20 Іюля 1842 года, предписывалось устраивать дома на усадебной землѣ каждой самостоятельной приходской церкви. (ст. 5). Надѣлъ землею церквей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, существовавшихъ до 19 Февраля 1861 года, долженъ былъ совершаться или дополняться до 33 десятинъ—для каждаго причта на счетъ владѣльцевъ тѣхъ имѣній, населеніе которыхъ принадлежало или принадлежитъ къ приходу (ст. 6). Для церквей же въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, устроенныхъ и получавшихъ приходы послѣ 19 Февраля 1861 г. надѣлъ земли долженъ былъ производиться изъ земель помѣщичьихъ къ какому бы вѣроисповѣданію владѣлецъ такого имѣнія ни принадлежалъ и изъ земель крестьянъ — собственниковъ прихожанъ этихъ церквей, пропорціонально количеству земельнаго владѣнія помѣщиковъ и крестьянъ (ст. 7). Эти правила должны были примѣняться и при надѣленіи землею

церквей въ имѣніяхъ Удѣльнаго Вѣдомства [1]). Кромѣ того по примѣру Положенія 20 Іюля 1842 года правительство Александра II, какъ это видно, наприм., изъ Высочайше утвержденнаго 14 Апрѣля 1863 года журнала Присутствія по дѣламъ православнаго духовенства [2]) допускало въ нѣкоторыхъ случаяхъ для церквей увеличенный отводъ земли, болѣе 33 десятинъ, тамъ, гдѣ для этого окажутся свободныя казенныя земли, а также передачу преимущественно въ западномъ краѣ въ постоянное пользованіе причтамъ безъ права отчужденія и обремененія долгами и иными обязательствами казенныхъ оброчныхъ статей, мельницъ, рыбныхъ ловлей и проч. въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ по незначительности этихъ статей и по другимъ условіямъ таковая передача будетъ признана возможною Министерствомъ Государственныхъ имуществъ [2]).

Кромѣ церквей правительство Александра II обнаруживало заботу и о матеріальномъ положеніи монастырей. Въ 1865 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ объ отводѣ монастырямъ земельныхъ и лѣсныхъ угодій изъ казенныхъ дачъ въ опредѣленной межевыми законами пропорціи, при чемъ это сдѣлалось, повидимому, настолько общимъ закономъ, что епархіальнымъ начальствомъ предоставлялось непосредственно обращаться за этимъ къ мѣстнымъ Палатамъ Государственныхъ Имуществъ, безъ представленій Св. Синоду, исключая лишь случаевъ, когда по особымъ обстоятельствамъ, какой-либо обители епархіальное начальство найдетъ нужнымъ ходатайствовать о надѣленіи ея угодьями въ видѣ изъятія изъ установленныхъ правилъ [3]).

Что реформа Екатерины II вовсе не отнимала у Церкви право на владѣніе недвижимой собственностью показываетъ кромѣ разсмотрѣннаго факта надѣленія церковныхъ учрежденій землями предоставленіе имъ возможности пріобрѣтать такую собственность и другими способами. Для этого устанавливался только особый порядокъ. Въ 1805 г. Новгородскій Перекомскій монастырь купилъ для себя подворье. Новгородская Гражданская палата усумнилась въ возможности

[1]) 2-ое Пол. Собр. Законовъ, т. XLVII № 50726.

[2]) 2-ое Пол. Собр. Законовъ, т. XXXVIII, отд. I № 39481.

[3]) Именной указъ, объявленный Сенату св. Синодомъ 4 ноября 1865 г. Ibid. т. XL № 42637.

совершить купчую крѣпость. Дѣло дошло до высшаго правительства. Государь, принявъ во вниманіе, что по законамъ уже давно воспрещено монастырямъ и духовнымъ властямъ монашескаго званія, покупать недвижимыя имущества, но что пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ статей по мѣстному ихъ положенію можетъ быть очень полезно для монастырей, особенно не получившихъ всѣхъ предоставленныхъ по штатамъ угодій, разрѣшилъ монастырю пріобрѣсти подворье и предписать Новгородской Гражданской Палатѣ совершить на него надлежащую купчую. Но вмѣстѣ съ этимъ Государь повелѣлъ, не отмѣняя постановленій закона о непріобрѣтеніи монастырями недвижимаго имущества, каждый разъ при такихъ нужныхъ для нихъ покупкахъ испрашивать на совершеніе купчихъ крѣпостей Высочайшее соизволеніе. Черезъ это, какъ разъяснено въ указѣ 1810 года 29 Мая, „частныя только исключенія дѣлаемы быть могутъ въ общемъ законѣ и всегда можно будетъ удовлетворять желаніямъ монастырей соотвѣтственно подлиннымъ ихъ надобностямъ“. На этомъ же основаніи вскорѣ послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе о совершеніи, гдѣ слѣдуетъ по законамъ, записей на каменный домъ и огородное мѣсто, пожертвованныя Молчанской Софроніевой пустыни Курской губерніи и на отказанныя по духовнымъ завѣщаніямъ мѣсто и строенія въ Петербургѣ въ пользу Петербургской Введенской церкви [1]).

Въ 1818 году по поводу пожертвованія въ пользу одной изъ церквей г. Архангельска дома съ землей Св. Синодъ нашелъ нужнымъ испросить на укрѣпленіе дара за церковью Высочайшее соизволеніе, считая, что законъ 1810 г. 27 Мая долженъ распространяться и на случаи пріобрѣтенія недвижимостей церквами, о чемъ и предписалъ подвѣдомственнымъ ему мѣстамъ. Комитетъ Министровъ, куда Министромъ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія была внесена соотвѣтствующая записка, согласился съ заключеніемъ Св. Синода и постановилъ на принятіе церковью дара испросить Высочайшее соизволеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ поручить Министру Юстиціи предложить Сенату о повсемѣстномъ предписаніи, чтобы крѣпостные акты на пріобрѣтаемыя монасты-

---

[1]) Именной указъ, объявленный Сенату министромъ Юстиціи 29 марта 1180 г. 1-е Пол. Собр. Законовъ, т. XXXI № 24246.

рями и церквами недвижимыя имѣнія безъ Высочайшаго соизволенія совершаемы не были. 4 Января 1819 года это положеніе Комитета Министровъ получило утвержденіе Государя [1]).

Чтобы окончить рѣчь объ отношеніи русскаго государства къ вопросу о недвижимыхъ церковныхъ имѣніяхъ, остановимъ вниманіе и на относящихся къ этому законахъ вошедшихъ въ дѣйствующій сводъ, не забывая однако, сказаннаго въ Приложеніи къ 66 ст. Учрежденія Сената въ ст. 5. п. 4. т. I изданія 1892 года, что узаконенія, принадлежащія къ управленію духовныхъ дѣлъ православнаго вѣроисповѣданія должны быть приводимы не по Своду законовъ, а непосредственно. Законами, включенными въ Сводъ, не исчерпывается разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ управленіемъ дѣлами православной Церкви, а для этого необходимо обращаться и къ другимъ изданнымъ узаконеніямъ.

По 432 ст. т. IX Св. Зак. изданія 1899 года кн. I. Разд. II монастырямъ и архіерейскимъ домамъ предоставлено право обладанія на отводимые отъ казны загородные дворы, рыбныя ловли и другія угодія въ количествѣ межевыми узаконеніями опредѣленномъ; сіи земли примежевываются къ нимъ на одинаковомъ основаніи съ владѣльческими дачами. Отводимыя на этомъ основаніи земли и угодья 433 ст. воспрещаетъ имъ продавать или иначе отчуждать въ посторонія руки. Право владѣнія недвижимыми непоселенными имѣніями согласно 433 ст. предоставлено и церквамъ. (Срав. 698 ст. п. 5. т. X ч. I изданія 1900 г.).

Кромѣ полученія земли и угодій отъ казны архіерейскіе дома, монастыри и церкви имѣютъ право пріобрѣтать недвижимую собственность путемъ покупки, дара или духовныхъ завѣщаній, но переходъ къ нимъ права собственности черезъ совершеніе установленныхъ актовъ долженъ происходить не иначе, какъ по исходатайствованіи каждый разъ черезъ Св. Синодъ Высочайшаго соизволенія. (435 и 443 ст. т. IX. кн. I; 778, 985, 1067, 1489 ст. т. X ч. I и 106 ст. Устава Духов. Конс. изданія 1883 года).

Подъ церковными землями законъ понимаетъ земли, принадлежащія церквамъ по прежнимъ дачамъ и писцовымъ

---

[1]) Тамъ же. т. XXXVI № 27622.

книгамъ или по новѣйшимъ укрѣпленіямъ, и земли усадебныя для церковныхъ причтовъ и отводимыя къ церквамъ для довольствія отъ прихожанъ въ установленной межевыми законами пропорціи (445 ст. т. IX. Законы о состояніяхъ изданія 1899 г.). Земли отведенныя для содержанія причта не подлежатъ отчужденію; исключеніе изъ этого допускаются лишь въ особыхъ случаяхъ, когда продажа или обмѣнъ земли представляетъ существенныя выгоды для Церкви. Отчужденіе всѣхъ видовъ церковныхъ земель можетъ происходить не иначе, какъ съ особаго каждый разъ Высочайшаго соизволенія, которое испрашивалась ранѣе черезъ Комитетъ Министровъ. Полученная отъ продажи сумма должна обращаться или на покупку другой земли или въ государственныя процентныя бумаги, а доходы съ земли и процентныхъ бумагъ поступать на содержаніе причта (447 ст.). Въ случаѣ упраздненія церкви отмежеванная къ ней земля и другія угодія, какъ это и вытекаетъ изъ свойствъ церковныхъ имуществъ, не должны быть возвращаемы прихожанамъ, но принадлежатъ къ той церкви, къ которой она приписывается съ прихожанами. (ст. 448). Церковныя земли состоятъ лишь въ непосредственномъ распоряженіи причта, но всегда должны оставаться принадлежащими Церкви и причту естественно воспрещено продавать ихъ, передавать по наслѣдству или иначе перекрѣплять, а равно и отдавать въ залогъ (ст. 449. т. IX). Въ ст. же 446 т. IX законъ объявляетъ церковныя земли и другія, имѣющіяся при церквахъ угодья, уже не только церковною собственностью, но притомъ и „на всегда неприкосновенною“ и долженствующую „ограждаться отъ всякихъ постороннихъ притязаній“. Какъ „неотъемлемую церковную собственность“ 450 ст. т. IX разсматриваетъ и выстроенные при церквахъ или купленные изъ церковныхъ сборныхъ денегъ дома вмѣстѣ съ состоящими при нихъ дворами.

Такимъ образомъ государство въ Россіи съ древняго времени и до сихъ поръ признавало необходимость для Церкви владѣнія недвижимыми имѣніями и усматривало въ этомъ лучшее средство для достиженія Церковью многихъ ея цѣлей и особенно матеріальнаго обезпеченія духовенства. Сознавая великое значеніе Церкви какъ для человѣческой личности вообще, такъ и для жизни общественной, русская

государственная власть явно выражала намѣреніе навсегда закрѣпить за Церковью владѣніе ея имѣніями при условіи служенія ихъ церковнымъ цѣлямъ. Нерѣдкимъ прибавленіемъ въ разныхъ узаконеніяхъ къ словамъ церковная собственность такихъ выраженій, какъ „неприкосновенная“, „неотъемлемая“, считаемая навсегда церковнымъ удѣломъ“, долженствуемая „ограждаться отъ всякихъ посторонних притязаній“ законодатель вполнѣ согласно съ природой церковнаго имущества, какъ она выясняется на основаніи древнихъ церковныхъ правилъ, очевидно, имѣлъ въ виду отмѣтить этимъ особое свойство церковныхъ имѣній, выдѣляющее ихъ изъ массы другихъ, казенныхъ, частныхъ и т. д. Въ русскихъ законахъ церкви, монастыри и архіерейскіе дома понимаются, какъ собственники особаго рода, и узаконенія, опредѣляющія ихъ права на недвижимыя имѣнія, должны быть разсматриваемы какъ законы спеціальные, которыми и должны разрѣшаться спорныя дѣла, касающіяся церковнаго имущества, и которыми исключается примѣненіе къ нимъ законовъ общихъ. Этой точки зрѣнія, основанной на изученіи духа русскаго законодательства о церковныхъ имѣніяхъ, обнаруживающагося почти на протяженіи всей нашей исторіи, и на изученіи постановленій вселенскихъ соборовъ, въ теченіе около 10 лѣтъ держался и Правительствующій Сенатъ при толкованіи относящихся сюда законовъ. Занявшись тщательнымъ выясненіемъ смысла 446 ст. т. IX. св. зак. а по изданію 1876 г. статьи 401, въ связи со всѣми другими узаконеніями, Сенатъ въ извѣстномъ своемъ рѣшеніи по Гражданскому Кассаціонному Департаменту 20 января 1893 года за № 2 справедливо пришелъ къ заключенью, что въ виду той опредѣлительности и той силы, съ какими въ 446 ст. т. IX выражена воля законодателя сами собой представляются недопустимыми и такія посягательства на церковное достояніе, которыя могли бы прикрываться продолжительностью владѣнія. 20 января 1893 года статью эту Сенатъ категорически разъяснилъ въ томъ смыслѣ, что никакое стороннее посягательство, какъ бы оно продолжительно ни было, не въ силахъ поколебать присвоенной церковнымъ землямъ неотъемлемости и, слѣдовательно никакое завладѣніе церковною землей, если она дѣйствительно церковная, не можетъ покрыться силою времени. Съ

содержаніемъ 446 ст. Сенатъ нашелъ даже и несовмѣстимой самую мысль о возможности утраты церковной собственности черезъ воздѣйствіе сторонняго владѣнія. Поэтому ясно постановленный въ рѣшеніи 1893 года № 2 вопросъ, подлежатъ-ли церковныя земли дѣйствію давности, Сенатъ справедливо разрѣшилъ отрицательно 1).

Въ такомъ же смыслѣ вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшаемъ и по отношенію къ недвижимымъ имѣніямъ монастырей и архіерейскихъ домовъ. Это подтверждается, не говоря уже о разныхъ относящихся къ этимъ имѣніямъ узаконеніяхъ, содержаніемъ 443 ст. т. IX, по которой церкви въ пріобрѣтеніи и обладаніи собственностью имѣютъ тѣ же права и подлежатъ тѣмъ же ограниченіямъ, какъ и монастыри.

Въ дополненіе къ соображеніямъ, высказаннымъ Сенатомъ въ рѣшеніи 1893 г. № 2 при разъясненіи 446 ст. т. IX изданія 1899 г., по моему мнѣнію, слѣдовало бы еще обратить вниманіе на самый порядокъ, требуемый закономъ на случаи пріобрѣтенія и отчужденія церковныхъ имѣній. Изъ 985 ст. т. X ч. I видно, что при пожертвованіяхъ недвижимыхъ имуществъ архіерейскимъ домамъ, монастырямъ и церквамъ для укрѣпленія ихъ въ церковную собственность необходимо исходатайствованіе Синодомъ Высочайшаго разрѣшенія. Ст. 1067 т. X ч. 1 требуетъ для утвержденія въ собственность завѣщанныхъ недвижимыхъ имуществъ непремѣннаго испрошенія черезъ св. Синодъ Высочайшаго соизволенія. Согласно 1429 ст. т. X ч. 1 пріобрѣтеніе церквами и монастырями недвижимостей возможно не иначе, какъ по Высочайшему разрѣшенію, при чемъ въ 778 ст. того же X тома прямо указано, что акты о пріобрѣтеніи монастырями и церквами православнаго исповѣданія недвижимыхъ имѣній не могутъ быть совершаемы иначе, какъ съ Высочайшаго соизволенія. Подобно этому законъ въ 435 ст. т. IX изданія 1899 года по вопросу о пріобрѣтеніи монастырями и архіерейскими домами недвижимыхъ имѣній черезъ покупку, даръ или завѣщаніе устанавливаетъ, что таковыя имѣнія утверждаются за ними въ собственность соверше-

---

1) Рѣшеніе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената за 1893 г. Спб.

ніемъ узаконенныхъ крѣпостныхъ актовъ не иначе, какъ по исходатайствованіи на то каждый разъ чрезъ св. Синодъ Высочайшаго соизволенія". Полученіе Высочайшаго разрѣшенія представляетъ изъ себя, какъ видимъ, не простую формальность, а необходимый моментъ въ процессѣ пріобрѣтенія недвижимости церковными учрежденіями, безъ чего не можетъ произойдти и законнаго укрѣпленія или утвержденія въ церковную собственность недвижимаго имѣнія. Въ законѣ не сдѣлано никакихъ исключеній и на случай пріобрѣтенія царквами и монастырями имущества по давности и по общему смыслу закона Высочайшее разрѣшеніе необходимо и на этотъ случай [1]). Соблюденіе особаго порядка, отличающаго церковныя недвижимости отъ другихъ, и, повидимому, еще съ большей силой, законъ требуетъ и на случай ихъ отчужденія. 443 ст. т. IX отведенныя монастырямъ и архіерейскимъ домамъ земли и угодья имъ воспрещаетъ отчуждать въ постороннія руки, а согласно 447 ст. т. IX церковныя земли вообще не подлежатъ отчужденію. Оно допускается лишь въ крайнихъ случаяхъ и не иначе какъ съ особаго каждый разъ Высочайшаго соизволенія. Такимъ образомъ и въ процессъ перехода имѣнія отъ Церкви къ постороннему лицу входитъ непремѣнный моментъ Высочайшее соизволеніе, безъ котораго оно не можетъ быть за нимъ укрѣплено. Но пріобрѣтеніе кѣмъ-либо церковнаго имѣнія по давности есть ничто иное, какъ отчужденіе его отъ Церкви, и слѣдовательно для законнаго пріобрѣтенія его по давности кромѣ провладѣнія болѣе 10 лѣтъ нужно и полученіе Высочайшаго разрѣшенія. Здѣсь въ обычный порядокъ укрѣпленія имѣнія по давности долженъ входитъ еще особый моментъ, независимый отъ самаго факта владѣнія на правѣ собственности. Неполученіе Высочайшаго разрѣшенія должно разрушать всѣ послѣдствія давностнаго владѣнія, а потому и соображенія примѣнимыя къ пріобрѣтенію по давности обыкновенныхъ имѣній не могутъ разрѣшить вопросъ о пріобрѣтеніи по давности имѣній церковныхъ. Если признать, что для отчужденія постороннему лицу церковнаго имѣнія достаточно одного факта десятилѣт-

---

1) Срав. Давность владѣнія по рѣшеніямъ Сената В. Л. Исаченко. Юридическій Вѣстникъ 1888 г. № 1.

няго владѣнія, то право собственности церковныхъ учрежденій на недвижимости, опредѣляемое въ законѣ какъ неприкосновенное, неотъемлемое и ограждаемое отъ всякихъ постороннихъ притязаній, въ дѣйствительности не только не ограждается, но и можетъ разрушаться разными незаконными способами. Въ Россіи пріобрѣтеніе по давности допускается не только при отсутствіи правомѣрныхъ дѣйствій, но даже и при явной ихъ недобросовѣстности. Предположимъ, наприм., что причтъ или какой-либо распорядитель церковной недвижимости при оплошности духовной власти, по какимъ-либо соображеніямъ или тайному соглашенію предоставили бы постороннему лицу возможность владѣть церковной недвижимостью такъ, что по своимъ дѣйствіямъ и въ глазахъ окружающихъ это лицо представлялось бы собственникомъ. При этихъ условіяхъ черезъ 10 лѣтъ Церковь должна потерять свою недвижимость. Какимъ образомъ подобный порядокъ утраты церковной собственности можетъ быть допустимъ въ виду, наприм., указа Сената 3 января 1829 года? Изъ указа видно, что по представленію Министра Дух. Дѣлъ и Народн. Просвѣщенія въ огражденіе духовной собственности, постановлено, чтобы никакія записи продажныя, закладныя уступочныя, мировыя и т. п. относительно ея не были принимаемы къ явкѣ въ судебныхъ мѣстахъ и чтобы ни земская полиція и другіе должностные лица не приводили этихъ актовъ въ исполненіе, пока они не будутъ утверждены законнымъ порядкомъ. Иначе какъ самыя записи, такъ и явка ихъ и всѣ дѣйствія указанныхъ мѣстъ и лицъ, должны считаться ничтожными и не могутъ быть подводимы подъ право десятилѣтней давности [1]). Неужели же этотъ указъ касается лишь случаевъ открытаго стремленія захватить церковное имущество и совершенно не опредѣляетъ отношеніе законодателя къ тѣмъ случаямъ, когда присвоеніе его происходитъ тайно и путемъ одного фактическаго завладѣнія, безъ попытокъ добиться подтвержденія своего права какимъ-либо письменнымъ актомъ?

Къ сожалѣнію, справедливыя разсужденія Сената въ рѣшеніи 1893 года № 2 выразились въ формѣ разъясненія

---

1) 2-е Пол. Соб. Законовъ. т. IV № 2576.

закона, а не въ изданіи верховной властью яснаго по этому вопросу узаконенія, и потому подверглись послѣдствіямъ случайности однихъ толкованій. Кромѣ, того, возстановляя смыслъ давно существующаго закона, новое разъясненіе давало поводы къ возникновенію разныхъ споровъ и притязаній къ такимъ недвижимымъ имѣніямъ, спокойное владѣніе которыми утверждалось общими для всѣхъ законами и на основаніи ихъ имѣнія эти отъ первыхъ владѣльцевъ могли уже перейдти по наслѣдству, куплѣ и продажѣ къ постороннимъ лицамъ. Нерѣдко это можетъ вести къ подрыву благосостоянія многихъ, которые давно законными способами, пріобрѣли имѣнія или получили ихъ отъ предковъ. Уже въ силу одной возможности подобныхъ случаевъ и принесенія въ жертву новому толкованію закона имущественныхъ правъ разныхъ лицъ рѣшеніе Сената, отвергающее распространеніе давности на церковныя имѣнія было встрѣчено враждебно. Если бы Св. Синодъ воспользовался въ 1893 году рѣшеніемъ Сената и добился изданія въ законодательномъ порядкѣ правила, достаточно подготовленнаго этимъ рѣшеніемъ, безъ обратнаго дѣйствія закона, такъ чтобы всѣ имущества пріобрѣтенныя до него остались за прежними владѣльцами, то вопросъ о давности относительно церковныхъ имѣній получилъ бы болѣе справедливое и болѣе прочное разрѣшеніе. Но высшее церковное управленіе не приняло активнаго участія въ этомъ важномъ по условіямъ русской жизни дѣлѣ и упустило тогдашній столь благопріятный моментъ разрѣшить его въ интересахъ Церкви. Достигнуть изданія такого закона, если бы объ этомъ позаботились, было тѣмъ удобнѣе, что, вѣроятно, подъ вліяніемъ начавшихся тогда въ юридической литературѣ по поводу Сенатскаго рѣшенія 1893 г. № 2 попытокъ доказать, что дѣйствію земской давности подлежатъ дворцовыя имѣнія (называемыя Государевыми) [1]), несмотря на указаніе въ 412 ст. т. X. ч. 1. о всегдашней принадлежности ихъ царствующему Императору и о непереходѣ ихъ по завѣщанію, въ раздѣлъ или по инымъ видамъ отчужденія, повело же къ изданію 27 Мая 1900 года прямого закона, включеннаго въ X т.

---

[1]) Судебная Газета 1893 г. № 39; Давность по церковнымъ землямъ. А. Карабегова. Спб. 1894 г.

ч. I изданія 1900 года въ видѣ статьи 562.! Признавъ необходимымъ, сказано въ Высочайшемъ указѣ по этому поводу, изъяснить истинный разумъ закона о неотчуждаемости имѣній, составляющихъ собственность Царствующаго Императора, повелѣваемъ, дворцовыя имущества, именуемыя Государевыми, признавать не подлежащими ни въ цѣломъ ни въ части дѣйствію земской давности [1]).

Вотъ такое то узаконеніе требуется и относительно церковныхъ имѣній. Истинный разумъ законовъ о церковныхъ недвижимостяхъ даетъ къ нему, какъ мы видѣли ничуть не меньше, основаній, чѣмъ, наприм., содержаніе 412 ст. т. X ч. I для закона 29 Мая 1900 года. Однимъ же Сенатскимъ толкованіемъ закона права Церкви не могли быть достаточно ограждены отъ всякихъ постороннихъ притязаній. И дѣйствительно, всего черезъ 9 лѣтъ, 20 Февраля 1902 года, Правительствующій Сенатъ при другомъ составѣ собранія разъяснилъ законъ совершенно въ противоположномъ смыслѣ и высказалъ, что церковныя имѣнія подлежатъ дѣйствію земской давности [2]).

Въ основаніе новаго рѣшенія Сенатъ вопреки своимъ соображеніямъ 10 Января 1893 года положилъ, что для церковныхъ имѣній по отношенію къ земской давности въ законѣ не установлено изъятій, какъ, наприм., въ 562 ст. т. X ч. 1 о немъ сказано для имѣній Государевыхъ, въ 563 ст. для межъ генеральнаго межеванія, а въ 564 ст. для имуществъ, обращенныхъ въ заповѣдныя. Но вѣдь законы о церковныхъ недвижимостяхъ не исчерпываются дѣйствующимъ сводомъ и, какъ мы видѣли, представляютъ законы спеціальные. А по указаніямъ самого же Сената, наприм., въ рѣшеніяхъ 1878 г. № 184, 1879 г. № 1879 и 1881 г. № 6, если въ спеціальномъ законоположеніи содержится какое-либо правило исключающее самую возможность примѣненія общаго закона, то послѣдній не можетъ быть примѣняемъ, хотя бы объ этомъ и не было прямо упомянуто въ означенномъ законоположеніи. Кромѣ того сопоставленіе закона о

---

1) Собраніе узаконеній и распоряженій правительства 6 Іюня 1900 г. № 60, и ст. № 1316.

2) Рѣшенія Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената за 1902 годъ. Спб.

дворцовыхъ имѣніяхъ и изъясненіе его истиннаго смысла въ указѣ 29 Мая 1900 года о нераспространеніи дѣйствія давности на эти имѣнія, казалось бы, должно было укрѣпить Сенатъ въ сознаніи правильности рѣшенія 1893 года 10 Января, потому что выраженія въ законахъ о неприкосновенности церковныхъ имѣній гораздо сильнѣе и чаще. Далѣе, въ подтвержденіе новаго пониманія закона Сенатъ ссылается на фактъ отклоненія въ 1835 году Государственнымъ Совѣтомъ изъятія отъ давности дѣлъ о церковныхъ крестьянахъ и имѣніяхъ въ Имеретіи, находящихся во владѣніи частныхъ лицъ [1]). Но тогда вопросъ рѣшался лишь относительно одной Имеретіи, а не для всей имперіи, въ которой образованіе и положеніе церковныхъ недвижимостей было иное, вызвавшее и особыя узаконенія. Наконецъ, какъ видно изъ соображеній Государственнаго Совѣта, въ то время предполагалось признать подлежащими возврату всѣ имѣнія пріобрѣтенныя по давности въ прежнее время, а не ограничиться изданіемъ закона на будущее время. Нисколько не убѣдительна также ссылка Сената и на Высочайше утвержденное 23 Апрѣля 1845 года мнѣніе Государственнаго Совѣта. Въ немъ прямо сказано, что Государственный Совѣтъ разсматривалъ на основаніи трехъ записокъ, внесенныхъ Главноуправляющимъ II отдѣленіемъ собственной Е. И. В. Канцеляріи, представленные на его разрѣшеніе частные вопросы относительно давности, и среди нихъ нѣтъ вопроса о церковныхъ недвижимыхъ имѣніяхъ. Правда, тамъ шла рѣчь между прочимъ объ имѣніяхъ казенныхъ, но вѣдь подъ это понятіе нельзя же подводить имѣнія церковныя, составляющія имущество особаго рода [2]). Разрѣшая разные частные вопросы, Государственный Совѣтъ, по утвержденію сенатора С. В. Пахмана, редактировавшаго и самое рѣшеніе 1893 года № 2, призналъ цѣлесообразнымъ отложить начертаніе новаго и полнаго закона о давности до общаго пересмотра законовъ гражданскихъ, при чемъ однако отмѣтилъ, что тогда удобнѣе будетъ разсмотрѣть и соображенія „объ имуществахъ по свойству своему не подлежащихъ давности“.

---

1) Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 28 февр. 1835 г. 2-ое Пол. Собр. Законовъ, т. X № 7912.

2) 2-ое Пол. Собр. Законовъ, т. XX № 18952.

Въ этомъ замѣчаніи г. Пахманъ усматриваетъ авторитетное указаніе на существованіе имуществъ, которыя по самому своему свойству не могутъ подвергаться дѣйствію давности. Къ такимъ имуществамъ Пахманъ справедливо относитъ имѣнія Государевы, для которыхъ въ 1900 году и былъ изданъ приведенный мной выше законъ, а также имѣнія церковныя [1]), которыя ожидаютъ подобнаго же закона и до сихъ поръ.

Такимъ образомъ мнѣніе Государственнаго Совѣта, получившее утвержденіе государя 23 Апрѣля 1845 года, вовсе не можетъ оправдывать рѣшеніе Сената 1902 года № 2. Нечего, конечно, говорить, что подобная коренная перемѣна въ разъясненіяхъ важнаго закона на протяженіи какихъ-нибудь 9 лѣтъ можетъ производить деморализующее вліяніе на правовое сознаніе народа. Она подрываетъ значеніе закона и уваженіе къ суду и, по справедливому замѣчанію нѣкоторыхъ, представляетъ даже опасность и для гражданскаго строя, что отчасти мы теперь и видимъ. Кромѣ того существованіе двухъ противоположныхъ толкованій Сената законовъ о церковныхъ недвижимостяхъ окончательно запутываетъ вопросъ.

Нельзя же, конечно, рѣшеніе 1902 года считать болѣе правильнымъ только потому, что оно появилось позже. Да и кто можетъ поручиться, что чрезъ нѣкоторое время, при другомъ составѣ собранія Сената, опять не послѣдуетъ какихъ-либо измѣненій въ разъясненіи законовъ относительно давностей для церковныхъ имуществъ. Поэтому одну изъ задачъ высшаго церковнаго управленія составляетъ возможно скорѣе провести въ законодательномъ порядкѣ о нераспространеніи земской давности на церковныя имущества, подобно тому какъ это сдѣлано въ 1900 году для имѣній дворцовыхъ перваго рода. Забывать объ этомъ вопросѣ въ настоящее время не слѣдуетъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Теперь не только не предполагаютъ держаться проходящаго черезъ всю нашу исторію убѣжденія государственной власти о необходимости надѣленія Церкви недвижимостями, но чуть ли не собираются лишать Церковь и тѣхъ, которыми она

---

1) Къ вопросу о примѣненіи давности къ церковнымъ землямъ. С. В. Пахмана. Журналъ Юридическаго Общества. 1894 г. мартъ кн. III.

владѣетъ. Поэтому необходимо стараться сохранить за Церковью хотя то, что она имѣетъ. Дѣла же Св. Синода показываютъ, что путемъ захвата по давности Церковь потеряла уже не мало своихъ имуществъ. Наши законы о давности, 533 ст. т. X ч. 1, устанавливающіе для ея дѣйствія столь краткій періодъ, какъ 10 лѣтъ, и требующіе одного факта владѣнія въ теченіе этого времени независимо отъ законности и даже добросовѣстности дѣйствій захватившаго чужое имущество, обширность территоріи Россіи и громадная величина русскихъ епархій, препятствующія хорошо слѣдить за всѣмъ не только высшему церковному управленію, но даже и мѣстнымъ епархіальнымъ властямъ—все это позволяетъ въ Россіи легче, чѣмъ гдѣ-либо, присвоивать себѣ церковныя недвижимости по давности, которая и является у насъ фактически однимъ изъ способовъ отчужденія церковныхъ имуществъ, идущимъ въ разрѣзъ съ законами о нихъ вообще и съ особой ихъ природой. Предсоборное присутствіе, которому ввѣрено обсужденіе нуждъ Православной Церкви, должно, по моему мнѣнію, обратить вниманіе и на вопросъ о дѣйствіи давности на церковныя имѣнія и признать необходимымъ въ интересахъ Православной церкви изданія объ этомъ особаго закона.

Мы видѣли, что для пріобрѣтенія и отчужденія церковной недвижимости установленъ порядокъ, въ который входитъ, какъ его непремѣнное условіе, испрошеніе Высочайшаго соизволенія. Въ отзывахъ епархіальныхъ архіереевъ по вопросамъ церковныхъ преобразованій большинство преосвященныхъ настаиваютъ на отмѣнѣ этого условія. Одни изъ нихъ находятъ въ этомъ ограниченіе для Церкви въ правахъ собственности сравнительно даже съ частными лицами, и уже потому ненужнымъ [1]). Другіе указываютъ, что подобный порядокъ создаетъ только излишнюю переписку и затрудненія въ пріобрѣтеніи церковной собственности, подъ вліяніемъ которыхъ иные отказываются отъ передачи Церкви своего имущества, и Церковь терпитъ ущербъ [2]). Третьи стараются обратить вниманіе, что существующій порядокъ имѣлъ осно-

---

1) Отзывы епархіальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ. Часть I №№ 12, 18 и часть II № 38.

2) Отзывы, часть I №№ 1, 2, 14, 20 и ч. II № 30.

ваніе прежде, когда въ Россіи много жертвовали Церкви, и государству могъ быть отъ этого ущербъ. Теперь же условія измѣнились и никакихъ опасеній въ этомъ отношеніи быть не можетъ [1]). Нѣкоторые вообще не усматриваютъ необходимости обращаться по этому поводу въ высшія инстанціи, а тѣмъ болѣе безпокоить Высочайшую власть. Дѣла эти, по ихъ убѣжденію, должны проходить тѣмъ же обычнымъ порядкомъ, которымъ совершается пріобрѣтеніе собственности торговыми и другими учрежденіями и частными лицами [2]). Мало этого, одинъ изъ преосвященныхъ утверждаетъ даже, что „юридическая санкція покупки, дарственнаго пріобрѣтенія должна исходить отъ епархіальнаго начальства, если цѣнность собственности не превышаетъ суммы 10000 руб. [3]) Очень многіе епархіальные архіереи предлагаютъ предоставить пріобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ съ разрѣшенія епархіальнаго начальства [4]). Всѣ эти соображенія представляются мнѣ основанными на недоразумѣніи съ игнорированіемъ особенностей природы церковнаго имущества и отношеній къ нему со стороны русскаго государства. Одинъ изъ преосвященныхъ прямо признаетъ, что испрошеніе Высочайшаго соизволенія мало понятно и практически неудобно и, единственное оправданіе его видитъ лишь въ томъ, что на аномалію эту своевременно не было обращено вниманія [5]). Не нужно забывать, что церковныя недвижимыя имѣнія—имущества особаго рода и собственники ихъ—не обычные владѣльцы. Поэтому странно требовать сравненія порядка ихъ пріобрѣтенія съ существующимъ для частныхъ лицъ, торговыхъ и другихъ учрежденій. Обыкновенное имѣніе, обращаясь въ церковное, получаетъ другія свойства, неприкосновенность неотчуждаемость и т. д. Оно не должно, напр., подлежать дѣйствію земской давности, и во многомъ выходитъ изъ обыкновеннаго гражданскаго оборота. Все это въ виду важности для государства вопроса о недвижимой собственности не можетъ обходиться безъ того или иного уча-

---

1) Тамъ же, ч. I № 6.

2) Отзывы, ч. I № 10.

3) Первая докладная записка епископа Волынскаго Антонія. Отзывы, ч. I № 10, стр. 13-я.

4) Отзывы, ч. II № 28 и ч. III № 65 и друг.

5) Отзывы, ч. I № 12.

стія правительственной власти. Если въ настоящее время не такія условія жизни, чтобы Церкви много жертвовали, какъ прежде, то вѣдь это не разрѣшаетъ вопроса принципіально. Условія могутъ измѣняться, да и переходъ недвижимостей можетъ совершаться путемъ покупки ихъ самими учрежденіями. Кромѣ того вѣдь и государство по отношенію къ недвижимостямъ, да еще признаваемымъ со свойствами церковныхъ, едва-ли не можетъ вообще требовать участія и для надзора въ другихъ отношеніяхъ. Старанье же сравнять владѣніе церковной недвижимостью съ обыкновенными можетъ толкать государство на путь лишенія церковныхъ недвижимостей особыхъ свойствъ въ его глазахъ, что едва-ли совпадаетъ съ церковными интересами. Нечего, конечно, и говорить, что разрѣшеніе духовныхъ властей не можетъ замѣнить собой участіе правительственной власти. Предлагать же довольствоваться въ дѣлѣ пріобрѣтенія недвижимосте юридической санкціей епархіальнаго начальства уже прямо странно. Вѣдь епархіальный епископъ не государственный чиновникъ и не органъ правительственной власти! Если полученіе Высочайшаго соизволенія и соединено съ нѣкоторыми неудобствами и замедленіемъ въ процессѣ укрѣпленія имущества, то все это искупается достигаемыми цѣлями—согласіемъ государства, на признаніе за имуществомъ свойствъ церковнаго. Обыковенно, чѣмъ прочнѣе укрѣпленіе, тѣмъ больше времени нужно и на его выполненіе. Необходимость извѣстнаго участія, государства въ дѣлѣ пріобрѣтенія недвижимыхъ имѣній церковными учрежденіями и духовенствомъ въ видѣ разрѣшенія на это со стороны царя, была признана, какъ мы отмѣтили выше, еще на соборѣ 1551 года. Его нельзя отвергать и въ настоящее время. Вопросъ лишь можетъ быть о томъ, въ какой формѣ должно проявляться участіе государства при измѣнившемся государственномъ строѣ, въ формѣ ли Высочайшаго соизволенія по прежнему или какъ-либо иначе. Но въ виду переживаемаго нами переходнаго времени и не установившихся порядковъ пока трудно предложить—какое-либо вполнѣ опредѣленное рѣшеніе этого вопроса.

# VI.

А. Вопросъ о правахъ Церкви по имуществу долженъ обсуждаться въ связи съ общимъ отношеніемъ государства къ Церкви. Теорія правоваго государства въ отношеніи къ Церкви. Отношеніе государства къ Церкви при христіанской точки зрѣнія на государство. Тенденція теоріи правоваго государства. Стремленіе оправдать ее интересами самой Церкви. Принять это значитъ впасть въ искушеніе. Несоотвѣтствіе требованій теоріи правоваго государства условіямъ русской жизни. Указанія Библіи по вопросу о церковныхъ земляхъ. Данныя о недвижимой церковной собственности въ Россіи. Вредъ для интересовъ Церкви замѣны земель деньгами или казеннымъ жалованьемъ духовенству. Необходимость участія собора по вопросу объ отчужденіи церковныхъ земель.

В. Необходимость по обстоятельствамъ времени обсужденія вопроса о монастырскихъ земляхъ въ связи съ вопросомъ о монастыряхъ вообще. Причины появленія монашества и его задачи. Общественное значеніе монастырей. Особенное значеніе монастырей въ Россіи. Участіе ихъ въ строеніи государства и духовной жизни народа. Начала руководившія устройствомъ монастырей. Обнаруженіе ихъ въ исторіи Византіи и Россіи. Значеніе въ Россіи монастырей, какъ церковныхъ учрежденій. Забвеніе духовныхъ интересовъ самихъ монаховъ. Желательность расширенія общественной дѣятельности монастырей. Необходимость сохраненія монастырскихъ земель.

## А.

Въ настоящее время въ Россіи стоитъ на очереди важный государственный вопросъ аграрный. Вопросъ этотъ, какъ и большинство другихъ, успѣлъ уже окутаться густымъ слоемъ

противоположныхъ мнѣній и сосредоточить около себя борьбу классовыхъ интересовъ. Среди этой—какъ бы атмосферы, образовавшейся около аграрнаго вопроса, очень громко раздаются крики о необходимости принудительнаго отчужденія церковныхъ и монастырскихъ земель, и крики эти приняли форму чего-то, кѣмъ-то и гдѣ-то, безапелляціонно рѣшеннаго и уже не допускающаго возраженій. Къ сожалѣнію, во всемъ этомъ почти не слышно голосовъ выставляющихъ на видъ интересъ Церкви. Они вообще ушли куда-то на второй планъ, и многіе изъ нихъ хранятъ молчаніе подавленные натискомъ момента и, повидимому сами не знаютъ, чего держаться. Поэтому предсоборному присутствію тѣмъ болѣе нельзя не высказаться прямо по поводу циркулирующихъ теперь въ обществѣ и старательно разносимыхъ брошюрочной литературой требованій объ отчужденіи послѣднихъ церковныхъ земель.

Конечно, Церковь сама въ себѣ не обладаетъ средствами къ защитѣ своего имущественнаго права. Это хорошо выражалъ, напр., еще св. Кириллъ Бѣлозерскій передъ своимъ княземъ. Прося князя данное имъ жалованье и грамоты монастырю оставить неподвижными, „какъ при его жизни такъ и по смерти, св. Кириллъ замѣчаетъ: занеже, господинъ князь великій“, намъ твоимъ нищимъ не чимъ боронитися противу обидящихъ насъ, но токмо, господине, Богомъ и Пречистою Богородицею и твоимь, господине, жалованіемъ нашего господина и господаря [1]). А вотъ разсужденіе по этому вопросу представителей духовной власти въ Византіи. Въ 1367 году императоръ Іоаннъ II потребовалъ отъ патріарха Филофея на военныя надобности два имѣнія, принадлежавшія Константинопольской церкви, обѣщая предоставить другой равный доходъ. Патріархъ отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ права на это согласиться и созвалъ соборъ, который единогласно подтвердилъ, что ни патріархъ ни Синодъ не имѣютъ права отдавать церковное имущество кому бы то ни было. „Если же святой царь, добавилъ соборъ, желаетъ взять ихъ своею властью, то пусть онъ дѣлаетъ, что хочетъ дѣлать. Самъ онъ далъ ихъ церкви, самъ же пусть и возьметъ ихъ,

1) Духовная грамота преп. Кирилла Бѣлозерскаго 1427 года. Акты историческіе, т. I № 52.

если желаетъ взять; онъ имѣетъ право дѣлать съ ними, что хочетъ. Сами же мы никогда этого не сдѣлаемъ что бы ни случилось [1]).

Верховная власть въ государствѣ, являясь и субъектомъ всякаго въ немъ правообразованія, конечно, и фактически и юридически можетъ поступать съ находящейся въ предѣлахъ государства недвижимой собственностью, какъ признаетъ согласнѣе съ интересами государства, и обосновать неправильность отчужденія церковныхъ земель на юридическихъ правахъ, какъ желали бы нѣкоторые, было бы безплодной попыткой. Сегодняшнія юридическія права, на которыя мы стали бы опираться, завтра могутъ быть измѣнены государствомъ, какъ разъ именно въ направленіи отчужденія церковной земельной собственности. Кромѣ того человѣческая и въ томъ числѣ государственная жизнь и дѣятельность съ ихъ болѣе глубокой внутренней стороны не могутъ опредѣляться одними юридическими нормами, которыя сами создаются подъ вліяніемъ стремленія оградить законами тотъ или иной интересъ. Поэтому вопросъ объ отношеніи государства къ правамъ Церкви по имуществу можетъ быть обсуждаемъ лишь въ связи съ общимъ отношеніемъ государства къ Церкви. Онъ, какъ и все касающееся Церкви, прежде всего носитъ религіозно-нравственный характеръ, что особенно ясно и обнаруживается въ исторіи Россіи. Каковъ взглядъ государства на Церковь, насколько государство желаетъ предоставлять зависящую отъ него возможность развитію хранящихся въ Церкви идеаловъ жизни и вообще осуществленію преслѣдуемыхъ ею цѣлей, какіе интересы народа оно ставитъ на первомъ планѣ, какъ смотритъ на удовлетвореніе религіозно-нравственныхъ потребностей народа—все это составляетъ скрытое начало тѣхъ или иныхъ отношеній государства къ Церкви, и, конечно, должно отразиться и на разрѣшеніи вопроса о церковномъ имуществѣ.

Положимъ, государство въ лицѣ законодателей и правительства подъ вліяніемъ индиферентизма, который по справедливому замѣчанію одного ученаго есть опасная форма вражды къ религіи, потеряло способность понимать природу

---

1) Церковно-имущественное право въ греко-римской имперіи П. Соколова глава IV стр. 173.

и задачи Церкви, и отъ его ограниченнаго духовнаго кругозора ускользаютъ хранящіяся въ Церкви сѣмена высшей человѣческой жизни. Или болѣе того, положимъ, государство подъ напоромъ ходячихъ антирелигіозныхъ взглядовъ и обыкновенно на вѣру принимаемыхъ разнаго рода враждебныхъ христіанству выводовъ и положеній начинаетъ смотрѣть на Церковь, какъ на учрежденіе отжившее и даже вредное. Что же удивительнаго, если при такихъ условіяхъ государство не только перестаетъ думать о пополненіи для Церкви недостающаго количества недвижимаго имущества, представляющаго наиболѣе прочную форму матеріальнаго обезпеченія, но и будетъ стараться отобрать существующія, прикрываясь разными другими задачами. Если безрелигіозный или оторванный отъ Церкви воздѣлыватель земли въ глазахъ государства лучше и нужнѣе, чѣмъ человѣкъ, удѣлившій небольшую часть своей земли на цѣли церковныя и вмѣсто нея получающій отъ Церкви незамѣнимыя духовныя блага и помощь, то вполнѣ понятны и крики о принудительномъ отчужденіи послѣдней церковной недвижимости подъ предлогомъ раздачи ея крестьянамъ. Въ настоящее время преобладающимъ теченіемъ является стремленіе устраивать Россію по теоріи правоваго государства. Корни этой теоріи нужно искать, въ такъ называемомъ, естественномъ правѣ 1) (jus naturale), которое по своему содержанію представляетъ величину измѣняющуюся во времени. Поэтому на его основѣ вообще едва-ли можно устроить что-либо объективно справедливое, передъ чѣмъ можно было бы склонить свое сознаніе и волю. Не касаясь теоріи правоваго государства съ политической стороны, остановимъ свое вниманіе на отношеніи ея къ Церкви. Теорія эта выходитъ изъ различія организмовъ церковнаго и государственнаго, при чемъ послѣдователи ея въ доказательство справедливости этого положенія иногда прямо ссылаются на слова Спасителя: отдавайте Касарево—Кесарю, а Божіе—Богу (Мтѳ. XXII, 21) и этимъ подкупаютъ многихъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что на развитіе теоріи правоваго государства, по крайней мѣрѣ въ ея отношеніяхъ къ

---

1) Срав. Проф. Н. С. Суворова. Курсъ церковнаго права, т. II, ч. V. § 200 Ярославль. 1889 г.

Церкви, оказало немалое вліяніе появленіе въ приложеніи къ извѣстной энцикликѣ папы Пія IX въ декабрѣ 1864 года Syllabus errorum, т. е. перечня современныхъ заблужденій, и провозглашеніе догмата папской непогрѣшимости на Ватиканскомъ соборѣ 1869—1870 года. Такимъ образомъ исторія правоваго государства по вопросу о Церкви вмѣсто нормированія ихъ отношеній согласно съ ихъ природой сама поддалась вліянію факта искаженія Христіанской Церкви въ римскомъ католицизмѣ и стремленія его обратиться въ церковь—государство. Уже одно участіе въ развитіи теоріи правоваго государства столь отрицательнаго фактора, какъ притязаніи римскаго католицизма, показываетъ, насколько осторожно слѣдуетъ относиться къ проводимому этой теоріей различію Церкви и государства. Изъ словъ отдавайте кесарево—кесарю, а Божіе—Богу, отмѣчающихъ различіе природы общеній церковнаго и государственнаго, вовсе однако не вытекаетъ, чтобы государство признавалось Спасителемъ, какъ что-то противоположное Богу и съ своей стороны не обязанное способствовать свойственнымъ ему образомъ осуществленію на землѣ—задачъ христіанскихъ. Нельзя же допустить, чтобы въ то время какъ Церковь ведетъ людей къ единенію съ Христомъ, государство могло направлять ихъ къ антихристу. Передъ сознаніемъ Церкви и государства одинаково долженъ стоять Богъ, какъ верховное начало всего. Здѣсь сосредоточено надъ ними какъ бы солнце, которое освѣщаетъ и осмысливаетъ жизнь того и другого. По христіанскому ученію, выраженному св. ап. Павломъ, государство въ лицѣ своихъ органовъ имѣетъ цѣлью служить на добро людямъ и особенно путемъ обузданія столь распространеннаго въ мірѣ зла, и въ этомъ отношеніи справедливаго представителя власти апостолъ прямо называетъ Божіимъ служителемъ (Рим. XIII, 2—6). Какъ для проявленія въ мірѣ духа нужно тѣло, такъ и для осуществленія въ немъ высшихъ духовныхъ цѣлей человѣчества необходима матеріальная возможность къ этому. Доставленіе этой матеріальной возможности и огражденіе ея отъ покушеній на нее со стороны злыхъ силъ, дѣйствующихъ въ мірѣ, и лежитъ на государствѣ. Въ дополненіе къ этому я позволяю себѣ обратить вниманіе на высказанное уже мною въ докладѣ I Отдѣлу предсоборнаго Присутствія 31 мая 1906 года по вопросу объ отношеніяхъ

Церкви и государства въ Россіи [1]). А вотъ что говоритъ по этому поводу глубокій русскій мыслитель Вл. С. Соловьевъ: Христіанство, придя въ міръ, чтобы спасти міръ, спасло и высшее проявленіе міра—государство, открывъ ему истинную цѣль и смыслъ его существованія. Разница между христіанскимъ и языческимъ государствомъ состоитъ въ томъ, что это послѣднее думало имѣть цѣль въ себѣ самомъ и потому оказалось безцѣльнымъ и безсмысленнымъ; христіанское же государство признаетъ надъ собою ту высшую цѣль, которая дается религіей и представляется церковью" и въ добровольномъ служеніи этой цѣли христіанское государство находитъ свой высшій смыслъ и назначеніе... Христіанство признаетъ за государствомъ положительную задачу и дѣятельный прогрессивный характеръ: оно не только призываетъ государство къ борьбѣ съ злыми силами міра подъ знаменемъ церкви, но требуетъ отъ него также, чтобы оно проводило въ политическую и международную жизнь нравственныя начала"... Въ христіанскомъ государствѣ, по разъясненію В. С. Соловьева, находится все то, что было и въ государствѣ языческомъ, но „все это получаетъ иное значеніе, обновляется въ духѣ истины". Есть въ немъ и законъ, но не въ смыслѣ простаго узаконенія дѣйствительныхъ отношеній, а въ смыслѣ ихъ исправленія по идеямъ высшей правды". Есть верховная власть, но не какъ обоготвореніе человѣческаго произвола, а какъ особое служеніе волѣ Божіей. Представитель власти въ христіанскомъ государствѣ не есть только обладатель всѣхъ правъ какъ языческій кесарь,—онъ главнымъ образомъ есть носитель всѣхъ обязанностей христіанскаго общества по отношенію къ Церкви, т. е. къ дѣлу Божію на землѣ" [2]). Историческій опытъ людей временъ римской имперіи ясно свидѣтельствуетъ, что государство не можетъ дать изъ себя разумнаго смысла для человѣческой жизни и само нуждается въ полученіи его откуда-то извнѣ. Политическая жизнь для оправданія передъ человѣческой природой сама требуетъ высшихъ принциповъ

---

1) Журналъ засѣданія I отдѣла № 21. Журналы и протоколы Высочайше учрежденнаго предсоборнаго присутствія. Томъ I Спб. 1906 г. и Н. Д. Кузнецовъ: По вопросамъ церковныхъ преобразованій. Отд. III Москва 1907 г.

2) Собраніе сочиненій В. С. Соловьева т. III. Духовныя основы жизни часть II. глава III. Спб.

и цѣлей, которыя составляли бы ея движущее начало. Таковыми и должны быть хранимые Церковью христіанское воззрѣніе на міръ и человѣка, позволяющее государству смотрѣть на себя какъ на одно изъ средствъ способствующихъ достиженію высшихъ задачъ человѣческой жизни. Церковь по отношенію къ государству представляетъ изъ себя какъ бы огненный столбъ, освѣщающій шествіе народовъ по пути ихъ исторической жизни. Не забудемъ, что если въ глубинѣ стремленій, направляющихъ государственную жизнь и дѣятельность, не будутъ лежать христіанскія начала, то все равно ихъ мѣсто займутъ другія, антихристіанскія, которыя скрытно и часто даже безсознательно для самихъ государственныхъ дѣятелей будутъ руководить ими. Христіанство слишкомъ близко человѣческой природѣ и захватываетъ ее въ самыхъ сокровенныхъ глубинахъ, оказывающихъ постоянное вліяніе на человѣка. Отверженіе христіанства является уже извращеніемъ нормальной человѣческой природы и правильнаго отношенія къ самому себѣ. Въ области же государства это сказывается помраченіемъ въ массахъ высшаго смысла жизни, устройствомъ внѣшнихъ условій и порядковъ жизни, идущихъ въ разрѣзъ съ потребностями и свойствами нормальной человѣческой природы, и перенесеніемъ на государство роли верховнаго начала. Извѣстно, напр., замѣчаніе одного изъ сторонниковъ преобразованія государства на новыхъ основаніяхъ что „государство будущаго явится одновременно и императоромъ и папой“. Все это сопровождается и теоретическимъ и практическимъ подрывомъ достоинства человѣческой личности. По христіанскому ученію, хранимому Церковью, каждый изъ насъ, пусть онъ будетъ слабъ, бѣденъ, преступенъ, какъ носящій въ себѣ образъ Божій (Дѣянія. XVII, 28—29), самъ по себѣ имѣетъ великую цѣну и не можетъ быть обращаемъ въ средство для достиженія какихъ-либо посторонних для него цѣлей. Человѣкъ не поглощается также и человѣчествомъ. Между тѣмъ при отсутствіи христіанскаго духа и пониманія жизни люди, чтобы найдти гдѣ-либо опору, начинаютъ въ основаніе всего полагать интересъ общественный или государственный. Они начинаютъ иногда разсуждать и поступать такъ, какъ будто бы живущій въ данное время человѣкъ представляетъ изъ себя только средство для удобства жизни будущихъ поколѣ-

ній. Нѣкоторыя же новыя стремленія къ переустройству государства, порвавшія связь съ христіанствомъ, прямо допускаютъ, какъ уже само собой разумѣющееся положеніе, возможность и даже необходимость принесенія людей въ жертву еще только теоретическому построенію лучшаго будущаго. Въ основѣ ихъ такъ и проглядываетъ возможность въ концѣ концовъ прямо сказать человѣку: Ты не болѣе какъ навозъ, предназначенный для удобренія почвы, на которой будетъ процвѣтать полная матеріальнаго благосостоянія жизнь другихъ поколѣній. Довольствуйся же этой прекрасной, вполнѣ альтруистической ролью, и жертвуй собой, а то мы и сами пожертвуемъ тобой, ради любви къ тому, что, по нашему увѣренію, будетъ со временемъ. Такъ люди, потерявшіе свѣтъ жизни (Іоан. VIII, 12), перестаютъ понимать собственную природу и сами стараются свести себя къ нулю. Въ другихъ теченіяхъ по вопросу о государствѣ отверженіе христіанства сказывается съ противоположной стороны. Разрывъ связи съ христіанствомъ, которое содержитъ въ себѣ истинное пониманіе человѣческой личности въ ея идеальномъ и обычномъ состояніи, мало по малу подготовляетъ черезъ нихъ почву въ направленіи разрушенія государства. Извѣстно, что въ исторіи политическихъ ученій имѣло большое вліяніе провозглашеніе формальныхъ началъ свободы и равенства съ выводимыми изъ нихъ правами человѣка и гражданина, въ которыхъ государство должно находить свое ограниченіе. Принимая это во вниманіе многіе сторонники правовой теоріи приходятъ къ справедливому признанію нѣкоторыхъ высшихъ нормъ, стоящихъ надъ государствомъ и для него обязательныхъ, но къ сожалѣнію, стараются опирать ихъ не на данныя христіанства, а на требованія естественнаго права. Среди нихъ на первый планъ и выдвигаются неотчуждаемыя права человѣка. Пока такія увлекающія слова, какъ наприм., свобода, и выводимыя изъ этихъ понятій права, прилагаются къ отвлеченному понятію о человѣкѣ, къ личности его какъ существу абстрактному, можетъ казаться, что иныя теоріи способны разрѣшить важный вопросъ объ отношеніи личности и государства. Но стоитъ намъ перейдти отъ теоретическихъ разсужденій въ область конкретной дѣйствительности, къ человѣку облеченному плотью и кровью, имѣть въ виду

его личность, какъ она обнаруживается въ жизни съ ея измѣняющимися мыслями, чувствами и желаніями, съ ея внутреннимъ разладомъ и происходящей въ ней борьбой добра и зла, столь ярко и вѣрно отмѣченныхъ св. ап. Павломъ (Рим. VII, 14—24), и многія заманчивыя, а при болѣе твердомъ и правильномъ основаніи заслуживающія бы полнаго вниманія теоріи, начинаютъ возбуждать немало недоумѣній и вызывать сомнѣніе въ способности устоять при столкновеніи съ суровой дѣйствительностью. Въ формальныя положенія, какъ бы высоки они ни казались, по свидѣтельству опыта жизни, можетъ вкладываться разное нравственное содержаніе. Подъ прекрасными формами можетъ свить себѣ гнѣздо зло и они часто не въ силахъ противодѣйствовать этому. Предоставленіе, наприм., формальной свободы можетъ обращаться въ свободу зла. Указаніе на то, что свобода одного должна ограничивать свободу другаго, не уничтожаетъ возможности этого. Стремленія и черты человѣческой природы, которыя государство призвано сдерживать, направляютъ мысль какъ разъ во имя абстрактныхъ понятій свободы и друг. къ отрицанію самого государства и прокладываютъ путь къ анархизму. Если правовая и другія теоріи о государствѣ дѣйствительно желаютъ заботиться о человѣческой личности, то при надѣленіи ея неотъемлемыми правами и развитіи въ этомъ отношеніи законодательства они не должны довольствоваться отвлеченнымъ понятіемъ о человѣкѣ и игнорировать при этомъ христіанство, раскрывающее значеніе и состояніе человѣческой личности и способное дать твердыя основанія къ болѣе правильному разрѣшенію вопроса объ отношеніи личности и государства. Не слѣдуетъ забывать, что и самое провозглашеніе правъ человѣка, составляющее требованіе современной культуры, произошло подъ разными вліяніями на нее христіанства. Поэтому основывающіяся на нихъ теоріи, но отвергающія при этомъ христіанство, напоминаютъ тѣхъ, кто сталъ бы рубить дерево, на поверхности котораго они пріютились и соками котораго могли бы питаться. При такихъ условіяхъ построенія подобныхъ теорій естественно представляются неопредѣленными и безъ твердой опоры. Они, по выраженію анархистовъ, являются продуктомъ „дряблаго либерализма“, и должны уступить мѣсто ихъ ученіямъ. Формальныя положенія безъ связи

съ нравственнымъ содержаніемъ, очевидно, не достаточны для правильнаго устроенія государства. Они могутъ вести къ отрицанію государства и уже однимъ этимъ обнаруживаютъ свою внутреннюю пустоту. Государству, какъ и отдѣльнымъ людямъ, нужно хорошо помнить предупрежденіе Спасителя: „Кто не со Мною, тотъ противъ Меня и кто не собираетъ со Мною, тотъ расточаетъ“ (Мтѳ. XII, 30). Таково христіанское пониманіе государственной жизни въ отношеніи къ Церкви. И развѣ отсюда можетъ слѣдовать, что государство должно стараться быть равнодушнымъ къ христіанской религіи, игнорировать церковныя цѣли и въ мѣру своей возможности не только не способствовать имъ, но и затруднять ихъ осуществленіе, не предоставляя Церкви нужныхъ для нея матеріальныхъ средствъ? Между тѣмъ большинство сторонниковъ правовой теоріи государства ясно обнаруживаютъ, что она смотритъ на Церковь, какъ на элементъ лишній и по меньшей мѣрѣ безполезный для государства, что съ теченіемъ времени Церковь должна быть совсѣмъ отброшена, а пока съ ней приходится считаться только въ силу необходимости. Въ теоріи этой сидитъ тенденція полнаго отдѣленія Церкви отъ государства. А вѣдь это значитъ не болѣе ни менѣе, какъ присутствіе стремленія лишить Церковь ея священнаго характера въ отношеніяхъ къ ней государства, низвести ее въ разрядъ обыкновенныхъ частныхъ обществъ и учрежденій, какъ наприм., торговыя, промышленныя, благотворительныя и друг., и отнять у Церкви право на особыя услуги со стороны государства къ созданію лучшей матеріальной возможности для осуществленія ея духовныхъ цѣлей. Нужно прямо сказать, что въ послѣднее время подъ вліяніемъ правовой теоріи государства, а еще тѣмъ болѣе нѣкоторыхъ другихъ, обнаруживается явное стремленіе снова сообщить государству языческій характеръ. Для оправданія же такого направленія въ глазахъ людей, признающихъ Церковь и къ ней принадлежащихъ, въ послѣднее время часто начинаютъ указывать на пользу отъ этого для самой же Церкви. „Церковь преслѣдуетъ духовныя задачи, убѣждаютъ теперь нерѣдко, и должна дѣйствовать лишь духовнымъ образомъ. Она царство не отъ міра сего. Чѣмъ меньше Церковь будетъ располагать всякими внѣшними благами и чѣмъ болѣе будетъ даже претерпѣвать отъ

окружающаго міра, тѣмъ возвышеннѣе, чище и духовнѣе будетъ она. Пользованіе матеріальными средствами унижаетъ ея природу и не соотвѣтствуетъ ея великимъ задачамъ. Глава ея Христосъ не имѣлъ гдѣ преклонить Свою главу и указывалъ своимъ послѣдователямъ на птицъ небесныхъ, которые не сѣютъ, ни жнутъ и не собираютъ въ житницы... При такихъ только условіяхъ Церковь и можетъ освободиться отъ связи съ государствомъ, которое пользовалось ею въ своихъ земныхъ цѣляхъ, и своими заботами о ней можетъ только загрязнить ее". Многіе сбитые съ толку современнымъ хаосомъ разныхъ мнѣній и множествомъ сразу выдвинувшихся потребностей государственной и церковной жизни, въ которыхъ они не привыкли разбираться, готовы раздѣлять подобныя соображенія. Но, если по направленію этой точки зрѣнія идти дальше, то вѣдь придется признать, что для Церкви всего полезнѣе быть гонимой, а для ея членовъ самый подходящій путь жизни, когда имъ будутъ создавать внѣшнія затрудненія принадлежности къ Церкви, а пожалуй даже и мучить за приверженность ко Христу. По крайней мѣрѣ тогда уже навѣрное обнаружится искренность ихъ пребыванія въ Церкви и твердость вѣры во Христа, а въ Церкви останутся одни лишь сильные и горящіе духомъ. Отсюда выходитъ, что чуть-ли не самое желательное для Церкви отношеніе обнаружило къ ней древнее римское государство во времена императоровъ Нерона, Декія, Деоклетіана и другихъ жестокихъ гонителей, которые сожигали христіанъ и подвергали ихъ всякаго рода пыткамъ. Если дьяволъ искушалъ Христа требованіемъ превратить камни въ хлѣбъ, то теперь Церковь Его пытаются искусить обратнымъ требованіемъ отказаться отъ хлѣба, согласиться на замѣну его камнями и при этомъ умѣть существовать и дѣйствовать въ окружающемъ матеріальномъ мірѣ. Членовъ Церкви, т. е. особаго общества людей, состоящихъ однако изъ духа и тѣла, нуждающихся въ разнообразныхъ матеріальныхъ средствахъ для своей дѣятельности и подверженныхъ, какъ и само государство, дѣйствію общихъ законовъ, вдругъ подъ видомъ блага самой же Церкви убѣждаютъ устраивать существованіе чуть-ли не независимое отъ этихъ условій! Если нѣкоторые, насколько мнѣ приходилось наблюдать, и поддаются подобнымъ соображеніямъ, то русскій

народъ въ его массѣ, нужно надѣяться, еще понимаетъ, что для Церкви, предназначенной къ дѣятельности на землѣ, необходимы самыя разнообразныя матеріальныя средства и что со стороны представителей церковныхъ интересовъ было бы неблагоразумно и даже преступно передъ Церковью признавать допустимымъ съ церковной точки зрѣнія отдавать церковное имущество на другія цѣли и отказываться отъ его пополненія или отъ созданія для Церкви разныхъ другихъ благопріятныхъ внѣшнихъ условій. Такъ думалъ русскій народъ и государственная власть Россіи на протяженіи всей нашей исторіи. Конечно, изъ этого вовсе не вытекаетъ, чтобы государству была предоставлена черезъ это возможность пользоваться Церковью въ своихъ особыхъ цѣляхъ, какъ это къ сожалѣнію иногда бывало, и чѣмъ теперь стараются прикрываться иные въ своихъ враждебныхъ для Церкви видахъ. Я уже неоднократно обращалъ вниманіе Присутствія, что въ дѣлѣ предстоящихъ преобразованій нужно строго различать преслѣдованіе государствомъ своихъ собственныхъ задачъ въ области Церкви и заботы его о внѣшнемъ благосостояніи Церкви. Перваго быть не должно, а второе требуетъ лишь правильныхъ формъ [1]). Утверждать же, что принятіе—Церковью подобныхъ заботъ отъ государства унижаетъ ея достоинство и вредно для ея цѣлей значитъ не отдавать себѣ яснаго отчета въ ея природѣ и отношеніи къ окружающему міру. Государство, доставляя Церкви матеріальныя блага и разныя юридическія права, облегчающія ея внѣшнее существованіе и дѣятельность, обращаетъ ихъ черезъ это на служеніе высшимъ цѣлямъ человѣческой жизни и—само въ извѣстной степени привлекается къ участію въ этомъ великомъ дѣлѣ. Способствованіе государствомъ по мѣрѣ его возможности церковнымъ цѣлямъ не можетъ не быть полезно для него въ религіозно-нравственномъ отношеніи и есть одинъ изъ видовъ свойственнаго государству служенія Богу. Уже по одному этому Церковь не можетъ отвергать извѣстныхъ заботъ о ней со стороны государства.

---

1) Докладъ I отдѣлу присутствія 31 мая 1906 г. по вопросу объ отношеніяхъ Церкви и государства въ Россіи. Журналъ I отдѣла № 27; Рѣчь въ общемъ собраніи присутствія 13 іюня 1906 г. Н. Д. Кузнецовъ. По Вопросамъ церковныхъ преобразованій отд. Ш.

Милостивыя указанія Спасителя, что въ Его глазахъ имѣетъ значеніе даже чаша холодной воды, поданная Его ученику, небольшая жертва на храмъ, приношеніе для Его помазанія драгоцѣннаго мура,—нѣтъ основаній не относить и къ людямъ, представляющимъ изъ себя и такое коллективное цѣлое, каково государство. Да и развѣ можно думать по отношенію къ Церкви, что фактъ принятія ею матеріальныхъ благъ и разныхъ правъ отъ государства вредитъ ея дѣятельности? Вѣдь блага эти и права не болѣе какъ средство, которое можно употреблять для тѣхъ или другихъ цѣлей. А Церковь стремится все привлекать къ высшему служенію и во все вкладывать иной духъ. Что же говорить о матеріальныхъ благахъ и юридическихъ правахъ, когда Церковь настойчиво призываетъ къ себѣ людей зараженныхъ грѣхомъ и злой волей, и отъ присутствія ихъ не только не боится осквернится, но дѣлаетъ изъ нихъ людей съ другими мыслями, чувствами и желаніями! Если же духовенство иногда и злоупотребляло средствами, получаемыми Церковью отъ государства, то вѣдь это слѣдуетъ лишь предупредить путемъ возможно правильнаго устройства церковнаго управленія. На основаніи подобныхъ фактовъ вовсе нельзя разрѣшать вопросъ принципіально, да еще непремѣнно въ отрицательномъ смыслѣ. Не будемъ забывать, что самъ апостолъ Павелъ во время своего апостольскаго служенія не пренебрегалъ своими правами, соединенными со званіемъ римскаго гражданина, и пользовался ими, когда находилъ это нужнымъ (Дѣянія XXII, 25—29).

Вспомнимъ затѣмъ многихъ великихъ свѣтилъ Церкви временъ вселенскихъ соборовъ, каковы, наприм., св. Григорій Богословъ, св. Іоаннъ Златоустъ, св. Василій Великій и друг., а также соображенія и дѣйствія самихъ соборовъ. Высота ихъ религіознаго созерцанія, сила христіанской вѣры и пониманія задачъ Церкви таковы, что намъ приходиться поучаться у нихъ и ими провѣрять себя. Между тѣмъ они не только не усматривали въ полученіи возможныхъ услугъ отъ государства, сознающаго исключительное значеніе Церкви, чего-либо ее оскверняющаго, но находили, что въ извѣстныхъ случаяхъ оно составляетъ обязанность государства, если оно и съ своей стороны желаетъ въ свою мѣру

послужить дѣлу Церкви [1]). При такихъ условіяхъ какимъ дѣтскимъ лепетомъ могутъ представляться столь нерѣдкія теперь поученія, да еще по адресу цѣлой Церкви, о необходимости ей самой отказаться отъ всякаго допустимаго участія въ ея интересахъ со стороны государства. Если же подобныя поученія исходятъ кромѣ того отъ людей отвергающихъ задачи Церкви или къ ней вообще не принадлежащихъ, то развѣ можно придавать имъ какое-либо серьезное значеніе въ дѣлѣ предстоящихъ преобразованій и не постараться прежде всего отыскать дѣйствительную причину вдругъ обнаруживаемыхъ ими заботъ о благѣ отвергаемой ими Церкви.

Вообще нужно замѣтить, что если бы при устройствѣ въ Россіи правоваго государства вздумали подражать Западной Европѣ и въ дѣлѣ отношенія его къ Православной Церкви, то это было бы построеніе чисто-теоретическое, придуманное и насильственно проводимое въ жизнь. Кромѣ того этимъ была бы разорвана связь съ нашей исторіей и непрерывности развитія Россіи угрожала бы опасность. Ожидаемыя же преобразованія безъ сохраненія должной связи съ историческими особенностями Россіи, какъ государства, не оказались бы покоящимися на живыхъ силахъ, таящихся въ русскомъ народѣ, и не могли бы способствовать его духовнымъ интересамъ. А силы эти, какъ показываетъ исторія и какъ свидѣтельствуютъ по себѣ и по тонкому наблюденію за народной душой такія лица, какъ Достоевскій, Хомяковъ, Аксаковъ и друг., имѣютъ внутреннюю связь съ Церковью, и все, что есть лучшаго въ русскомъ народѣ, такъ или иначе соединено съ нею. „Жить—Богу служить“, цѣлые вѣка твердитъ русскій народъ. Игнорированіе же этого столь важнаго для жизни отношенія со стороны государственной власти и призванныхъ къ законодательству людей при организаціи новаго государственнаго строя было бы не только неуваженіемъ къ высшимъ потребностямъ русскаго народа, но и легкомысленной исторической ошибкой [2]).

---

1) Докладъ I отдѣлу по вопросу объ отношеніяхъ Церкви и государства въ Россіи и Преобразованія въ Русской Церкви. Н. Д. Кузнецова гл. IV стр. 87—90. Москва 1906 г.

2) Нельзя не замѣтить, что нѣкоторые представители науки о государствѣ на Западѣ, обращающіе вниманіе на дѣйствительную жизнь, не

Нужно надѣяться, что русскій народъ и государственная власть не допустятъ разрыва исторической связи государства и Православной Церкви въ Россіи и прекращенія заботъ со стороны государства объ ея матеріальномъ благосостояніи. По крайней мѣрѣ пока государство открыто не объявило объ этомъ, мы не должны исходить изъ иныхъ положеній и по вопросу о церковныхъ и монастырскихъ земляхъ.

„Земля Божія, сказано въ Библіи, твердятъ теперь по поводу аграрной реформы, и вѣрующіе въ Бога и невѣрующіе, при чемъ нерѣдко прямо ссылаются на книгу Левитъ XXV, 23 и друг., и это дѣлается, очевидно, съ цѣлью найти въ Библіи оправданіе для проведенія закона о принудительномъ отчужденіи земель не только частно-владѣльческихъ, но даже и церковныхъ. Однако, ужъ если ссылаться на Библію и прислушиваться къ ея указаніямъ, то нельзя же довольствоваться выхваченными въ ней изъ общей связи отдѣльными выраженіями, да еще вычитанными изъ разныхъ брошюрокъ и газетъ, а нужно уяснить себѣ по возможности все отношеніе Библіи къ вопросу о распредѣленіи земли. Библія дѣйствительно неоднократно напоминаетъ людямъ, что „Господня-земля“ и не только земля, но „и что наполняетъ ее, вселенная и все живующее въ ней. (Псал. XXIII, 1; 1 Коринѳ. X, 26; Лев. XXV, 23; Исх. IX, 29).

---

находятъ возможнымъ проведеніе принципа отдѣленія Церкви и государства. Hinschius, наприм., утверждаетъ, что при существованіи особыхъ исторически сложившихся хорошихъ отношеній между Церковью и государствомъ и исключительномъ положеніи одного вѣроисповѣданія не только нѣтъ реальныхъ условій для ихъ отдѣленія, но черезъ введеніе новыхъ порядковъ могутъ быть разрушены прежнія общественныя соотношенія, оказавшія благотворныя вліянія на народъ. A Bluntschli, наприм., прямо отрицаетъ безразличное отношеніе государства къ религіи. Онъ раздѣляетъ религіозныя общества на признанныя со стороны государства и только имъ терпимыя. Къ первымъ, по мнѣнію Блунчли, должны принадлежать имѣющія значеніе для государства по своему историческому положенію и связи съ его судьбами и благотворно вліяющія на нравы и убѣжденія народа. Подобной Церкви, представляющей Церковь большинства народа, государство можетъ оказывать особый почетъ и уваженіе, приглашать ее къ участію въ общественныхъ дѣлахъ какъ-то въ народномъ образованіи, благотворительности и т. д., и доставлять ей матеріальныя средства. (См. также проф. И. С. Бердникова „Новое государство въ его отношеніи къ религіи“. Казань, 1904 г.).

Что же отсюда должно слѣдовать по дальнѣйшему указанію самой же Библіи относительно земель церковныхъ, которыя только мы здѣсь и имѣемъ въ виду? А вотъ что! Для лучшаго запечатлѣнія этого библейскаго сознанія въ людяхъ и вообще болѣе частаго и реальнаго напоминанія имъ о Богѣ часть земли, на которой проживаетъ данный народъ, должна быть посвящена Богу, т. е. опредѣлена на удовлетвореніе потребностей, связанныхъ съ Богопочитаніемъ, богослуженіемъ, распространеніемъ истиннаго вѣдѣнія о Богѣ, съ содержаніемъ духовенства какъ людей предназначенныхъ для этихъ цѣлей и т. д., при чемъ посвящаемая такимъ образомъ Богу земля должна находиться въ особомъ положеніи и быть изъята изъ общаго гражданскаго оборота. При раздѣлѣ земли участокъ ея въ извѣстныхъ размѣрахъ долженъ былъ быть отдѣленъ для посвященія его Богу. Онъ предназначался для храма и проживанія священниковъ и не могъ быть отчуждаемъ левитами ни продажей, ни обмѣномъ (Іез. XLV, 1, 4 и XLVIII, 9, 10, 14). Ветхозавѣтный законъ категорически повелѣвалъ сынамъ Израилевымъ, чтобы они изъ удѣловъ владѣнія своего дали левитамъ города для жительства и поля для скота ихъ и для имѣнія ихъ и для всѣхъ житейскихъ потребностей ихъ (Числъ XXXV, 2—3; Іис. Навина XXI, 1 Паралип. VI, 64—65). Поля левитовъ въ законѣ названы вѣчнымъ ихъ владѣніемъ и они не могли быть продаваемы (Лев. XXV, 34). Кромѣ того законъ Моисея предоставлялъ посвящать Богу между прочимъ и поле изъ своего владѣнія. Въ извѣстныхъ случаяхъ поле это становилось святынею Господу, какъ бы заклятымъ, и должно было переходить во владѣніе священника (Лев. XXVII, 16, 21). Вообще же все заклятое, что подъ заклятіемъ отдаетъ человѣкъ Господу изъ своей собственности и въ томъ числѣ поле своего владѣнія, законъ воспрещалъ продавать или выкупать. Все заклятое, по его разъясненію, есть великая святыня Господня (Лев. XXVII, 28).

Такимъ образомъ св. Писаніе, разсматривая землю какъ Божію, ясно свидѣтельствуетъ о необходимости отдѣленія части ея для нуждъ Церкви и притомъ въ неприкосновенную ея собственность. Эти указанія Библіи оказали глубокое вліяніе и на отношенія къ вопросу о церковномъ имуществѣ въ христіанской Церкви. На нихъ основывали свои

соображенія соборы и вообще многіе защищавшіе въ этомъ интересы Церкви. Если государство не стремится порвать связь съ религіей, то указанія Библіи должны имѣть въ его глазахъ важное значеніе. Подъ вліяніемъ убѣжденій, въ той или иной степени связанныхъ съ этими указаніями Библіи, русское государство, какъ мы видѣли, и немало частныхъ лицъ до сихъ поръ старались передать часть земель для служенія цѣлямъ церковнымъ. Перешедшія къ Церкви недвижимыя имущества и представляютъ изъ себя нѣчто подобное имуществамъ посвященнымъ Богу, о которыхъ говоритъ Библія. Это какъ бы тѣ поля, которыя Богъ повелѣлъ дать левитамъ для удовлетворенія ихъ житейскихъ потребностей и навсегда оставить въ ихъ владѣніи. Отобрать церковныя земли на другія цѣли—это значило бы поступить какъ разъ вопреки указаніямъ Библіи и долженствующаго быть со стороны государства религіознаго отношенія къ Церкви, что, какъ мы видѣли, оказались способными понять даже татарскіе ханы, властвовавшіе надъ древней Россіей.

Кто желаетъ изучить аграрный вопросъ, а еще тѣмъ болѣе считаетъ себя призваннымъ къ его разрѣшенію, тотъ долженъ затѣмъ хорошо уяснить себѣ и положеніе земельной церковной собственности, ея количество и отношеніе, въ какомъ она находится къ общему количеству земли и другихъ владѣній въ государствѣ. Данныя же эти, конечно, должны быть почерпаемы изъ какихъ-либо серьезныхъ и заслуживающихъ вниманія источниковъ, а не взяты на вѣру изъ брошюръ и газетъ, обыкновенно крайне односторонне и даже съ извращеніемъ фактовъ освѣщающихъ вопросы и уже успѣвшихъ вызвать невѣрныя представленія и по вопросу о монастырскихъ и церковныхъ земляхъ. Въ 1900 году издана работа Н. А. Любинецкаго, которая представляетъ сводъ статистическихъ данныхъ о землевладѣніи церквей и монастырей въ Россіи на основаніи свѣдѣній, имѣющихся въ Св. Синодѣ и относящихся къ 1890 году, и матеріаловъ Центральнаго Статистическаго Комитета. Заимствуя отсюда нужныя намъ свѣдѣнія, мы видимъ, что по даннымъ 1890 года церквамъ принадлежало въ Европейской Россіи земли пахатной около 1164273 десятины, луговой 234257 дес., лѣсной 195478 дес., нераздѣленной на угодья 92550 дес., неудобной

143808 дес., а всего около 1686558 десятинъ. Въ то же время на Кавказѣ разнаго рода церковной земли значилось 72893 дес., изъ которыхъ 5539 дес. неудобной, а во всей Азіатской Россіи всего 104492 десятины и въ томъ числѣ 5019 дес. неудобной. Такимъ образомъ на всей территоріи Россіи церковную собственность составляли лишь 1863943 десятины земли, изъ которыхъ 154366 дес. приходится на долю неудобной. Владѣнія же монастырей оказываются еще значительно меньше. По даннымъ 1890 года, за ними состояло въ Европейской Россіи земли пахатной 122382 десятины, луговой 70601 дес., лѣсной 230670 дес., нераздѣленной на угодья 28308 дес., неудобной 69839 дес., а всего въ Европейской Россіи 451971 дес. На Кавказѣ монастырямъ принадлежало разнаго рода земли 24297 дес. и въ томъ числѣ 3829 дес. неудобной, и въ Азіатской Россіи 20040 дес., и въ томъ числѣ неудобной 2232 дес. Такимъ образомъ на всемъ пространствѣ Россіи монастырской земли всего около 496308 дес., изъ которыхъ 75900 дес. неудобной. Соединяя церковныя и монастырскія земли вмѣстѣ, мы видимъ, что общее количество ихъ должно быть выражено 2360251 десятиной, изъ которыхъ 230266 дес. неудобныхъ [1]).

Эти свѣдѣнія подтверждаются почти и сравненіемъ съ матеріаломъ, собраннымъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ о поземельной собственности церквей и монастырей всѣхъ христіанскихъ исповѣданій [2]). Если цифра два милліона съ небольшимъ десятинъ годной для пользованія земли пожалуй кому-либо и можетъ показаться вообще большой, то лишь по отношенію къ территоріи какихъ нибудь другихъ европейскихъ государствъ, а отнюдь не Россіи. Напомнимъ себѣ, что по свѣдѣніямъ, опубликованнымъ военно-ученымъ комитетомъ Главнаго Штаба въ 1874 году, Европейская Россія занимаетъ пространство въ 4844754, 6 квадратныхъ верстъ, и Азіатская—14520183, 3 кв. верстъ, а всего въ обоихъ частяхъ свѣта территорія Россіи составляетъ 18946496, 3 квадратныхъ верстъ или 21561 450, 6 квадратныхъ километровъ, изъ которыхъ на моря прихо-

---

1) Землевладѣніе церквей и монастырей Россійской имперіи. Н. А. Любинецкаго. Спб. 1900 г. Таблицы I, II и III.

2) Тамъ же. Таблицы XIX и XX.

дится лишь очень незначительная часть [1]). Переводя это пространство земли на десятины, мы получимъ нѣсколько менѣе двухъ милліардовъ десятинъ. Оказывается, церковныхъ и монастырскихъ земель въ Россіи приблизительно около 1/10 процента—ея поверхности, т. е. очень малое количество, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ наприм., въ Азіи оно уже настолько ничтожно, что о немъ едва-ли стоитъ и говорить. Если присоединить сюда цифру православнаго населенія Россіи, большое число церквей и духовенства, то количество принадлежащей Церкви и предназначенной для удовлетворенія всѣхъ ея потребностей земли должно представится не только не большимъ, но еще и не соотвѣтствующимъ всѣмъ этимъ условіямъ. Наконецъ посмотримъ, какое мѣсто занимаетъ церковная собственность по ея количеству среди другихъ главныхъ категорій поземельной собственности. Въ то время какъ церквамъ и монастырямъ принадлежитъ около 2360251 десятинъ, крестьянское землевладѣніе выражается, надѣльное въ количествѣ 98452000 десятинъ, а на правѣ личной собственности 5005000 дес. На долю же дворянскаго землевладѣнія приходится 73163700 дес., купеческаго 9794000 дес. и казеннаго 150410000 дес. [2]). Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи количество церковной недвижимой собственности въ Россіи крайне мало сравнительно съ другими ея видами. Поэтому указанія на необходимость отчужденія церковныхъ земель на ряду съ другими казенными и частно-владѣльческими основано или на простомъ незнаніи всѣхъ отмѣченныхъ здѣсь обстоятельствъ или же на скрытомъ стремленіи во что бы то ни стало лишить Церковь ея имущества. Если въ настоящее время можно говорить о передачѣ крестьянамъ земель казенныхъ и частно-владѣльческихъ, то ужъ никакъ не церковныхъ кромѣ всего другаго и по одному тому, что ихъ слишкомъ мало для такой страны какъ Россія. Переходъ этого небольшаго количества земли къ крестьянамъ, считаемыхъ десятками милліоновъ, немного принесъ бы имъ матеріаль-

---

1) Исчисленіе поверхности Россійской имперіи въ общемъ ея составѣ въ царствованіе Императора Александра II. Н. Стрѣльбицкаго. Изданіе военно-ученаго Комитета Главнаго Штаба. Спб. 1874 г.

2) Н. А. Любинецкій. Землевладѣніе церквей и монастырей. Таблица XXII.

ной пользы, а православной Церкви причинилъ бы большой ущербъ, который вредно отразился бы на духовныхъ интересахъ самихъ же крестьянъ. Недаромъ же русская народная мудрость, содержащая въ себѣ убѣжденія и опыты цѣлыхъ поколѣній, прямо утверждаетъ, что „церковное стяжанье—Божье“ и что „на Божье посягать—свое потерять“ [1]). Не можетъ быть, чтобы и теперь русскій народъ пошелъ въ разрѣзъ съ этимъ своимъ общимъ голосомъ, еслибы его можно было спросить непосредственно. Вообще же въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо слѣдуетъ уяснить себѣ и помнить, что отнятіе у Церкви послѣднихъ земель составило бы для нея невознаградимую потерю. Напрасно нѣкоторые думаютъ, что потеря эта можетъ быть пополнена уплатой Церкви ея стоимости или еще тѣмъ болѣе назначеніемъ въ замѣнъ земли жалованья духовенству изъ государственнаго казначейства. Цѣнность земельной собственности церквей по даннымъ Центральнаго Статистическаго Комитета составляетъ около 116195000 руб., а доходность ея подъ земледѣльческими культурами около 9030000 руб., стоимость же монастырской земли около 26595000 руб. съ доходностью земли подъ земледѣльческими культурами въ 1207813 руб. [2]) Такимъ образомъ, еслибы за церковныя земли была получена ихъ стоимость деньгами или всего скорѣе государственными процентными бумагами въ количествѣ 116195000 руб., то даже съ экономической стороны это было бы невыгодно для Церкви. Процентныя бумаги не могли бы приносить болѣе 4—5%, между тѣмъ какъ доходность церковной земли только отъ земледѣленія составляетъ около 8%. Самая доходность процентныхъ бумагъ со временемъ можетъ понижаться путемъ конверсіи, чего не особенно давно мы и были свидѣтелями.

Наконецъ значительнымъ колебаніемъ подвержена и самая стоимость процентныхъ бумагъ. Государственная 4% Рента на нашихъ глазахъ въ какіе-нибудь 3—4 года упала на 30% и капиталы Св. Синода находящіеся въ этихъ бумагахъ понизились теперь на 1/3 часть ихъ прежней стоимости. Ме-

---

[1]) Пословицы русскаго народа. В. Даля. Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей при Москов. Университетѣ 1861 г. кн. 2.

[2]) Н. А. Любинецкій. Землевладѣніе церквей и монастырей. Таблицы XXIV, XXV и XXX.

жду тѣмъ земельная собственность можетъ представлять болѣе прочное средство матеріальнаго обезпеченія. Она вообще имѣетъ тенденцію увеличиваться въ цѣнности и возрастать въ доходности, при чемъ доходность эта во многомъ зависитъ отъ прилагаемаго къ земли труда и заключается не только въ возможности извлекать изъ земли денежную ренту, но и ренту натурой, которая иногда болѣе важна и выгодна. Со 116 195 000 рублей церковь далеко не могла бы получить въ видѣ денежнаго дохода всего того, что можетъ, дать ей владѣніе принадлежащей ей теперь земельной собственностью и что нужно ей для своихъ цѣлей. Еще менѣе въ интересахъ церкви была бы замѣна владѣнія землей назначеніемъ изъ государственнаго казначейства жалованья духовенству. Не говоря уже о томъ, что владѣніе недвижимостью нужно Церкви не только для содержанія духовенства, но и для другихъ цѣлей, которыя вовсе не могутъ быть достигнуты выдачей жалованья духовенству, вспомнимъ отмѣченное выше показаніе исторіи по этому вопросу. Установленные Екатериной II штаты содержанія духовенства въ какіе-нибудь 30—35 лѣтъ оказались уже не соотвѣтствующими своему назначенію вслѣдствіе происшедшаго въ теченіе этого времени общаго возвышенія цѣнъ и потребовали увеличенія. Хорошо, что Павелъ I нашелъ возможнымъ сдѣлать это. Но вѣдь состояніе государственнаго казначейства не всегда можетъ благопріятствовать этому, а настроеніе правительства и законодателя можетъ измѣняться и, судя по обстоятельствамъ нашего времени, едва-ли въ интересахъ Церкви. Кромѣ того сведеніе обезпеченія духовенства къ полученію жалованья поставитъ его въ большую зависимость отъ государства и будетъ способствовать обращенію его въ чиновниковъ. Для постоянной іерархіи необходимъ источникъ содержанія возможно самостоятельный и прочный, на которомъ возможно менѣе могли бы отражаться какъ случайность настроенія государственной власти, такъ и прихоть паствы. Иначе это можетъ вести къ униженію достоинства духовенства и мѣшать его служенію. Многіе представители русскаго духовенства, у которыхъ понятія политически „праваго“ и „лѣваго“ еще не омрачило пастырскаго сознанія и способность различать интересы Церкви и свои собственныя, какъ ея служителей, за послѣдніе годы не-

рѣдко высказывались на страницахъ разныхъ епархіальныхъ вѣдомостей по вопросу о церковныхъ земляхъ и иногда хорошо указывали на необходимость сохраненія ихъ за церквами. Голоса эти отнюдь нельзя игнорировать.

Такимъ образомъ проведеніе предстоящей аграрной реформы не должно сопровождаться отчужденіемъ земель принадлежащихъ церквамъ. Кромѣ того изъ дѣлъ Св. Синода усматривается, что есть церкви до сихъ поръ еще не надѣленныя землей даже въ установленномъ закономъ количествѣ. Въ виду недостатка земель въ иныхъ губерніяхъ Россіи для надѣленія всѣмъ крестьянамъ многимъ изъ нихъ придется, очевидно, переселяться на новыя мѣста жительства вслѣдствіе чего должны быть выстроены новыя церкви и открыты новые приходы. Во всѣхъ такихъ случаяхъ церкви съ недостающимъ количествомъ земли и вновь выстраиваемыя при распредѣленіи земель должны быть надѣляемы соотвѣтствующимъ количествомъ земли. Во всякомъ же случаѣ по вопросу объ отчужденіи церковныхъ недвижимыхъ имѣній, должна быть спрошена сама Церковь въ лицѣ ожидаемаго собора. Поступить иначе значило бы обнаружить явное неуваженіе къ Православной Церкви и низвести церковныя имущества въ разрядъ обыкновенныхъ. Полученіе согласія Церкви въ подобныхъ случаяхъ установлено даже въ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ въ европейскихъ государствахъ конституціяхъ, наприм. Саксонской Отдѣлъ VI § 60 и Баварской Отдѣлъ IV § 10 1). Поэтому очень странно вели себя иные священники попавшіе въ члены Государственной Думы. Они безъ всякаго уполномочія со стороны Церкви и, даже не считая нужнымъ выслушать ея голосъ, позволили себѣ дѣлать заявленія чуть ли не отъ имени духовенства и даже Церкви объ отобраніи отъ Церкви ея земель согласно желаніямъ добивающихся этого политическихъ партій. Если въ членахъ партій политика уже успѣла повредить способность широко и безъ предвзятой точки зрѣнія смотрѣть на вопросъ особенно же по дѣламъ касающимся Церкви, то священникамъ ужъ не слѣдовало бы забывать, что земли принадлежатъ Церкви, а не духовенству, и служатъ обще-

1) Современныя Конституціи, Сборникъ дѣйствительныхъ конституціонныхъ актовъ, т. I. Спб. 1905 г.

церковнымъ цѣлямъ. Поэтому не только священники, члены Государственной Думы, но и одно духовенство вообще не должно разрѣшать вопросъ объ отчужденіи церковной собственности. Мы уже знаемъ, къ чему повело это въ царствованіе Екатерины II. Въ то время намѣреніе государственной власти отобрать недвижимыя церковныя имѣнія одобрили нѣсколько высшихъ іерарховъ, при чемъ государство по недоразумѣнію приняло это, повидимому, за голосъ всей Церкви. Теперь нѣчто подобное повторяется, кажется, по отношенію къ священникамъ, членамъ Государственной Думы. Они какъ будто упустили изъ виду, что выразителемъ сознанія и блага Церкви является соборъ, а никакъ не нѣсколько священниковъ, избранныхъ въ Думу даже не по церковнымъ основаніямъ и не съ церковными цѣлями. Вмѣсто разъясненія Думѣ о необходимости спросить по вопросу о церковныхъ имѣніяхъ Соборъ они сами начинаютъ вести себя такъ, какъ будто-бы имъ кто-то ввѣрилъ интересы Церкви. Думскія же партіи и политическіе дѣятели, конечно, готовы пользоваться въ своихъ цѣляхъ выгодными для нихъ дѣйствіями священниковъ и видѣть въ ихъ заявленіяхъ, какъ идущихъ отъ лицъ духовныхъ, чуть-ли не истинный голосъ Церкви. Нельзя также не пожалѣть, что замѣчаніе это приходится дѣлать относительно священниковъ, которые, повидимому, вполнѣ раздѣляютъ мысли о необходимости оживленія въ Русской Церкви соборнаго начала и жалуются на деспотизмъ епископовъ и подавленіе ими именно этого начала.

## В.

Вопросъ объ отобраніи земель собственно у монастырей въ настоящее время осложняется еще тѣмъ, что для оправданія такой мѣры стараются подорвать право на самое ихъ существованіе. Монастыри совершенно излишни, ихъ слѣдуетъ позакрывать, все имущество монастырей нужно обратить на другое назначеніе, а земли ихъ передать крестьянамъ,—вотъ какіе разговоры часто приходится теперь слышать въ извѣстной части общества. Въ дополненіе къ этому въ литературѣ раздаются голоса, что монастыри виноваты еще чуть ли не въ извращеніи христіанства, которое они будто бы свели къ аскетическому идеалу, оторванному отъ дѣйствительной человѣческой жизни съ ея общественными

потребностями и построенному не на ощущеніи радостей бытія, а на самоограниченіи и отрицаніи земной жизни. Раболѣпствующіе передъ духомъ времени публицисты подхватываютъ эти мысли и въ разныхъ газетныхъ статейкахъ и замѣткахъ выражаютъ недовольство уклоненіемъ монастырей отъ необходимой, по ихъ мнѣнію, общественной дѣятельности, и съ свойственнымъ имъ легкомысліемъ производятъ отрицательную оцѣнку такого великаго проявленія силы и мощи человѣческаго духа, какое представляетъ христіанскій аскетизмъ, да притомъ еще подъ яснымъ вліяніемъ побужденій политическихъ и представляющагося имъ несоотвѣтствія аскетизма съ программами тѣхъ или иныхъ партій. Одинъ изъ такихъ публицистовъ, захваченныхъ политиканствующей религіозностію, и почти идолопоклонническимъ стремленіемъ все оцѣнивать интересами текущаго политическаго момента недавно договорился, наприм. до того, что въ большинствѣ подвижниковъ, признаваемыхъ Церковью святыми, онъ, повидимому, усмотрѣлъ не красносотенниковъ, а черносотенниковъ, т. е. людей самыхъ правыхъ политическихъ партій, и отсюда пришелъ къ выводу, что Церковь не можетъ разсчитывать на привлеченіе къ себѣ современнаго общества и завязать связи съ культурой, пока не преобразуетъ своихъ взглядовъ. Вотъ между прочимъ хорошій примѣръ, что въ послѣднее время у немалаго числа людей въ Россіи многія понятія точно сдвинулись съ своихъ мѣстъ и перемѣшались въ головахъ. При такихъ условіяхъ я считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ по поводу не только монастырскихъ земель, но и самихъ монастырей.

Изученіе исторіи монашества и сочиненій выдающихся его представителей приводитъ къ заключенію, что монашество вовсе не претендуетъ замѣнить собой принесенный христіанствомъ идеалъ жизни, а представляетъ лишь одинъ изъ способовъ его осуществленія [1]), при чемъ вызывается онъ не отрица-

---

1) Вотъ какъ разсуждаетъ по этому вопросу одинъ изъ наиболѣе строгихъ представителей монашества: „Посты, бдѣнія, упражненія въ св. Писаніи, нищета, расточеніе всего имущества не составляютъ совершенства, но суть только средства къ совершенству, такъ какъ не въ нихъ состоитъ цѣль жизни монашеской, но посредствомъ ихъ достигается цѣль. Напрасно будетъ упражняться въ нихъ тотъ, кто довольствуясь ими какъ высшимъ благомъ, вниманіе своего сердца будетъ привязы-

ніемъ земной жизни, а обычными ея нормальными условіями, которыя слишкомъ проникнуты грѣховностью. Грѣховность эта, какъ показываетъ даже самое поверхностное самонаблюденіе, дѣйствуетъ въ каждомъ изъ насъ (Гал. V, 17. Рим. VII, 15—24). Она такъ и высматриваетъ изъ большинства учрежденій и порядковъ частной и общественной жизни. Грѣховность является препятствіемъ на пути христіанской жизни, и съ ней не возможны компромисы, а нужна извѣстная борьба при помощи христіанства. Одинъ изъ главныхъ моментовъ этой борьбы составляетъ стремленіе культивировать лучшія стороны человѣческой природы и подавлять грѣховныя. Между тѣмъ окружающая жизнь обыкновенно дѣйствуетъ какъ разъ наоборотъ. И вотъ у людей, одушевленныхъ желаніемъ слѣдовать христіанству и сознающихъ невозможность измѣнить окружающія условія и ихъ вредное на себѣ вліяніе, естественна потребность стараться устраивать иныя формы и порядки жизни, которыя не только не давали бы пищу для развитія гнѣздящихся въ насъ страстей, но и были бы разсчитаны на ихъ искорененіе. Монашество отрицаетъ не земную жизнь въ ея нормальномъ видѣ, принесенномъ христіанствомъ, а земную жизнь въ ея грѣховныхъ формахъ и направленіяхъ. Напомнимъ себѣ идущее изъ глубины вѣковъ замѣчаніе по этому поводу св. Іоанна Златоуста, хорошо знавшаго монашескую и общественную жизнь своего времени: „Хотѣлъ бы и я, говоритъ онъ лицамъ настроеннымъ враждебно противъ монашеской жизни, не меньше, а гораздо

---

вать только къ нимъ и ревность къ добродѣтели не будетъ простирать, къ достиженію цѣли, для которой только ихъ нужно и желать. Это значило бы имѣть орудія для искусства и не знать его цѣли, въ которой состоитъ весь плодъ... Не столько пріобрѣтенія отъ поста, сколько потери отъ гнѣва и не столько получается плода отъ чтенія, сколько вреда отъ презрѣнія брата. Итакъ, посты, бдѣнія, отшельничество, размышленія о св. Писаніи нужны для главной цѣли, т. е. чистоты сердца, которая есть любовь. Изъ за нихъ не должно нарушать эту главную добродѣтель, при цѣломъ невредимомъ сохраненіи которой у насъ не будетъ никакого недостатка, еслибы по необходимости и было опущено что-либо изъ сказанныхъ подвиговъ, (поста, бдѣнія и проч.). Также не будетъ пользы все то исполнить, если не будетъ у насъ главной добродѣтели (любви), для которой все то и должно быть совершаемо. (Писанія преп. Іоанна Кассіана Римлянина. Собесѣдованіе I о цѣли монаха, глава VII Москва 1877 г.).

больше васъ, и часто молилъ, чтобы миновалась надобность въ монастыряхъ и такой бы насталъ добрый порядокъ въ городахъ, чтобы никому никогда не нужно было убѣгать въ пустыню. Но такъ какъ все пошло вверхъ дномъ, и города, гдѣ судилища и законы полны великаго беззаконія и неправды, а пустыня произращаетъ обильный плодъ любомудрія, то справедливость требуетъ, чтобы вы винили не тѣхъ, которые желающихъ спастись исторгаютъ изъ этой бури и волненія и руководятъ къ тихой пристани, но тѣхъ, которые каждый городъ дѣлаютъ столь недоступнымъ и непригоднымъ для любомудрія, что желающіе спастись принуждены бываютъ убѣгать въ пустыни [1]). Монахи, по разъясненію св. Іоанна Златоуста, стремятся исполнять тѣ же обязанности, которыя установлены и для каждаго христіанина, и всѣ они отвѣтственны за ихъ неисполненіе. Ты очень заблуждаешься и обманываешься, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, если думаешь, что иное требуется отъ мірянина, а другое отъ монаха. Различіе между ними въ томъ, что одинъ вступаетъ въ бракъ, а другой нѣтъ, во всемъ же прочемъ они подлежатъ одинаковой отвѣтственности. Всѣмъ людямъ должно восходить на одну и ту же высоту. Мы привлекаемъ въ монастыри, чтобы люди избѣгали грѣха и любили добродѣтель. „Если бы кто, замѣчаетъ св. Іоаннъ Златоустъ, представилъ надежное ручательство, что дѣти при воспитаніи въ городѣ пріобрѣтутъ добродѣтель, я не вывелъ бы въ пустыню пріобрѣвшихъ такое искусство, напротивъ тогда особенно и посовѣтовалъ бы имъ оставаться въ городѣ и не похвалилъ бы тѣхъ, которые стали бы склонять ихъ къ бѣгству, но отнесся бы къ нимъ какъ къ врагамъ общественной жизни, такъ какъ, срывая свѣтильники и унося свѣтила изъ города въ пустыню, они лишили бы живущихъ тамъ величайшихъ благъ. Но дѣти прежде краснорѣчія научаются порокамъ и теряютъ силу души и все доброе расположеніе [2]). Вообще для правильнаго понятія о монастырской жизни нужно выслушивать тѣхъ, кто является ея истинными представителями, а не руководствоваться одними ходячими и обыкно-

1) Къ враждующимъ противъ привлекающихъ къ монашеской жизни Слово I. Полное собраніе твореній св. Іоанна Златоустаго, т. I кн. I изданіе Петербургской духовной академіи. Спб. 1898 г.

2) Тамъ же, Слово III. Къ вѣрующему отцу.

венно очень поверхностными сужденіями по этому вопросу. Развѣ можно, напр., утверждать, что монашеская жизнь, разъясняемая однимъ изъ ея первыхъ устроителей св. Василіемъ Великимъ, есть отрицаніе земной жизни? То общеніе жизни называю совершеннѣйшимъ, говоритъ св. Василій Великій по поводу монашескаго общежитія, изъ котораго исключена собственность имущества, изгнана противоположность расположеній, въ которомъ съ корнемъ истреблены всякое смятеніе, споры и ссоры, все же общее и души и расположенія и тѣлесныя силы и, что нужно къ питанію тѣла и на служеніе ему, въ которомъ одинъ общій Богъ, одна общая купля благочестія, общее спасеніе, общіе подвиги, общіе труды, общіе вѣнцы, въ которомъ многіе составляютъ одно и одинъ не единственень, но во многихъ. Что равняется сему житію? Что совершеннѣе такой близости и такого единенія? Что пріятнѣе этого сліянія нравовъ и душъ? Люди, подвигшіеся изъ разныхъ племенъ и странъ, привели себя въ такое совершенное тождество, что во многихъ тѣлахъ видится одна душа и многія тѣла оказываются орудіями одной воли. Немощной тѣломъ имѣетъ у себя многихъ сострадущихъ ему расположеніемъ; больной и упадающій душой имѣетъ у себя многихъ врачующихъ и возстановляющихъ его [1]). Подобные же взгляды съ свойственной ему силой и яркостью мысли выражаетъ и св. Іоаннъ Златоустъ [2]). Вѣдь даже мечтающіе теперь объ устроеніи именно земной жизни по идеямъ равенства и братства, хотя и оторванные отъ связи съ пониманіемъ дѣйствительнаго состоянія человѣческой природы и въ противорѣчіе этимъ идеямъ допускающіе насильственные способы ихъ осуществленія, и тѣ— едва-ли не признали бы желательной описываемую здѣсь жизнь, но конечно, помимо ея религіозной основы. Кромѣ того въ исторіи жизни того или другаго подвижника нерѣдко попадаются указанія, что монашество далеко не отвергаетъ возможность спасенія и въ обыкновенной жизни и не сводитъ христіанство къ одному аскетическому идеалу. О св. Антоніи, который какъ извѣстно проводилъ одинъ

[1]) Творенія св. Василія Великаго. Часть V Подвижническіе уставы, глава XVIII Москва 1858 г.

[2]) Бесѣды на Евангелиста Матеея: 68, 69, 70, 72 и Слова къ враждующимъ противъ привлекающихъ къ монашеской жизни.

изъ наиболѣе аскетическихъ образовъ жизни, замѣчено, что несмотря на его подвиги Антоній еще не достигъ духовнаго состоянія одного башмачника въ Александріи, который, живя по христіански, считалъ себя ниже всѣхъ [1]). Въ другой разъ Антоній узналъ, что ему равенъ одинъ врачъ въ городѣ, отдающій избытки свои нуждающимся и ежедневно молящійся съ ангелами [2]). Относительно св. Пафнутія передаютъ, что подобными ему по духовному состоянію были признаны разные лица, живущіе въ міру. Одинъ христіанинъ флейтщикъ въ городѣ, который однажды защитилъ отъ разбойниковъ дѣвицу и выкупилъ семейство попавшее въ тяжелое рабство за долги. Одинъ купецъ христіанинъ въ Александріи, который всю прибыль отъ торговли издерживалъ на бѣдныхъ и монаховъ, и старшина христіанинъ одного селенія, который принималъ странниковъ, помогалъ бѣднымъ, никого не обижалъ и воспитывалъ дѣтей въ страхѣ Божіемъ. При описаніи же жизни св. Макарія Великаго мы встрѣчаемъ замѣчаніе, что по духовному совершенству онъ былъ объявленъ ниже двухъ женщинъ, бывшихъ замужемъ за родными братьями [3]). Подобно этому два старца—подвижника узнали, что они еще не достигли степени совершенства жителя одного селенія Евхариста и жены его Маріи [4]). Гдѣ же во всемъ этомъ столь усердно навязываемое теперь монашеству отрицаніе земной жизни? Наконецъ не слѣдуетъ забывать, что монашество, какъ свидѣтельствуетъ его исторія, обнаруживало и большое общественное значеніе, чего не могло бы быть, если бы оно не имѣло основаній въ условіяхъ дѣйствительной жизни и даннаго состоянія человѣческой природы. Уже одинъ фактъ стремленія осуществлять на землѣ христіанскую жизнь и создать для этого иную внѣшнюю обстановку, доступную зрѣнію каждаго и приглашающую къ себѣ всѣхъ желающихъ, оказался способнымъ сильно вліять на людей и пріобрѣлъ важное церковное и общественное значеніе.

---

[1]) Писанія св. Антонія Великаго. Москва 1883 г. стр. 118.

[2]) Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ св. отцовъ. Москва 1845 г. № 24 стр. 9.

[3]) Общій очеркъ жизни иноковъ египетскихъ въ IV и V вѣкахъ. Проф. П. Казанскаго. Прибавленіе къ творенію св. отцовъ, 1871 г. № 4, стр. 157.

[4]) Достопамятныя сказанія, стр. 74.

На почвѣ именно монашескаго образа жизни появились столь великіе въ нравственно-духовномъ отношеніи личности, которые ясно свидѣтельствовали о его важномъ значеніи для человѣчества и которые не только для своихъ современниковъ, но и для насъ, отдѣляемыхъ отъ нихъ цѣлыми вѣками, служатъ нравственно духовными возбудителями къ высшей духовной жизни и ея наставниками. Я уже не говорю здѣсь объ оставленныхъ ими сочиненіяхъ, въ которыхъ они говорятъ, какъ люди по собственному опыту и наблюденію надъ другими глубоко проникшіе въ человѣческую природу. Они раскрываютъ въ ней передъ нами великія красоты и показываютъ такія черты, какіе обыкновенно скрыты отъ насъ подъ слоемъ разныхъ другихъ впечатлѣній и настроеній. Сочиненія ихъ—это психологія человѣческой души на высшихъ ступеняхъ ея духовнаго развитія, и по нимъ мы можемъ узнавать ея важныя свойства и природу.

Примѣры жизни св. Антонія и св. Пахомія, учредителя монашескаго общежитія, нашли большой откликъ въ тогдашнемъ обществѣ. Въ пустыняхъ Египта, по замѣчанію историковъ, было почти столько же иноковъ, сколько народу въ городахъ [1]). Мало-по-малу къ монахамъ, особенно въ лицѣ ихъ высшихъ представителей, начали приходить и люди, оставшіеся жить въ міру. Они убѣдились на опытѣ, что монахи, упрекаемые въ отрицаніи земной жизни, могутъ однако удовлетворять разнымъ ихъ насущнымъ нуждамъ. Мірскіе люди шли къ нимъ за совѣтомъ, молитвою, наставленіемъ, утѣшеніемъ и даже матеріальною помощью, и уходили отъ нихъ, кто съ проясненнымъ сознаніемъ, кто укрѣпленный духомъ, а кто получившимъ и пособіе. Обыкновенно монахи занимались рукодѣліемъ, иногда огородничествомъ и садоводствомъ, часто во время жатвы нанимались у землевладѣльцевъ жать хлѣбъ и получали плату хлѣбомъ. Руфинъ, напр., прямо утверждаетъ, что обычай наниматься на работу во время жатвы былъ распространенъ вообще между всѣми египетскими иноками [2]). Все это и давало имъ возможность кормиться трудами рукъ своихъ и оказывать матеріальную

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Жизнь пустынныхъ отцовъ. Глава XVIII. Переводъ съ латинскаго свящ. М. Хитрова Сер. Пос. 1898 г.

помощь нуждающимся и заключеннымъ въ темницахъ. О вліяніи, напр., св. Антонія св. Афанасій Великій замѣчаетъ: „Кто, если приходилъ къ нему печальнымъ, возвращался отъ него не радующимся? Кто, если приходилъ къ нему проливающимъ слезы объ умершихъ, не оставлялъ тотчасъ своего плача? Кто, если приходилъ гнѣвнымъ, не перемѣнялъ гнѣва на кротость? Какой нищій, пришедшій къ нему въ унынiи, послушавъ его и посмотря на него, не начиналъ презирать богатство и не утѣшался въ нищетѣ своей“ [1]). Св. Іоаннъ Златоустъ, разъясняя съ своей стороны значеніе монастырей, обращаетъ вниманіе, что бѣдняки уходятъ оттуда съ утѣшеніемъ въ своей бѣдности, богатые возвращаются лучшими и съ здравыми понятіями о вещахъ, облеченные саномъ теряютъ тамъ свою обычную надменность [2]). Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ также, что по указанію монаховъ люди готовы были тратить большіе суммы на дѣла благотворенія [3]). Извѣстно, что даже римскіе императоры, привыкшіе, чтобы передъ ними все трепетало, вступали въ переписку и бесѣды съ подвижниками, иногда спрашивали ихъ совѣта и вообще въ отношеніяхъ съ ними какъ бы разоблачались отъ своего величества и начинали чувствовать, что и они грѣшные люди, подлежащіе нравственной отвѣтственности. Въ глазахъ многихъ жизнь подвижниковъ производитъ впечатлѣніе и обнаруживаетъ ихъ величіе тѣмъ, что они—не рабы ни духа времени, ни народа, ни общепринятаго строя жизни, ни общественнаго мнѣнія, столь обезличивающихъ и подавляющихъ большинство человѣчества, а напротивъ обладаютъ безграничной энергіей и силой духа—стать внѣ среды, чтобы тѣмъ глубже воздѣйствовать на ту же среду [4]). Монашеская жизнь вызывала уваженіе даже со стороны язычниковъ, и они посѣщали монастыри, чтобы посмотрѣть и поговорить съ ихъ подвижниками. Какое значеніе въ глазахъ людей получили монастыри, хорошо

---

[1]) Жизнь преп. Антонія, описанная св. Афанасіемъ въ посланіи къ инокамъ, пребывающимъ въ чужихъ странахъ. Творенія св. Афанасія Александрійскаго. Часть Ш. Москва 1853 г. стр. 278.

[2]) Бесѣды на Евангелиста Матѳея. Ч. Ш. Бесѣда 69.

[3]) Слова къ враждующимъ противъ монашеской жизни. Слово II.

[4]) Предисловіе свящ. М. Хитрова къ переводу сочиненія Руфина: Жизнь пустынныхъ отцовъ.

показываетъ императоръ Юліанъ Отступникъ. При своей борьбѣ съ христіанствомъ въ противовѣсъ ему онъ намѣревался, кромѣ домовъ для странниковъ и убогихъ устроить и языческіе мужскіе и женскіе монастыри [1]).

Столкновеніе съ иной обстановкой жизни, напоминающей о высшихъ ея задачахъ, въ которой не имѣютъ значенія обыкновенныя земныя различія, богатство и бѣдность, знатность и незначительность положенія, гдѣ все разчитано на высшія цѣли, очевидно, само по себѣ способно производить впечатлѣніе на человѣка и пробуждать въ его душѣ какіе-то интересы, обыкновенно подавляемые въ сутолокѣ окружающей жизни. Монашескій идеалъ не препятствовалъ занятію и такими важными дѣлами, какъ воспитаніе и обученіе дѣтей. По свидѣтельству св. Василія Великаго, монахи принимали къ себѣ дѣтей, у которыхъ нѣтъ родителей, чтобы по примѣру Іова (Іова XXIX, 12) быть отцами сиротъ [2]). На эту сторону монашеской жизни, какъ извѣстно обращалъ вниманіе и св. Пахомій Великій. Онъ сравниваетъ дѣтей съ землей, которая приноситъ или благіе плоды, если ее воздѣлывать съ заботливостью, или терніе, если оставляютъ невоздѣланною и безъ надзора, хотя бы и брошены были въ нее сѣмена добрыя. „Поэтому мы, говорилъ св. Пахомій монахамъ, должны имѣть особенное попеченіе о дѣтяхъ, какъ повелѣлъ намъ Господь; тогда можемъ надѣяться, что онъ будетъ милостивъ и къ нашимъ душамъ [3]).

Св. Василій Великій составилъ даже правила о содержаніи при монастыряхъ дѣтей, которыхъ обучали тамъ и разнымъ искусствамъ и ремесламъ. [4]) Какъ въ Египтѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ при монастыряхъ были училища. Основателемъ и первымъ наставникомъ Эдесскаго училища былъ, наприм., извѣстный св. Ефремъ Сиринъ. До насъ дошли свѣдѣнія объ училищѣ при монастырѣ св. Саввы Освященнаго,

---

[1]) Созоменъ. Церковная исторія, кн. V, гл. 16. Спб. 1851 г. и св. Григорій Богословъ. Первое обличительное слово на царя Юліана. Творенія св. Григорія Богослова, часть 1, слово 4, Москва 1889 г.

[2]) Правила пространно изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ. Вопросъ 15. Творенія св. Василія Великаго, ч. V Москва 1858 г.

[3]) Исторія православнаго монашества на востокѣ. Проф. Петра Казанскаго ч. I, Москва 1854 г. стр. 164.

[4]) Правила пространно изложенныя. Вопросъ 15.

при монастырѣ Студійскомъ и друг. По вопросу о значеніи монастырскаго обученія св. Іоаннъ Златоустъ сообщаетъ, что изъ монастырскихъ училищъ выходило столь же мало дурныхъ воспитанниковъ, сколь много изъ училищъ мірскихъ. Обращая вниманіе на извращеніе въ окружающемъ обществѣ понятій добра и зла, св. Іоаннъ Златоустъ совѣтовалъ родителямъ отдавать дѣтей на воспитаніе въ монастыри и оставлять ихъ тамъ, пока въ нихъ укоренятся сѣмена благочестія, они окрѣпнутъ духомъ и сдѣлаются способны различать добро и зло. Кромѣ того при монастыряхъ существовали особые дома для пріема странниковъ, въ которыхъ прибывшіе могли по-долгу проживать на средства монастыря и которые по тогдашнему времени составляли большое благодѣяніе [1]). При монастыряхъ устраивались также богадѣльни и больницы, что, наприм., видно изъ житій преп. Ѳеодосія, Иларіона, Никиты Исповѣдника и друг. По словамъ Палладія, автора Лавсаика, пресвитеръ Серапіонъ, настоятель многихъ монастырей и игуменъ братства числомъ до десяти тысячъ, черезъ братію собиралъ множество хозяйственныхъ припасовъ. Во время жатвы всѣ они приносили къ нему плоды, которые получали вмѣсто платы за уборку полей у сосѣднихъ владѣльцевъ. И все это Серапіонъ употреблялъ на вспомоществованіе бѣднымъ, такъ что никто не терпѣлъ нужды въ окрестности: хлѣбъ отсылали бѣднымъ даже въ Александрію. „И другіе отцы, прибавляетъ Палладій, жившіе по Египту отъ трудовъ братіи посылали бѣднымъ въ Александрію корабли, наполненные хлѣбомъ и одеждою... [2]) Нельзя не указать также на дѣятельность св. Ефрема Сиріанина. Во время голода въ странѣ, гдѣ была Эдесса, св. Ефремъ вышелъ изъ своей кельи, побудилъ богатыхъ людей придти на помощь бѣднымъ; на полученныя отъ нихъ деньги устроилъ дома съ разными отдѣленіями, поставилъ въ нихъ до 300 кроватей, заботился о больныхъ, кормилъ голодныхъ, погребалъ умиравшихъ. По окончаніи же голода онъ возвратился въ свою келью [3]).

---

[1]) Лавсаикъ. Палладія, епископа Еленопольскаго, § 7, стр. 28; Переводъ съ греческаго. Спб. 1873 г.

[2]) Тамъ же, § 67, стр. 266 и Жизнь пустынныхъ отцовъ. Руфина глава XVIII.

[3]) Лавсаикъ § 86, стр. 310—311.

Наконецъ вспомнимъ объ участіи монаховъ въ дѣлѣ распространенія христіанства и поддержанія его правильнаго ученія. Св. Антоній Великій, наприм., услыша о гоненіи и мученіяхъ христіанъ, оставилъ пустыню. Онъ отправился стать во главѣ ихъ и подкрѣплять въ вѣрѣ. По словамъ біографа св. Антонія, во время непродолжительнаго пребыванія въ Александріи Антоній обратилъ ко Христу столько людей, сколько въ другое время обращали въ теченіе года. Немалая роль принадлежала монахамъ въ борьбѣ съ аріанствомъ. Народъ слѣдовалъ преимущественно за ними и аріане очень старались привлечь на свою сторону монаховъ, не останавливаясь для этого передъ угрозами и насиліями [1]). Какъ ярко выступаетъ дѣятельность представителей аскетическаго идеала, полная силы и твердости духа, въ эпоху иконоборческихъ смутъ, наприм., въ лицѣ св. Іоанна Дамаскина, св. Ѳеодора Студита и друг.! Кому не извѣстна ихъ миссіонерская дѣятельность, наприм., въ лицѣ св. Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей славянъ?—Вотъ что свидѣтельствуетъ о монашествѣ его исторія, которая естественно входитъ какъ составная часть и въ исторію Православной Церкви. „Какъ непонятна была бы исторія Церкви въ первые три вѣка христіанства, замѣчаетъ проф. П. Казанскій, безъ исторіи мученичества, такъ непонятна была бы исторія послѣдующихъ вѣковъ безъ исторіи монашества [2]). Вообще монашество много послужило Церкви, и развѣ оно не обнаружило великой христіанской общественной дѣятельности и высшихъ заботъ о людяхъ? Не представляетъ-ли фактъ возникновенія монашества и фактъ его значенія ясное доказательство необходимости для нашей природы, въ ея теперешнемъ состояніи, извѣстной степени аскетизма въ дѣлѣ осуществленія христіанской жизни. Не забудемъ, что вѣдь и передъ пришествіемъ въ міръ Христа предтечею Его явился св. Іоаннъ Креститель, суровый аскетъ и отшельникъ, который и подготовлялъ сознаніе и сердца людей къ принятію Спасителя. Фактъ этотъ очень знаменателенъ по вопросу объ аскетизмѣ. Очевидно, обыкновеннымъ людямъ гораздо

[1]) Созоменъ. Церковная исторія, кн. VI, глава 20, и Сократъ. Церковная исторія кн. IV, гл. 24. Спб. 1850 г.; Письма св. Василія Великаго къ монахамъ, №№ 248 и 249. Творенія, часть VII, Москва 1854 г.

[2]) Исторія православнаго монашества на востокѣ, часть I, стр. 23.

легче было послѣдовать Христу, послѣ того какъ ихъ вниманіе было привлечено св. Іоанномъ Предтечей, представшимъ яркій образъ самоотреченія въ цѣляхъ высшей жизни и призывавшимъ ихъ къ покаянію. Аскетическому идеалу въ лицѣ св. Іоанна Крестителя должно было подготовить человѣческую природу и какъ бы расчистить въ ней путь для міроваго идеала Спасителя. Не ясное-ли это указаніе и по отношенію къ нашей жизни, что въ ней должна быть извѣстная доля аскетизма, т. е. борьба съ своею грѣховностью, для положительнаго развитія въ насъ христіанской жизни! Если св. Іоаннъ заявилъ, что онъ не достоинъ развязать ремень на обуви Спасителя, то намъ нѣчто подобное приходится высказать о себѣ по отношенію къ самому Іоанну Крестителю и многимъ великимъ христіанскимъ подвижникамъ. Къ этимъ лицамъ также справедливо относятъ замѣчаніе апостола: тѣ, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущельямъ земли (Евр. XXI, 38).

При такихъ условіяхъ по отношенію къ современнымъ стремленіямъ унизить монашество во имя возстановленія чистоты христіанскаго идеала естественно можетъ закрадываться подозрѣніе, да не извращаютъ-ли они сами христіанскій путь жизни. Эти подозрѣнія еще болѣе усиливаются, когда мы обратимъ вниманіе на игнорированіе при этомъ вопроса о грѣхѣ и упреки монашеству за его склонность предпочитать печаль, окружать себя преимущественно ея символами и отвергать радости жизни.

Голоса, порицающіе такимъ образомъ монашество, часто кромѣ того сливаются съ другими, которые поучаютъ современное общество приблизительно такъ: берегите человѣческую природу, какъ она есть и давайте просторъ свойственнымъ ей влеченіямъ. Иначе вы будете только портить свою природу и насиловать ея стремленія. Не имѣя возможности разбирать здѣсь подобныя возраженія противъ монашества и значеніе ихъ передъ судомъ христіанства, замѣчу лишь, что они очень напоминаютъ то, что высказывали о монашествѣ еще язычники подъ очевиднымъ вліяніемъ языческаго взгляда на жизнь, какъ на погоню за удовольствіями и какъ на какой-то вѣчный праздникъ. Ливаній, наприм., въ своей рѣчи въ защиту языческихъ храмовъ, для опроверженія зна-

ченія монашества указывалъ, что оно усматриваетъ добродѣтель въ печали и ношеніи траурныхъ одеждъ. Жизнь, посвященная покаянію и внѣ обычныхъ удовольствій, къ которымъ столь часто примѣшивается вліяніе грѣха, казалась язычникамъ глупостью. Между тѣмъ христіанство въ условіяхъ теперешней жизни вслѣдствіе присутствія въ ней грѣха требуетъ покаянія, которое содержитъ въ себѣ моментъ печали. Оно признаетъ блаженными плачущихъ, а не смѣющихся... (Матѳ. V, 4; Лук. V, 21, и 25) [1]). Только черезъ христіанскую печаль, какъ хорошо показываетъ и жизнь подвижниковъ, человѣкъ доходитъ и до переживанія настоящихъ радостей бытія [2]). Къ этому, конечно, стремятся и современные отрицатели идеи монашества, но по ошибкѣ и духовной неопытности готовы принимать вмѣсто нихъ просто удовольствія, соединенныя съ забвеніемъ христіанскаго смысла жизни, обыкновенно повергающія человѣка въ пучину рабства и безволія. По поводу ходячихъ въ обществѣ мнѣній о монашествѣ нерѣдко прямо припоминается замѣчаніе Московскаго митрополита Филарета въ одномъ изъ его словъ въ день памяти преп. Сергія: „Гордость міра не позволяетъ ему признаться, что онъ оставленъ (лицами подобными св. Сергію) какъ недостойный, и потому онъ старается увѣрить

---

[1]) Ср. Мтѳ. V, 10 и 11; Лук. XXIV, 26; Дѣян. XIV, 22; 2 Корин. VII, 8—11.

[2]) Представители аскетическаго идеала также говорятъ о радости и считаютъ даже необходимымъ присутствіе ея въ душѣ. И разъясненію, наприм., св. Антонія Великаго, человѣкъ по очищеніи своей души отъ эгоистическихъ страстей получаетъ радость Господню, которая пребываетъ съ нимъ день и ночь, оживляетъ его разумъ и питаетъ его. Этою радостью возрастаетъ душа и является годною на все или совершенною и ею восходитъ на небо. Въ присутствіи этой радости человѣкъ становится неутомимымъ, не гнѣвается при людскихъ напраслинахъ и не боится никого, ни человѣка, ни звѣря, ни духа (Писанія св. Антонія Великаго. Наставленія § 53. Москва 1883 г.). Самый процессъ монашеской жизни вовсе не долженъ сопровождаться какимъ то тягостнымъ или подавленнымъ состояніемъ духа, какъ хотятъ представить его нѣкоторые, враждебно настроенные противъ монашества и, повидимому, невѣрно его понимающіе. По свидѣтельству св. Іоанна Кассіана, очень строгіе подвижники утверждаютъ: „Воздержаніе поста не утруждаетъ насъ, трудъ бдѣнія насъ услаждаетъ, чтеніе и испытаніе писаній производится съ охотой, трудность работъ, послушаніе, нестяжательность, лишеніе всѣхъ земныхъ вещей и сіе пребываніе въ пустынѣ совершается съ пріятностью. (Писанія св. Іоанна Кассіана. Собесѣдованіе I о цѣли монаха гл. II).

тѣхъ, которые легковѣрно его слушаютъ, что онъ самъ какъ ни къ чему не способныхъ отвергаетъ тѣхъ, кто оставляетъ его, или что они, оставляя его добровольно, оставляютъ безразсудно. Но истина и опытъ говорятъ вопреки ему, что нестолько онъ ихъ отвергаетъ, сколько они оставляютъ его, и что онъ безразсуденъ и несправедливъ, поскольку отвергаетъ ихъ, а не они поскольку удаляются отъ него“ [1]).

Переходя къ монастырямъ собственно въ Россіи, мы наталкиваемся на единственное во всемірной исторіи государствъ явленіе. Монастыри и истинные представители аскетическаго идеала принимаютъ широкое участіе въ самомъ строеніи русскаго государства и общественной жизни русскаго народа. Извѣстно, что уже въ первые вѣка послѣ принятія христіанства религіозное усердіе въ Россіи между прочимъ обнаруживалось въ учрежденіи монастырей. Въ эпоху татарскаго господства, когда угрожала опасность самому существованію Россіи и русскій народъ легко могъ быть поглощенъ монголами, монастыри оказывали противъ этого великую помощь. Они получали отъ татарскихъ хановъ особые ярлыки, которыми они охранялись отъ всякихъ притѣсненій, не исключая и татарскихъ чиновниковъ. При такихъ условіяхъ монастыри могли дѣлать многое, что было почти невозможно для другихъ, и они широко пользовались своими правами, способствуя этимъ и благу самаго государства. Во многомъ благодаря особому положенію монастырей могла происходить разработка новыхъ земель, поддержаніе судоходства,—торговли и т. д., а главное монастыри поддерживали въ народѣ терпѣніе и надежду на избавленіе, пробуждали въ немъ христіанское самосознаніе, не допускавшее окончательнаго порабощенія народа. Въ XIV вѣкѣ, по разъясненію нашего историка, профессора В. О. Ключевскаго, на сѣверъ и сѣверовостокъ за Волгой лежалъ глухой непроходимый край, кое-гдѣ занятый дикарями финами. Русскому крестьянину съ семьей и бѣдными пожитками страшно было пуститься въ эти бездорожныя дебри. Но монахъ-пустынникъ пошелъ туда смѣлымъ развѣдчикомъ. Огромное большинство новыхъ монастырей съ половины XIV

---

[1]) Сочиненія Филарета, митрополита московскаго, т. II, Москва 1874 г. Слово 5 Іюля 1822 г. стр. 120.

до конца XV вѣка возникло среди лѣсовъ костромскаго, ярославскаго и вологодскаго края. „Старинные памятники исторіи русской Церкви разсказываютъ, сколько силы духа проявлено было русскимъ монашествомъ въ этомъ мирномъ завоеваніи финскаго языческаго заволжья для христіанской Церкви и русской народности. Многочисленные лѣсные монастыри становились здѣсь опорными пунктами крестьянской колонизаціи: монастырь служилъ для переселенца-хлѣбопашца и хозяйственнымъ руководителемъ и ссудной кассой и приходской церковью и, наконецъ, пріютомъ подъ старость. Вокругъ монастырей осѣдало бродячее населеніе, какъ корнями деревьевъ сцѣпляется зыбучая песчаная почва. Ради спасенія души монахъ бѣжалъ изъ міра въ заволжскій лѣсъ, а мірянинъ цѣплялся за него и съ его помощью заводилъ въ этомъ лѣсу новый русскій міръ. Такъ создавалась верхне-волжская Великороссія дружными усиліями монаха и крестьянина, воспитанныхъ духомъ, какой вдохнулъ въ русское общество преподобный Сергій". Даже факты самого освобожденія отъ татарскаго ига и возможности образованія прочнаго, независимаго русскаго государства проф. Ключевскій ставитъ въ непремѣнную связь съ тихой дѣятельностью преп. Сергія въ его Радонежской пустыни, который своимъ вліяніемъ поднялъ нравственно-духовныя силы русскаго народа, приниженныя вѣковымъ порабощеніемъ и унынiемъ, и вдохнулъ въ народъ чувства нравственной бодрости и духовной крѣпости. „При имени преп. Сергія, говоритъ онъ въ своей замѣчательной рѣчи 26 сентября 1892 года, народъ вспоминаетъ свое нравственное возрожденіе, сдѣлавшее возможнымъ и возрожденіе политическое, и затверживаетъ правило, что политическая крѣпость прочна только тогда, когда держится на силѣ нравственной. Это возраженіе и это правило—самые драгоцѣнные вклады преп. Сергія, не архивные или теоретическіе, а положенные въ живую душу народа, въ его нравственное содержаніе" [1]. Вообще достиженіе самостоятель-

[1] Значеніе преп. Сергія Радонежскаго для русскаго народа и государства. Рѣчь проф. В. О. Ключевскаго въ торжественномъ собраніи Московской духовной Академіи 26 Сентября 1892 г. Богословскій Вѣстникъ, 1892 г. № 11, Ноябрь. Она издана и отдѣльно Троицкой Сергіевой Лаврой подъ заглавіемъ: „Благодатный воспитатель русскаго народнаго духа".

наго политическаго существованія русскаго народа произошло вслѣдствіе сосредоточенія его матеріальныхъ и политическихъ силъ у московскихъ князей и пріобщенія восточно-европейскихъ и азіатскихъ инородцевъ къ Русской Церкви и народности посредствомъ христіанской проповѣди. Во всемъ этомъ, по свидѣтельству проф. Ключевскаго, великая роль принадлежала тремъ лицамъ, св. Алексію митрополиту Московскому, св. Стефану Пермскому, и св. Сергію Радонежскому. Каждый изъ нихъ подвизался на своемъ поприщѣ и совершалъ принятое имъ на себя дѣло. Но духовная дѣятельность иная, чѣмъ другія, она сразу можетъ вліять на многія стороны жизни. Такъ и значеніе дѣла этихъ трехъ лицъ простиралось далеко за предѣлы церковной жизни и широко захватывало политическое положеніе всего народа. Они, по выраженію проф. Ключевскаго, „яркимъ созвѣздіемъ блещутъ на нашемъ XIV вѣкѣ, дѣлая его зарей политическаго и нравственнаго возрожденія Русской земли“ [1]).

Вспомнимъ затѣмъ о значеніи въ нашей исторіи, наприм., Кіево-Печерской лавры. Монастырь этотъ справедливо называютъ культурнымъ центромъ домонгольской Руси. Онъ оказалъ громадное вліяніе на народъ, поддерживалъ въ немъ христіанскія начала жизни и долгое время служилъ сосредоточіемъ христіанской просвѣтительной дѣятельности и всей русской образованности [2]). Вообще изъ за монастырскихъ стѣнъ русскому народу свѣтился идеалъ христіанской жизни. Онъ шелъ туда, чтобы поучаться и укрѣпить тамъ свои нравственно-духовныя силы. Ослабѣвала ли въ русскомъ человѣкѣ надежда, истощалось ли терпѣніе, начинала ли погасать вѣра, онъ отправлялся въ монастырь къ какому-либо подвижнику или его послѣдователямъ и здѣсь, подобно тому какъ отъ горящаго свѣтильника зажигаются потухающіе свѣчи, въ немъ вновь загорался огонекъ духовной жизни, осмысливающій его земное существованіе и со-

---

1) Тамъ же.

2) Das Kiever Hohlenkloster als Kulturzentrum des vormongolischen Russlands von Dr. Goetz Universitats professor in Bonn. Passau. 1904 г. Рефератъ, читанный 26 сентября 1904 г. въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца при университетѣ св. Владиміра проф. Ф. И. Титовымъ, Труды Кіевской Духовной Академія 1904 г. № 12.

грѣвающій его сердце отъ охлажденія подъ вліяніемъ окружающей обстановки. Въ монастырѣ кромѣ того онъ получалъ полезное наставленіе, нужный совѣтъ, утѣшеніе и убѣждался въ возможности для человѣка иныхъ порядковъ жизни и великомъ значеніи для него христіанства. Міръ, скажемъ мы словами проф. Ключевскаго, относящимися къ монастырю св. Сергія XIV вѣка, уходилъ изъ многихъ монастырей „ободренный и освѣженный, подобно тому какъ мутная волна, прибивая къ прибрежной скалѣ, отлагаетъ отъ себя примѣсь, захваченную въ неопрятномъ мѣстѣ, и бѣжитъ далѣе свѣтлой и прозрачной струей". Такое вліяніе монастырей, какъ и всякое духовное, дѣйствовало органически, подобно закваскѣ, широко захватывало общество и вошло въ содержаніе духовнаго богатства русскаго народа. Итакъ монастыри съ ихъ аскетическимъ идеаломъ участвовали въ самомъ строеніи русскаго государства и цѣлые вѣка руководили духовною жизнью народа. О нихъ прямо можно сказать, что они составляютъ какъ бы камни въ основаніи зданія русскаго государства. Монастыри въ исторіи Россіи пріобрѣли также и государственное значеніе. Поэтому русскому государству слѣдуетъ очень осторожно обсуждать вопросы, связанные съ монастырями, и помнить, что отрицательное отношеніе къ нимъ во многихъ случаяхъ можетъ оказаться тѣмъ же, какъ и отламываніе камней изъ фундамента большого зданія.

Но вѣдь въ настоящее время монастыри не то, что были раньше во времена св. Антонія, св. Сергія и друг. великихъ подвижниковъ, монахи очень плохи и вовсе не выполняютъ ихъ завѣтовъ,—можетъ быть, скажутъ нѣкоторые. Да, конечно, нельзя отвергать, что теперь монастыри находятся въ иномъ положеніи и большинство измѣнило даже своему древнему назначенію,—служить прежде всего на духовную пользу самихъ монаховъ. При изученіи исторіи монастырей въ ней замѣчается по отношеніи къ монастырямъ процессъ ослабленія начала общиннаго и все большее и большее развитіе начала институтнаго, которое въ настоящее время сдѣлалось не только преобладающимъ, но почти одно составляетъ природу большинства монастырей. Возникновеніе монастырей было вызвано потребностью людей устраивать жизнь возможно удобнѣе для достиженія ея высшихъ цѣ-

лей. На первомъ планѣ выступали духовные интересы монаховъ, которые составляли основаніе самого образованія монастырей и отражались на самыхъ порядкахъ ихъ жизни. Наприм., въ монастыряхъ св. Пахомія не было даже монаховъ-священниковъ и литургіи для нихъ совершали священники изъ сосѣднихъ селъ. Пахомій считалъ вреднымъ для монаховъ получать степени священства, такъ какъ это питаетъ въ нихъ духъ любочестія и желанія преимущества, вызывающія въ монастыряхъ распри, зависть и раздѣленія. Изъ сочиненій св. Іоанна Кассіана видно, что въ иныхъ монастыряхъ не было даже особаго храма и монахи въ субботу и воскресенье ходили въ ближайшую сельскую церковь. Въ горѣ Нитрійской къ концу IV вѣка жило около 5000 иноковъ, раздѣленныхъ на 50 монастырей частью общежительныхъ, частью келейныхъ, общимъ мѣстомъ собранія былъ одинъ храмъ, куда они собирались въ субботу и воскресенье для общихъ молитвъ, проводя остальные дни въ подвигахъ благочестія въ своихъ монастыряхъ. На горѣ Нитрійской было 8 пресвитеровъ, но только одинъ изъ нихъ совершалъ литургію [1]). Такимъ образомъ монастыри представляли изъ себя общества монаховъ. Съ теченіемъ времени, когда языческій греко-римскій міръ сталъ все болѣе и болѣе принимать христіанскія формы жизни, число монаховъ въ пустыняхъ стало уменьшаться, что сдѣлалось уже особенно замѣтно въ VI вѣкѣ. Но впечатлѣніе, произведенное на христіанское общество монашествомъ, оказалось настолько сильно, что оно вызвало въ немъ стремленіе съ своей стороны поддерживать монастыри и сохранять для міра, хотя часть того, что обнаружили монахи въ своихъ порывахъ къ единенію съ Богомъ. Одно изъ наиболѣе сильныхъ впечатлѣній, произведенныхъ на міръ монахами, составляла, повидимому, ихъ способность къ молитвѣ, особенно же въ лицѣ ихъ высшихъ представителей. На важное значеніе этой молитвы обращали вниманіе многіе св. отцы и очень нерѣдко, наприм., св. Іоаннъ Златоустъ, который въ одномъ мѣстѣ, разъясняя значеніе монашества, прямо указываетъ,

---

[1]) Церковная Исторія Созомена. Кн. VI, гл. 31; и Руфина. Жизнь пустынныхъ отцовъ. Главы XXI и XXII и Исторія монашества проф. Казанскаго. Часть II, Москва 1856 г., стр. 15.

что они молятся за міръ. Подъ вліяніемъ этого императоры и частные люди начали обнаруживать желаніе снабжать монастыри всѣмъ необходимымъ и учреждать въ разныхъ мѣстахъ новые, лишь бы въ нихъ совершалась монахами возможно частая молитва за учредителей и благотворителей монастырей съ ихъ родными и за цѣлое государство. Въ подобныхъ отношеніяхъ къ монастырямъ стали усматривать также и даръ Богу вообще. Притокъ людей въ качествѣ монаховъ въ пустыни мало-по-малу сталъ смѣняться стремленіемъ самихъ мірскихъ людей устраивать и поддерживать монастыри. По свидѣтельству Вальсамона, въ 1158 году послѣдовалъ императорскій хрисовулъ, которымъ было повелѣно, всѣ недвижимыя имущества, находившіяся въ тотъ моментъ во владѣніи монастырей со всѣми принадлежащими имъ правами, по установленнымъ документамъ или безъ нихъ, если только до тѣхъ поръ не были доказаны на нихъ права казны, считать полною собственностью монастырей, чтобы они владѣли ею на всѣ вѣка непоколебимо и безъ всякаго посторонняго вмѣшательства", какъ даромъ императорскаго Величества и чистымъ приношеніемъ. Этимъ хрисовуломъ, какъ пояснено въ немъ, императоръ приноситъ Богу нѣкій малый даръ взамѣнъ тѣхъ безчисленныхъ благодѣяній, какія получилъ отъ щедродательной Его десницы. Въ хрисовулѣ же 1181 года, подтверждающемъ эти постановленія, по отношенію въ монастырямъ замѣчено: „мое императорское величество, нуждаясь въ подкрѣпленіи вашими молитвами и во всемъ желая итти по стопамъ блаженной памяти императора, самодержца и отца моего, благоволило подражать и его благотворительности по отношенію къ вамъ, посвятившимъ себя Богу, а такимъ образомъ и черезъ единое сіе благотвореніе къ вамъ, приносится даръ и Богу, царствующему надъ нами, и святой душѣ самодержца и отца моего императорскаго величества, и для нашей державы полагается опора и основаніе къ преспѣянію во благое"... Вмѣстѣ съ этимъ монастырямъ напоминается заботиться объ исполненіи при поминовеніяхъ отца императора всего, что указано монастырями въ поданномъ императору прошеніи [1]). Какъ видно, наприм., изъ 17 правила

[1]) Толкованіе Вальсамона на 12 правило VII Вселенскаго Собора. Правила св. апостолъ и соборовъ съ толкованіями. Выпускъ III, Москва 1899 г.

VII Вселенскаго собора устраивать монастыри предоставлено право и лицамъ не изъ монаховъ, клирикамъ и міянамъ, лишь бы они могли обезпечить его устройство и содержаніе нужными средствами. XIV новелла императора Льва Философа предписывала, ссылаясь на слова Спасителя: гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди нихъ (Мтѳ. XVIII, 20), что средства эти кромѣ построенія храма и снабженія его утварью должны быть достаточны для содержанія не менѣе трехъ монаховъ. Государственный законъ въ Византіи поддерживалъ такія явно выраженныя намѣренія. Если жертвователь умиралъ, не успѣвъ осуществить своего намѣренія и сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе своимъ имуществомъ, то согласно XIV новеллѣ Льва Философа монастырь получалъ долю его наслѣдства наравнѣ съ дѣтьми умершаго. Когда умершій былъ бездѣтенъ,—но оставлялъ родителей, то одна часть его имущества поступала родителямъ, а другая монастырю. При переходѣ же наслѣдства въ боковыя линіи всѣ такіе родственники получали лишь $^1/_3$ часть, а $^2/_3$ шли на монастырь [1]).

Изъ другихъ византійскихъ узаконеній видно, что ктиторы монастырей, какого бы званія они ни были, получали большое вліяніе на самое ихъ управленіе, на избраніе настоятелей, опредѣленіе способовъ ихъ содержанія и распоряжались монастырскимъ имуществомъ. Они, какъ показываетъ I правило Константинопольскаго Двукратнаго Собора, иногда смотрѣли на монастыри какъ на свою собственность, и по замѣчанію Собора, „надписывали себя владѣльцами пожертвованнаго и придумывали хитрость дѣлать посвященія Богу посредствомъ одного наименованія. Они не стыдятся и послѣ пожертвованія усвоять себѣ ту же власть, какую не возбранялось имѣть имъ прежде. И столько корчёмничества примѣшалось къ этому дѣлу, что многое изъ посвященнаго Богу явно продается самими жертвователями къ изумленію и огорченію видящихъ все это“. Если вспомнить при этомъ о св. Антоніи, св. Пахоміи и другихъ основателяхъ монастырей и о преслѣдовавшихся ими при этомъ цѣляхъ, то мы ясно чувствуемъ, что уже въ Византіи монастыри начали измѣнять свое прежнее назначеніе. Церков-

---

[1]) Толкованіе Вальсомона на 17 правило. Тамъ же, стр. 495—496.

ная власть того времени вполнѣ примирялась съ этимъ и съ этой точки зрѣнія устанавливала свое отношеніе къ монастырямъ. Со времени императора Алексѣя Комнена, который желалъ временно обезпечить разворенныя епископскія кафедры присоединеніемъ къ нимъ богатыхъ монастырей [1]), порядокъ этотъ мало-по-малу вошелъ въ обыкновеніе. Епископъ являлся игуменомъ монастыря и пользовался его доходами. Конечно, епископъ, предназначенный къ управленію епархіей, требовавшему много вниманія и труда, могъ быть настоятелемъ монастыря только формально и не имѣлъ возможности выполнять то, въ чемъ должны заключаться обязанности игумена по разъясненію самихъ представителей монашества. Епископъ волей-неволей становился просто административнымъ начальникомъ монастыря и поддерживалъ съ нимъ лишь чисто внѣшнія отношенія. Даже сами патріархи, по своему положенію еще менѣе способные заботиться о духовной жизни каждаго монаха, однако находили возможнымъ пользоваться, такъ называемымъ, правомъ ставропигіи, т. е. принимать въ свое собственное управленіе монастыри и притомъ не одинъ, а многіе. Патріархи, конечно, получали съ такихъ монастырей извѣстные доходы и съ этой точки зрѣнія, повидимому, нерѣдко и смотрѣли на нихъ. По крайней мѣрѣ относительно епископовъ вообще объ этомъ свидѣтельствуетъ Константинопольскій Двукратный Соборъ въ своемъ правилѣ. Здѣсь сказано, что многія епископіи приходятъ въ упадокъ, потому что предстоятели ихъ свои попеченія вмѣсто нихъ обращаютъ на созиданіе новыхъ монастырей и, ухищряясь на подрывъ епископій, доходы съ этихъ монастырей присваивать себѣ, заботясь объ умноженіи послѣднихъ. Будемъ также имѣть въ виду, что патріархи, какъ утверждаетъ Вальсомонъ въ своемъ толкованіи на 13 правило VII Вселенскаго Собора, находили возможнымъ дарить монастыри мірскимъ людямъ [2]). Во многомъ изъ этого развѣ можно усматривать отношеніе къ монастырямъ, вытекающее изъ принциповъ, положенныхъ въ ихъ основаніе великими представителями монашества.

---

[1]) Толкованіе Вальсомона на 37 правило Трульскаго Собора. Тамъ же.

[2]) Правила св. соборовъ съ толкованіями. Изданіе Москов. общества любителей дух. просвѣщенія. Выпускъ III, стр. 476.

Они едва-ли оправдали бы, наприм., что монастыри могутъ служить средствомъ для доходовъ епископамъ или что настоятели ихъ могутъ ограничиваться лишь ролью административныхъ начальниковъ, да еще съ высшимъ духовнымъ саномъ, и не быть изъ лицъ, посвятившимъ себя тому же, какъ и остальные монахи, и живущихъ съ ними одной общей жизнью... Гдѣ же при такихъ условіяхъ забота о духовномъ развитіи каждаго монаха, которую подвижники выдвигали на первый планъ и ради которой возникали и самые монастыри? Нѣтъ, нужно признать, что очень много монастырей во времена еще Византіи изъ общинъ монаховъ, на удовлетвореніе духовныхъ нуждъ которыхъ они прежде всего были разсчитаны, превратились въ особыя церковныя учрежденія, къ которымъ монахи оказались, такъ сказать, приставленными, какъ лица наиболѣе подходящіе и носящіе на себѣ монастырскую традицію. Византійскіе взгляды и порядки, естественно, отразились въ Россіи и на отношеніи къ монастырямъ. Почти съ самаго же начала у насъ появились два рода монастырей. Одни были вызваны къ существованію людьми ищущими въ нихъ духовнаго развитія, основаны, по выраженію лѣтописца, слезами, пощеніемъ и молитвою. Другіе же учреждались князьями и боярами въ благодарность Богу за какую-либо милость, для поминовенія умершихъ или живыхъ, въ воспоминаніе какого-либо важнаго событія въ жизни государственной или частной и т. п. Эти послѣдніе монастыри сразу возникали, какъ церковныя учрежденія, для которыхъ мало-по-малу набирались и монахи. Понятно, что лѣтописецъ различаетъ эти два рода монастырей и отмѣчая, что вторые не таковы, какъ первые, отдаетъ преимущество основаннымъ слезами, пощеніемъ и молитвою [1]). Въ Россіи также были эпохи высшаго разцвѣта монашества, когда появлялись среди него такіе личности, какъ св. Антоній и Феодосій Печерскіе съ ихъ послѣдователями, св. Сергій Радонежскій съ его многочисленными учениками и друг. Но затѣмъ стремленіе къ монашеству ослабѣвало, хотя число монастырей, повидимому, не уменьшалось. Почти всѣ они, не исключая и основанныхъ лучшими представителями монашества, получили характеръ институтный, т. е. учрежденій, которые стали служить не

[1]) Лѣтопись Нестора I, 13.

только для проживанія монаховъ, но и разнымъ другимъ цѣлямъ. Этотъ взглядъ на монастыри, какъ на учрежденіе, хотя не получившій словеснаго выраженія, но воспринятый изъ опыта жизни, ясно обнаруживался въ Россіи и въ прежнее время и вызывалъ тѣ или иныя отношенія къ монастырямъ. Особенно сильно вліяніе его чувствуется въ извѣстныхъ спорахъ св. Іосифа Волоцкаго съ св. Ниломъ Сорскимъ и ихъ сторонниками по вопросу о монастырскихъ имѣніяхъ. Обѣ стороны исходили изъ разныхъ взглядовъ на монастыри. Сторонники св. Нила Сорскаго считали, что монастыри должны быть понимаемы, какъ общины монаховъ, заботящихся о спасеніи свойственнымъ имъ образомъ, а Іосифъ Волоцкій ясно сознавалъ, что въ ихъ природѣ образовалось и начало институтное, не покрываемое интересами живущихъ въ монастыряхъ монаховъ и служащее еще и другимъ цѣлямъ. Развѣ это неясно, наприм., изъ разсужденій Іосифа на соборѣ 1503 года. Многіе монастыри, по его разъясненію, построены епископами и князьями еще въ началѣ просвѣщенія русской земли вѣрою. Основатели монастырей прежде всего старались сооружать въ нихъ храмы, а для богослуженія въ храмахъ необходимы были хлѣбъ, свѣчи, ладонъ и средства для содержанія священно-служителей. Чтобы монастыри и по смерти своихъ ктиторовъ не пришли въ упадокъ, нужно было обезпечить ихъ существованіе надежными и постоянными средствами. Этими средствами служили села и другіе источники, которыми благочестивые ктиторы надѣляли монастыри, между прочимъ и для того, чтобы бѣдные и больные находили здѣсь пріютъ и успокоеніе. А монахи отрекшіеся отъ міра должны были исполнять всѣ монастырскія работы съ постомъ и молитвою и завѣдывать дѣлами благотворительности. Трудясь для успокоенія странниковъ и больныхъ, для содержанія церковныхъ людей и предстоятелей, монахи не только не заслуживаютъ осужденія, но за свои труды и постничество получатъ еще сугубую награду. И блаженные ктиторы воспріимутъ за свои приношенія воздаяніе отъ Бога, что въ монастыряхъ совершается по нимъ вѣчное поминовеніе, на пользу ихъ душамъ. Если же нѣкоторые монахи подъ вліяніемъ корыстолюбія употребляютъ во зло достояніе Божіе, то они одни и будутъ отвѣчать за свои дѣйствія и ради

этихъ немногихъ, невнимательныхъ къ спасенію своей души, не слѣдуетъ закрывать путь къ спасенію другимъ, вступающимъ въ монастыри, и лишать душевной пользы ктиторовъ [1]). Игумены, иноки и попы могутъ впадать въ согрѣшенія, справедливо замѣчаетъ св. Іосифъ въ другомъ мѣстѣ, а церковь Божія и монастыри никогда не согрѣшаютъ [2]). Св. Нилъ же Сорскій, обращая взоры ко временамъ процвѣтанія египетскаго монашества, настаивалъ на лишеніи монастырей права имѣть села и чтобы чернецы жили по пустынямъ и кормились рукодѣліемъ [3]). Оба были правы съ своихъ точекъ зрѣнія и въ виду отсутствія стремленія прежде всего примирить самые исходные пункты споръ этотъ не получилъ разрѣшенія. Соборъ же подъ вліяніемъ ясныхъ указаній самой жизни склонился на сторону св. Іосифа Волоцкаго и призналъ необходимымъ сохраненіе за монастырями ихъ недвижимыхъ имуществъ, которыя сами по себѣ не могутъ вредить инокамъ, искренно заботящимся о спасеніи своей души. Принятіе съ теченіемъ времени въ свою природу институтнаго начала—удѣлъ каждаго великаго духовнаго явленія, не исключая и монашества. Это необходимо уже для самаго сохраненія вліянія на послѣдующія поколѣнія. Пріобрѣтая характеръ института или учрежденія, духовное явленіе продолжаетъ дѣйствовать въ мірѣ какъ бы независимо отъ измѣнчивыхъ человѣческихъ настроеній и взглядовъ и направляться той волей, которая вызвала явленіе. Иначе самое духовное явленіе можетъ быть легко затеряно въ человѣчествѣ и быть вытѣснено изъ душъ людей разными другими интересами и вліяніями. На переживаніе же духовнаго явленія во всемъ его объемѣ людьми даннаго времени, чтобы они были живыми его носителями, разсчитывать невозможно и въ этомъ отношеніи трудно что-либо сдѣлать. Какимъ образомъ можемъ мы, наприм., заставить появиться такихъ людей, какъ св. Антоній Великій, св. Антоній и Феодосій Печерскіе, св. Сергій Радонеж-

---

[1]) Прибавленіе къ твореніямъ св. отцовъ. Часть X. Москва, 1851 г.

[2]) Грамота игумена Іосифа къ б[illegible]рину Борису Васильевичу о причинахъ неоставленія имъ монастыря при утѣсненіяхъ онаго. Древняя Россійская Вавліофика. Часть XIV Москва 1790 г. стр. 189.

[3]) Жизнь преп. Іосифа составленная неизвѣстнымъ. Прибавленіе къ Твореніямъ св. отцовъ. Часть X.

скій и другъ.? Однако отъ насъ зависитъ стараться возможно лучше и въ болѣе живомъ видѣ сохранить завѣщенныя ими идеи, примѣры, формы жизни и т. п. Этой важной задачѣ между прочимъ и служатъ монастыри. Черезъ нихъ передъ каждымъ новымъ поколѣніемъ людей, какъ бы снова оживаетъ личность того или другого подвижника и выступаетъ изъ глубины вѣковъ со своею уже давно протекшею жизнью. Завѣса времени, отдѣляющая насъ отъ подвижника, какъ бы разступается. Онъ снова и снова производитъ на людей поднимающее духъ впечатлѣніе и переноситъ насъ въ область высшихъ цѣлей жизни. Здѣсь мы какъ бы становимся у порога безсмертія и начинаемъ чувствовать связь загробнаго міра съ нашимъ. Такъ приходится характеризовать то, что испытываютъ часто многіе при осмысленномъ посѣщеніи нашихъ монастырей. Мнѣ не разъ приходилось слышать, какъ сильно можетъ дѣйствовать въ духовномъ отношеніи пребываніе, наприм., въ Кіево-Печерской лаврѣ. Тамъ человѣкъ сталкивается со слѣдами такой мощи человѣческаго духа и силы воли и такой возможности вѣры и стремленія къ инымъ задачамъ жизни, которыя ранѣе онъ не могъ себѣ представить. Въ своей душѣ онъ чувствуетъ появленіе какого-то новаго содержанія, которое начинаетъ бросать иной свѣтъ на всю жизнь. Даже люди невѣрующіе и презрительно думающіе о монастыряхъ, и тѣ подъ вліяніемъ лавры переживаютъ иногда нѣчто такое, что какъ-бы клиномъ врывается въ ихъ душу. Одни изъ нихъ начинаютъ испытывать какой-то непонятный имъ страхъ, а другіе, прерывая пребываніе въ лаврѣ, спѣшатъ обратно въ обычную обстановку жизни. А вотъ мысли и чувства, какія можетъ вызвать Троицкая Сергіева лавра и которыя хорошо выражаетъ Филаретъ, митрополитъ московскій.

Мысль моя съ особеннымъ желаніемъ устремляется въ древнюю пустыню Сергіеву, говоритъ онъ, какъ бы погруженный въ переживаніе окружающихъ его впечатлѣній съ обращеніемъ къ самой лаврѣ. „Чту и въ красующихся нынѣ храмахъ твоихъ дѣла святыхъ, обиталища святыни, свидѣтелей праотеческаго и современническаго благочестія; люблю чинъ твоихъ богослуженій и нынѣ съ непосредственнымъ благословеніемъ преп. Сергія совершаемыхъ; съ уваженіемъ взираю на твои столпостѣны, непоколебавшіяся и тогда, когда

поколебалась было Россія. Знаю, что и лавра Сергіева и пустыня Сергіева есть одна и таже и тѣмъ же сокровищемъ богата, т. е. Божіею благодатью, которая обитала въ Преподобномъ Сергіи, въ его пустынѣ, и еще обитаетъ въ немъ и въ его мощахъ, въ его Лаврѣ: но при всемъ томъ желалъ бы я узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, наслѣдованное потомъ Лаврою. Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятыя троицы? Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но сердца молящихся горятъ тише и яснѣе свѣчи, и пламень ихъ досягаетъ до неба, и Ангелы ихъ восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной. Отворите мнѣ дверь тѣсной келліи, чтобы я могъ вздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій Преподобнаго Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его, въ которомъ впечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчественныхъ, чудодѣйственныхъ. Дайте мнѣ облобызать прагъ ея сѣней, который истертъ ногами святыхъ, и черезъ который однажды переступили стопы Царицы Небесной. Укажите мнѣ еще другія сѣни другой келліи, которыя въ одинъ день своими руками построилъ Преподобный Сергій, и въ награду за трудъ дня, и за гладъ нѣсколькихъ дней, получилъ укрухъ согнивающаго хлѣба. Посмотрѣлъ бы я, какъ, позже другихъ насажденный въ сей пустынѣ, Преподобный Никонъ спѣшно растетъ и созрѣваетъ до готовности быть преемникомъ Преподобнаго Сергія. Послушалъ бы молчанія Исаакіева, которое безъ сомнѣнія поучительнѣе моего слова. Взглянулъ бы на благоразумнаго Архимандрита Симона, который довольно рано понялъ, что полезнѣе быть послушникомъ у Преподобнаго Сергія, нежели начальникомъ въ другомъ мѣстѣ. Вѣдь это все здѣсь: только закрыто временемъ, или заключено въ сихъ величественныхъ зданіяхъ, какъ высокой цѣны сокровище въ великолѣпномъ ковчегѣ. Откройте мнѣ ковчегъ; покажите сокровище; оно непохитимо и неистощимо; изъ него, безъ ущерба его, можно заимствовать благопотребное, напримѣръ, безмолвіе молитвы, простоту жизни, смиреніе мудрованія“ [1]).

[1]) Слово сказанное 27 Сентября 1842 въ Троицкой Лаврѣ. Сочиненія Филарета митрополита московскаго т. IV Москва 1882 года стр. 193—194.

„И въ наши дни, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Ключевскій, люди всѣхъ классовъ русскаго общества притекаютъ ко гробу преп. Сергія съ своими думами, мольбами и упованіями, государственные дѣятели приходятъ въ трудные переломы народной жизни, простые люди въ печальныя или радостныя минуты своего частнаго существованія. И этотъ притокъ не измѣнялся въ теченіи вѣковъ, несмотря на неоднократныя и глубокія перемѣны въ строѣ и настроеніи русскаго общества. Старыя понятія изсякали, новыя пробивались или наплывали, а чувства и вѣрованія, которыя влекли сюда людей со всѣхъ концовъ русской земли, бьютъ до сихъ поръ тѣмъ же свѣжимъ ключемъ, какъ были въ XIV вѣкѣ. Если бы возможно было воспроизвести писаніемъ все, что соединилось съ памятью Преподобнаго, что въ эти 500 лѣтъ было молчаливо передумано и перечувствовано передъ его гробомъ милліонами умовъ и сердецъ, это писаніе было бы полной глубокаго содержанія исторіей нашей всенародной политической и нравственной жизни“ [1]).

Монастыри, очевидно, должны быть дороги для насъ, и вполнѣ оправдываютъ свое существованіе уже однимъ тѣмъ, что на ихъ почвѣ появились многіе великіе подвижники, до сихъ поръ оказывающіе благотворное вліяніе, и преимущественно черезъ монастыри. Кромѣ того монастыри представляютъ изъ себя пункты, гдѣ совершается частое богослуженіе. А хорошое отправленіе богослуженія, обыкновенно встрѣчаемое въ монастыряхъ, очень важно для современнаго общества, такъ какъ оно служитъ почти главной связью его съ Церковью. Многіе изъ монастырей построены въ память какого либо событія милости Божіей. Вступающій въ эту среду человѣкъ сразу попадаетъ въ атмосферу соотвѣтствующихъ воспоминаній, отъ нихъ въ немъ сильнѣе загорается вѣра и душа дѣлается способнѣе къ молитвѣ. Немало людей находятъ въ монастыряхъ самое удобное для себя мѣсто для исповѣди и св. причащенія. Обычная обстановка часто не даетъ человѣку возможности сосредоточиться и спокойно подумать о своемъ нравственно-духовномъ состояніи. Попадая же въ другія условія, человѣку легче удержать въ

---

[1]) Рѣчь въ торжественномъ собраніи Московской Духовной Академіи 26 сентября 1892 г.

себѣ слабые порывы духа и сознательнѣе приступить къ таинствамъ, хранимымъ Церковью. Мнѣ пришлось посѣтить немало различныхъ мѣстъ Россіи и на основаніи многочисленныхъ наблюденій я долженъ сказать, что гдѣ въ самомъ городѣ или селеніи или недалеко отъ нихъ есть монастырь, особенно же изъ наиболѣе извѣстныхъ, тамъ религіозное чувство населенія живѣе и способнѣе къ вліянію на душу. Для людей порвавшихъ связи съ Церковью или съ погасающей религіозной жизнью все это мало замѣтно, и даже понятно. Но долгъ уваженія къ чужой личности съ ея высшими интересами, о которыхъ столь много говорятъ въ послѣднее время, долженъ заставить и такихъ людей, особенно же призванныхъ къ законодательству или государственному управленію, прислушиваться къ подобнымъ заявленіямъ. Вѣдь и каждому изъ нихъ при желаніи не трудно убѣдиться, хотя бы по однимъ внѣшнимъ фактамъ, какое великое значенія для нравственно-духовной жизни русскаго народа имѣютъ, наприм., Кіево-Печерская и Почаевская лавры въ юго-западной Россіи, Соловецкій и Валаамскій монастыри на сѣверѣ, Иннокентьевскій близъ Иркутска въ Сибирѣ, Троицкая Сергіева лавра, монастыри Митрофаньевскій, Воронежскій, Задонскій, Саровскій, Оптина и Зосимовы пустыни въ средней Россіи, и многіе другіе. Нѣкоторые изъ нихъ оказываютъ вліяніе на всю Россію. Сколько народа всякаго званія еще на нашихъ глазахъ пріѣзжало въ Оптину пустынь къ старцу о. Амвросію и большинство изъ нихъ, по ихъ собственнымъ словамъ, получали отъ него нужную имъ помощь! Мнѣ хорошо также извѣстно, что, наприм., Зосимову пустынь, верстахъ въ 30 отъ Сергіевой лавры, немало посѣщаетъ людей вполнѣ интеллигентныхъ съ большой духовной пользой для себя. Развѣ можно было бы уничтожить всѣ подобные монастыри? Вѣдь это значило бы изуродовать русскую жизнь и совершить насиліе надъ русскимъ народомъ по отношенію къ удовлетворенію имъ своихъ лучшихъ и сокровенныхъ духовныхъ потребностей. Такимъ образомъ вопросъ о монастыряхъ вовсе не сводится къ вопросу о монахахъ, какъ стараются думать многіе. Монастыри въ Россіи существуютъ не только для монаховъ, но составляютъ и общее народное достояніе, которое мы должны оберегать ради духовныхъ интересовъ русскаго народа.

Что же касается монашества, то я отнюдь не утверждаю, что относительно его все обстоитъ благополучно. Нормальное состояніе монастырей требуетъ развитія ихъ какъ учрежденій и какъ монашескихъ общинъ. Но къ сожалѣнію съ монахами вообще, повидимому, произошло то, что съ геніальной прозорливостью предвидѣлъ еще св. Антоній Великій 1500 лѣтъ тому назадъ. „Придетъ время, сказалъ онъ съ воздыханіемъ и слезами своимъ ученикамъ, когда монахи оставятъ пустыни и потекутъ вмѣсто нихъ въ богатые города, гдѣ вмѣсто этихъ пустынныхъ пещеръ и тѣсныхъ келлій воздвигнутъ гордыя зданія, могущія спорить съ палатами царей, вмѣсто нищеты возрастетъ любовь къ собиранію богатствъ; смиреніе замѣнится гордостью; многіе будутъ гордиться знаніемъ, но голымъ, чуждымъ добрыхъ дѣлъ, соотвѣтствующимъ знанію; любовь охладѣетъ; вмѣсто воздержанія умножится чревоугодіе, и очень многіе изъ нихъ будутъ заботиться о роскошныхъ яствахъ, не меньше самихъ мірянъ, отъ которыхъ монахи ничѣмъ другимъ отличаться не будутъ, какъ одѣяніемъ и наглавникомъ; и несмотря на то, что будутъ жить среди міра, будутъ называть себя уединенниками, т. е. монахами. При томъ они будутъ величаться, говоря: я Павловъ, я Аполлосовъ (Кор. 1, 12), какъ бы вся сила ихъ монашества состояла въ достоинствѣ ихъ предшественниковъ; они будутъ величаться отцами своими, какъ іудеи—отцомъ своимъ Авраамомъ. Но будутъ въ то время и такіе, прибавилъ св. Антоній, которые окажутся гораздо лучше и совершеннѣе насъ, ибо блаженнѣе тотъ, кто могъ преступить и не преступилъ,—зло сотворить и не сотворилъ (Сир. 111, 11), чѣмъ тотъ, кто влекомъ былъ къ добру массою стремящихся къ тому ревнителей. Почему Ной, Авраамъ, и Лотъ, которые вели ревностную жизнь среди злыхъ людей, справедливо такъ много прославляются въ писаніи“ [1]).

Духовные интересы монаховъ въ настоящее время въ большинствѣ монастырей дѣйствительно отошли куда-то на второй планъ, и о нихъ почти нѣтъ заботы. Чтобы быть монахомъ достаточно извѣстнаго внѣшняго поведенія и ношенія

---

[1]) Писанія св. Антонія Великаго. Москва 1883 г. Изрѣченія св. Антонія § 26, стр. 12 и Patrol. Graec. t. 40, p. 1095.

монашеской одежды. Монахи являются лишь лицами приставленными къ монастырю, какъ учрежденію, и задача ихъ почти ограничивается совершеніемъ богослуженія или какимъ-либо внѣшнимъ служеніемъ монастырю, не исключая и завѣдыванія въ городахъ приносящими доходъ монастырскими домами, или другимъ недвижимымъ имуществомъ. Каждому извѣстно, что основатели монашества и его лучшіе представители однимъ изъ непремѣнныхъ условій монашеской жизни считали необходимость отказаться отъ всякаго права на личное имущество и соотвѣтственно этому устраивали порядки жизни и составляли правила. Константинопольскій же Двукратный Соборъ въ своемъ 6 правилѣ категорически постановилъ, что монахи не должны имѣть ничего собственнаго, но все ихъ имущество да укрѣпляется за монастыремъ, потому что блаженный Лука о вѣрующихъ во Христа и служащихъ образцомъ монашескаго общежитія говоритъ: никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее (Дѣян. IV, 32). Между тѣмъ въ наше время въ большинствѣ монастырей установились какъ разъ противоположные этому порядки. Обѣтъ нестяжательности, требующійся при вступленіи въ монашество, на практикѣ стали понимать, повидимому, лишь въ оставленіи имущества, которое принадлежало при вступленіи, а и не въ отказѣ отъ всякаго права на него въ послѣдующее время. Монахи послѣ постриженія могутъ имѣть сколько угодно денегъ и держать ихъ на свое имя въ кредитныхъ учрежденіяхъ. А чѣмъ дальше подвигается монахъ по своей службѣ при монастырѣ, т. е. получаетъ санъ игумена, архимандрита, званія настоятеля и т. д., тѣмъ болѣе возвращается ему правъ по имуществу, отъ которыхъ онъ отказался въ моментъ постриженія. Законъ въ 1025 ст. тома X ч. I предоставляетъ архіереямъ, архимандритамъ и прочимъ „монашествующимъ властямъ“ передавать даже свое движимое, частное имущество по духовнымъ завѣщаніямъ кому угодно. Что это за монашествующія власти, о которыхъ говоритъ законъ? Очевидно, это тѣ лица, которые по правиламъ монашескимъ, должны жить одинаковою жизнью съ монахами, заботиться о ихъ духовномъ состояніи и во всемъ подавать имъ примѣръ. При отсутствіи послѣ монашествующихъ властей духовныхъ завѣщаній имущество ихъ переходитъ въ

качествѣ наслѣдства по закону къ ихъ родственникамъ, т. е. возстановляются даже родственныя связи монаховъ, которыя однако порвались при ихъ постриженіи. Благодаря такимъ порядкамъ и вообще нѣкоторымъ внѣшнимъ преимуществамъ, соединеннымъ у насъ съ принятіемъ монашества, люди, которые ничего не имѣютъ въ міру и которымъ не отчего отказываться, могутъ черезъ постриженіе въ монашество достигать очень хорошаго матеріальнаго положенія и дѣлать жизненную карьеру, о которыхъ они не могли бы и мечтать, не произнося монашескихъ обѣтовъ.—Кромѣ того настоятелями многихъ монастырей по византійскому примѣру состоятъ епархіальные или викарные епископы, по своимъ обязанностямъ не имѣющіе возможности входить въ духовныя нужды монаховъ. Управленіе же ими монастырями черезъ намѣстниковъ нисколько не помогаетъ дѣлу. Намѣстники являются лишь простыми помощниками епископа, не обладающими достаточной самостоятельностью необходимой для руководства братіей, и обыкновенно это создаетъ только двойное начальство въ монастырѣ, одинаково чисто внѣшняго характера. О забвеніи духовныхъ интересовъ монашествующихъ свидѣтельствуетъ и назначеніе монастырскихъ настоятелей вообще. Обыкновенно при этомъ руководствуются почти исключительно умѣньемъ монаха приносить пользу монастырю внѣшнимъ образомъ и особенно его способностями по хозяйственному управленію, а не способностями его идти во главѣ братіи по пути монашеской жизни. Если все это терпимо при отношеніи къ монастырямъ, какъ учрежденіямъ, къ которымъ монахи приставлены для служенія, то едва-ли это примиримо со взглядомъ на нихъ какъ монашескія общины, спасающіяся особеннымъ образомъ по примѣру древнихъ подвижниковъ. Въ интересахъ возстановленія въ монастыряхъ этого начала необходимы реформы, и первая изъ нихъ—обращеніе по возможности всѣхъ монастырей въ общежительные, которые и теперь всетаки еще лучше поддерживаютъ свойственные монашеству порядки жизни, а вторая—выборъ въ монастыри настоятелей прежде всего въ зависимости отъ ихъ способностей быть духовными руководителями братства. Если у насъ подорвалось расположеніе къ монастырямъ, какъ общинамъ монаховъ, будемъ хранить ихъ какъ особаго рода церковныя учрежденія, въ

которыхъ какъ въ формѣ заключено много духовнаго богатства. Разбейте форму, и воспріятіе его затруднится, а для многихъ сдѣлается почти вовсе невозможнымъ. Спасеніе же для монаховъ, искренно къ нему стремящихся, какъ замѣтилъ еще св. Антоній Великій, возможно и при настоящихъ условіяхъ, но только соединено съ бо́льшими препятствіями. Обращая вниманіе на уклоненія монаховъ отъ прежнихъ порядковъ жизни, св. Антоній однако ничего не говоритъ о необходимости уничтоженія изъ за этого самихъ монастырей, очевидно сознавая возможность служенія ихъ и другимъ церковнымъ цѣлямъ. По отношенію же къ монастырямъ, какъ учрежденіямъ, нельзя не высказать пожеланія, чтобы они принимали болѣе активное участіе въ духовныхъ интересахъ посѣщаемаго ихъ народа, чтобы онъ получалъ возможность лучше понимать и воспринимать хранящееся въ монастыряхъ въ разныхъ видахъ духовное богатство. Пусть бы въ нашихъ монастыряхъ, особенно такихъ, какъ лавры, была приложена о стекающемся въ нихъ народѣ хотя часть тѣхъ духовныхъ заботъ, которыя, какъ мнѣ пришлось лично наблюдать, обнаруживаетъ католическое духовенство къ посѣтителямъ извѣстнаго Лурда въ Южной Франціи. Тогда вліяніе нашихъ монастырей еще болѣе возросло бы и еще сильнѣе содѣйствовало бы религіозной жизни русскаго народа. Если монахи, какъ мнѣ случилось слышать, отказываются отъ подобной дѣятельности, прикрываясь своими обѣтами и однако вполнѣ примиряя съ ними пріобрѣтеніе личной денежной собственности, или оказываются вообще неспособны къ этому, то почему бы не поручить духовную заботу о богомольцахъ представителямъ бѣлаго духовенства, что едва-ли создало бы какое-либо противорѣчіе съ понятіемъ монастыря, какъ церковнаго учрежденія? Условія переживаемой нами эпохи требуютъ затѣмъ отъ монастырей возможной для нихъ христіанской общественной дѣятельности. Монастырямъ слѣдовало бы основывать училища, въ которыхъ учащіеся кромѣ обученія наукамъ и ремесламъ пріобрѣтали бы умѣнье различать добро и зло, что духъ времени старается окончательно запутать. Большую пользу могли бы приносить больницы при монастыряхъ, въ которыхъ больные были бы окружены атмосферой проникнутой религіознымъ началомъ, и многимъ не приходилось бы страдать болѣзнью и умирать въ такихъ

мѣстахъ, гдѣ даже нельзя услышать спасительнаго имени Христа. Подобно этому для людей престарѣлыхъ и увѣчныхъ, неспособныхъ къ труду, составило бы истинное благодѣяніе устройство при монастыряхъ соотвѣтствующихъ учрежденій, чтобы, проживая въ нихъ, эти люди могли постоянно чувствовать на себѣ духовное вліяніе монастыря и проводить жизнь въ болѣе удобной для спасенія обстановкѣ.

Все это, какъ мы видѣли, не противорѣчитъ задачамъ монастырей и самому строгому аскетическому идеалу, въ чемъ порукой намъ отмѣченная выше дѣятельность великихъ представителей монашества, которые могутъ служить примѣромъ для монаховъ вообще. Вспомнимъ кромѣ того,—что, наприм., въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, какъ видно изъ Кіево-Печерскаго Патерика, преп. Ѳеодосіемъ былъ устроенъ при монастырѣ дворъ съ церковью, гдѣ всегда жило много нищихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, прокаженныхъ, которые питались отъ монастыря. На нихъ тратилась одна десятая часть монастырскаго имѣнія. Кромѣ того преп. Ѳеодосій посылалъ каждую субботу возъ хлѣбовъ находящимся въ темницахъ и во узахъ [1]). Исторія свидѣтельствуетъ также относительно св. Іосифа Волоцкаго (Волоколамскаго), что онъ устраивалъ училища для дѣтей, дома призрѣнія для старыхъ и убогихъ, во время голода кормилъ народъ на монастырскія средства, а когда увидѣлъ, что вслѣдствіе большой смертности очень много дѣтей потеряли родителей, построилъ особый домъ для сиротъ [2]). Заботы монастырей объ одержимыхъ нищетою и недугами св. Іосифъ, какъ приведено выше, выставлялъ даже однимъ изъ оправданій владѣнія монастырей недвижимыми имуществами и признавалъ для монаховъ полную возможность завѣдывать дѣлами благотворительности. Подобныя заботы о ближнихъ, требуемыя христіанскою любовью, можетъ быть вполнѣ покрыли бы по отношенію къ современнымъ монахамъ многіе недостатки и грѣхи ихъ монашеской жизни (1 Петра IV, 8). При такихъ условіяхъ монастыри привлекли бы къ себѣ немало новыхъ лицъ изъ міра, кото-

---

[1]) Часть 1 Жизнь пр. Ѳеодосія. Одесса 1903 г. стр. 59.

[2]) Исторія православнаго монашества въ Сѣверо восточной Россіи со времени пр. Сергія, составленная д. М. Кудрявцевымъ ч. II. Москва 1881 г. гл. V. стр. 121—122.

рые часто жаждутъ отдать себя на служеніе ближнимъ, да не находятъ для этого твердой точки приложенія своихъ силъ.

Итакъ существованіе монастырей не только должно быть охраняемо, но уничтоженіе ихъ вредно отозвалось бы на интересахъ Церкви и народа. Этимъ между прочимъ была бы уничтожена важная историческая особенность самой Россіи, благотворно дѣйствующая на ея жизнь, что, конечно, уже не можетъ входить въ задачу законодателя и правительства. Недостатокъ отъ отсутствія такихъ учрежденій, какъ монастыри, сознается въ послѣднее время даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Западной Европы. До насъ дошли сообщенія, что въ Англійской Церкви и, кажется, еще въ какой-то протестантской странѣ, недавно былъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ учрежденій, напоминающихъ наши монастыри, съ особымъ классомъ людей, поставившихъ своею цѣлью проводить извѣстнымъ образомъ жизнь и всецѣло посвятить себя на служеніе ея религіознымъ задачамъ.

Для болѣе прочнаго обезпеченія монастырей въ достиженіи ими многихъ цѣлей за ними необходимо сохранить по крайней мѣрѣ тѣ недвижимыя имущества, которыми они владѣютъ въ настоящее время, и въ томъ числѣ земли. Необходимость для монастырей недвижимыхъ имуществъ хорошо разъяснена, какъ мы видѣли, еще св. Іосифомъ Волоцкимъ. Древнія церковныя правила, наприм., 12 правило VII Вселенскаго собора, 24 пр. IV Вселенскаго собора, 49 пр. Трулльскаго и друг. показываютъ, что Церковь вообще допускала для монастырей владѣніе недвижимыми имѣніями и распространила на нихъ свойства имущества церковнаго. 24 правило Халкидонскаго собора въ Славянской Кормчей наприм., прямо разъясняется въ томъ смыслѣ, что „селъ и виноградовъ и прочихъ стяжаній церковныхъ у монастырей не отъимати“ [1]). Если монастыри должны быть оберегаемы, то по вопросу собственно о монастырскихъ земляхъ пришлось бы повторить многое, что уже высказано относительно земель церковныхъ. Для монастырей земли могутъ быть важны между прочимъ и потому, что черезъ нихъ мона-

---

[1]) Правила св. Вселенскихъ соборовъ съ толкованіями. Выпускъ II Москва, 1897 г., стр. 245.

хамъ предоставляется возможность кормиться трудами рукъ своихъ и, хотя этимъ, напоминать собою древнихъ египетскихъ иноковъ, нанимавшихся на жатву у сосѣднихъ владѣльцевъ для полученія хлѣба на прокормленіе себя и другихъ нуждающихся въ помощи.

Нѣкоторые, недовольные монахами, въ доказательство необходимости отобрать монастырскія земли приводятъ соображеніе, что доходы съ нихъ все равно тратятся напрасно, на содержаніе не заслуживающихъ уваженія монаховъ. Но думать такъ, значитъ не отдавать себѣ отчета въ дѣйствительномъ положеніи дѣла. Я уже обращалъ вниманіе, что понятіе „монастыри“ теперь совсѣмъ не совпадаетъ съ понятіемъ „монахи“. Земли принадлежатъ монастырямъ, а доходы съ нихъ и другихъ недвижимыхъ имѣній идутъ на общія нужды монастырей, какъ церковныхъ учрежденій. Если же нѣкоторая часть доходовъ употребляется собственно на содержаніе, приставленныхъ къ монастырю и служащихъ ему въ разныхъ отношеніяхъ монаховъ, то, конечно, они имѣютъ право на полученіе отъ этого учрежденія содержанія, безъ котораго нельзя жить и исполнять свои обязанности въ нашемъ мірѣ. Не забудемъ, что и русскій народъ въ своей массѣ умѣетъ различать понятіе монастыря и монаховъ, что, какъ мы видѣли, ясно обнаруживается еще у св. Іосифа Волоцкаго. Если народу замѣчаетъ неправильную жизнь монаховъ, то это въ его глазахъ не подрываетъ еще значеніе монастырей, какъ учрежденій, и возможность для него пользоваться хранящимся въ монастыряхъ духовнымъ богатствомъ.

Приведенныя выше статистическія данныя показываютъ, что количество монастырскихъ земель въ Россіи еще гораздо меньше, чѣмъ церковныхъ. Въ Европейской Россіи оно не достигаетъ 0,1% ея пространства, въ Азіатской составляетъ лишь немногимъ болѣе 0,001%, а во всей Россіи около 0,02%. Монастырской земли въ Россіи оказывается столь мало сравнительно съ разными другими ея видами, что крики именно объ ея отчужденіи въ интересахъ облагодѣтельствованія крестьянъ, которымъ могутъ быть отведены другія земли, становятся прямо смѣшными, если только они не направляются скрытымъ стремленіемъ чѣмъ-либо повредить монастырямъ.

Такимъ образомъ въ настоящее время ни о какомъ отчужденіи принадлежащихъ монастырямъ земель не должно быть и рѣчи. Помимо всего другаго это пошло бы въ разрѣзъ съ самими государственными интересами Россіи.

На основаніи всего сказаннаго я прошу IV Отдѣлъ Присутствія обсудить и принять слѣдующія положенія: Въ настоящее время не только не возможно отчуждать недвижимыя церковныя имущества съ какими бы то ни было цѣлями, но эти имущества слѣдовало бы увеличить въ интересахъ болѣе прочнаго доставленія Православной Церкви въ Россіи нужныхъ средствъ для ея цѣлей, въ которыхъ она терпитъ недостатокъ. До сихъ поръ не всѣ церкви надѣлены еще назначеннымъ имъ по закону количествомъ земли, и потому должно позаботиться по крайней мѣрѣ о пополненіи недостающаго количества. Вмѣстѣ съ этимъ является настоятельно необходимымъ установить въ законодательномъ порядкѣ разъясненіе о непріобрѣтеніи церковныхъ недвижимостей по давности. Существующій же порядокъ противорѣчитъ самой природѣ церковнаго имущества и является особенно вреднымъ для Церкви въ виду крайне легкихъ условій захвата въ Россіи чужого имущества по давности, при чемъ законъ не обращаетъ даже вниманія на добросовѣстность или недобросовѣстность дѣйствій завладѣвшаго. Церковныя имущества въ отношеніи ихъ защиты на судѣ должны пользоваться правами имуществъ казенныхъ [1]).

---

[1]) Послѣ обмѣна мнѣній положенія эти были приняты IV Отдѣломъ Предсоборнаго Присутствія.

---

Оттискъ изъ №№ Богословскаго Вѣстника за 1907 годъ.

Печатать разрѣшается. Октября 18 дня, 1907 г
Ректоръ Академіи. *Епископъ Евдокимъ.*